

Жюльетта Бенцони

Недостойные знатные дамы

Оглавление

- [УБИЙСТВЕННЫЕ КОЗНИ АРИСТОКРАТОВ](#)
- [ПРЯНИК КАТРИН ДЕ ШАТОНЕФ](#)
- [ШПАГА И ЯД АББАТА ДЕ ГАНЖА](#)
- [1. ВИЗИТ К ЛА ВУАЗЕН](#)
- [2. УБИЙСТВО](#)
- [ДРАГОЦЕННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ГРАФИНИ ДЕ ЛА МОТТ-ВАЛУА](#)
- [1. ПЕРВЫЕ ШАГИ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ АВАНТЮРИСТКИ](#)
- [2. РАСКАЛЕННОЕ ЖЕЛЕЗО](#)
- [«ПРОКАЗЫ» МАРКИЗА ДЕ МОБРЕЯ](#)
- [1. МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ ГОСПОДИНА ДЕ ВИТРОЛЯ](#)
- [2. ЧУДЕСНАЯ ЛОВЛЯ](#)
- [ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ МАДАМ ЛАФАРЖ](#)
- [1. «ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ»](#)
- [2. А БЫЛ ЛИ МЫШЬЯК?](#)
- [ГОСПОДА БУРЖУА. БЕЗУМСТВА ДВУХ ТУЛУЗСКИХ НОТАБЛЕЙ](#)
- [1. О РАЗУМНОМ СОГЛАСИИ В ДЕЛАХ ЛЮБВИ](#)
- [2. ОБ УБИЙЦАХ-НЕУДАЧНИКАХ И О ПОСЛЕДСТВИЯХ ОДНОГО УБИЙСТВА](#)
- [ТРОСТЬ АРМАТОРА](#)
- [1. ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА](#)
- [2. БРОДЯЧИЙ ТРУП](#)
- [СТРЯПНЯ ГОСПОДИНА ЖИРУ](#)
- [ПРЕКРАСНАЯ ОБМАНЩИЦА И МЕСЬЕ ФЮАЛЬДЕС](#)
- [ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОШЕННИКИ](#)
- [ВИНО ЛОНДОНСКОЙ КРАСАВИЦЫ](#)
- [1. ПРИКЛЮЧЕНИЕ НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА](#)
- [2. МЕСТЬ](#)
- [УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА ЛЕЗЬЮРКА \(Дело о лионской почте\)](#)
- [КРОВАВАЯ ГОСТИНИЦА В ПЕЙРЕВЕЛЕ](#)
- [КОГДА НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ДЕТИ. ВЕСЕЛЫЕ САЛЕМСКИЕ ДЕВЧУШКИ...](#)
- [БЛАГОРОДНЫЕ РАЗБОЙНИКИ](#)
- [СКАЗАНИЕ О КУМЕ ГИЙЕРИ](#)
- [ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ ГАСПАРА ИЗ БЕСА](#)
- [1. УЩЕЛЬЕ ОЛЬЮЛЬ](#)
- [2. ЭШАФОТ В ЭКСЕ](#)
- [ЛЕГЕНДА О БРАТЬЯХ ДЖЕЙМС](#)

*Взойдя на эшафот, поздно стыдиться содеянного преступления
Тома Корнель*

УБИЙСТВЕННЫЕ КОЗНИ АРИСТОКРАТОВ

ПРЯНИК КАТРИН ДЕ ШАТОНЕФ

— Шах и мат!

Отложив в сторону хрустальную шахматную доску, инкрустированную золотом, Филипп Добрый, сидевший в кресле с высокой спинкой, откинулся назад и протянул к огню свои длинные белые руки. Затем он поднял глаза на крестника и улыбнулся:

— Ты снова проиграл, Филипп!

— Я всегда вам проигрываю, монсеньор. Вы для меня слишком сильный противник — по сравнению с вами я играю просто отвратительно. Дофин Людовик играет гораздо лучше меня.

Герцог Бургундский поморщился, как это с ним часто случалось, когда в его присутствии упоминали о дофине — сыне его давнего соперника Карла VII. В поисках пристанища дофин в прошлом году прибыл к бургундскому двору, и герцог откровенно побаивался его дьявольского ума.

— Для меня он играет даже слишком хорошо, — пробормотал он. — Я предпочитаю играть с тобой, Филипп, это гораздо приятней. К счастью, ты проигрываешь только в шахматы! Ты хорошо мне служишь.

Филипп По, камергер Бургундии и кавалер ордена Золотого Руна, кивком поблагодарил герцога. Он умел ценить доверие своего сюзерена и крестного, чьи приказы и распоряжения всегда исполнял неукоснительно. Владея поместьем де Ла Рош возле Нолэ, он был одним из самых могущественных сеньоров, подвизавшихся при дворе Филиппа Доброго, которого в Европе с завистью и восхищением называли Великим Герцогом Запада. Ибо немногие королевства могли сравниться с герцогством Бургундским, земли которого граничили с Голландией.

Наступила тишина. Тяжелые веки герцога медленно опустились, и на какое-то время камергеру даже показалось, что его повелитель уснул. Герцогу шел шестой десяток, и нередко сон одолевал его внезапно. Но герцог не спал. Он размышлял, и при этом руки его бессознательно теребили орден Золотого Руна, висевший поверх черной бархатной куртки. Когда же спустя несколько минут герцог продолжил, голос его звучал так, как если бы он обращался к самому себе:

— Я действительно очень доволен тобой, Филипп. Особенно отличился ты в прошлом году, во время переговоров о браке моего сына Шароле с Изабеллой Бургундской, которая только что произвела на свет первого ребенка. И мне вдруг пришло в голову, что я не вознаградил тебя должным образом за устройство этого брака. Надо бы сделать тебе подарок по случаю рождения моей внучки.

— Вы уже столько для меня сделали, сударь!

— Нет-нет, я знаю: тем, кого любишь, обычно забываешь воздать должное. И потом, Филипп, приняв владение, которое я хочу тебе подарить, ты окажешь мне еще одну услугу. Чтобы удержать эти земли, нужен человек сильный и верный, а также храбрый. У тебя есть все эти качества... и я надеюсь, что ты не боишься привидений.

Филипп По, как и следовало ожидать от молодого человека, лишь усмехнулся:

— Привидений? Вы изволите шутить, сударь?

Но герцог не шутил. Тень пробежала по его челу и заволокла водянистые голубые глаза, взгляд которых устремился на пляшущие языки пламени. Неожиданно зрачки герцога расширились, словно в глубине пылающего камина пред ним предстала какая-то страшная картина.

— Нет, Филипп. Просто я решил подарить тебе Шатонеф — земли и замок.

Несмотря на все свое самообладание, Филипп По побледнел. Его могучая рука, привыкшая к рукоятке тяжелого меча, сжала обхватывавший бедра широкий кожаный пояс, украшенный золотыми бляшками.

— Замок?..

Герцог утвердительно кивнул, а потом усталым голосом объяснил:

— Катрин была последней в роду, и потому после суда я взял ее удел под свою опеку, дабы он ни под каким видом не достался д'Оссонвилям. Эта крепость вместе с твоим замком Ла Рош являются ключами к Бургундии: объединив их под твоей властью, я укреплю оборону Дижона. И потом, мне кажется, она рада была бы узнать, что ее владения перешли к тебе. Ведь когда-то она любила тебя...

Забыв на время о правилах приличия, Филипп По отвернулся, медленно подошел к глубокой амбразуре окна и прислонился к холодной стене. На улице стужалась тьма, стоял сырой мартовский вечер 1457 года. Частый мелкий дождь смывал грязь со стен дворца и наполнял водой каналы Брюгге. И внезапно рыцарю показалось, что вся эта влага обрушилась на него, во всяком случае, его глаза вдруг стали мокрыми. Словно издали до Филиппа донесся голос герцога:

— Я знаю, ты был против, когда я решил устроить этот брак, вступив в который она погубила свою душу. Но все это было так давно...

— Она была прекрасна! — чуть слышным эхом отозвался камергер. — И она хотела любви, любви во что бы то ни стало... Любой ценой!

Шестнадцатью годами раньше замок Шатонеф со всеми обширными землями перешел в женские руки. Двадцатилетней девушке пришлось самостоятельно управлять замком, который высился на обрывистой скале, нависавшей над долиной реки Бренн. Девушка была богата и отличалась броской красотой, присущей пышущим здоровьем белокурым дочерям Бургундии. Будучи сиротой, она считала, что вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению, а надо сказать, претендентов на руку Катрин де Шатонеф было хоть отбавляй — их притягивали не только ее земли, но и она сама. Однако Катрин не торопилась с выбором, зная, что супруг, каким бы нежным он ни был, займет главенствующее положение и станет ее хозяином, более или менее суровым. Поэтому пока она предпочитала наслаждаться недолговечной свободой и получать удовольствие как от робких, так и от дерзких ухаживаний тех, кто домогался ее руки. Впрочем, до сих пор никто не сумел заставить ее сердце забиться сильнее, хотя иногда она сожалела, что ее сосед, юный Филипп По, смотревший на нее восхищенным взором, был на шесть лет ее моложе, а не на десять лет старше. Филипп был красив и, несмотря на нежный возраст, отличался недюжинной силой. В будущем он обещал стать именно таким мужчиной, которого она смогла бы полюбить... Увы! Пока он был еще ребенком, а замку Шатонеф уже сейчас была нужна твердая хозяйская рука.

Мнение романтической девушки разделял герцог. Он знал, что крепость является одной из ключевых позиций на подступах к Дижону, и ей требуется сильный хозяин. Однако планы его шли еще дальше. Постоянно занятый приращением своих земель, расширяя, как только возможно, герцогство Бургундское, Филипп мечтал, выдав замуж прекрасную Катрин, увеличить свои владения. Между Бургундией и принадлежащими ему землями во Фландрии вклинивалась провинция Шампань. И Филипп Добрый желал только одного: постепенно завладеть вышеуказанной Шампанью, а потом присоединить ее к своим территориям, как он уже не раз проделывал с иными землями.

На один из пышных праздников, которые герцог часто устраивал в своих резиденциях (в данном случае речь шла о турнире в Дижоне), была приглашена Катрин де Шатонеф со своей старой тетушкой, исполнявшей обязанности компаньонки. Увидев девушку, Филипп Добрый был поражен ее красотой, а также заметил, сколь глубокое впечатление произвела она на одного шампанского сеньора по имени Жак д'Оссонвиль, чьи обширные владения находились как раз неподалеку от границ Бургундии.

Герцог любил устраивать браки, полезные с государственной точки зрения. Он с упоением исполнял роль свахи и соединял своих подданных нерушимыми узами с поистине королевским вдохновением. При этом он оставался в полнейшем неведении относительно чувств брачующихся сторон — они его просто не интересовали.

Во время турнира в голове Филиппа созрел дерзновенный план: привязать к себе прелестную Катрин узами любви и одновременно выдать ее замуж за шампанского

дворянина, который был значительно старше ее и, следуя законам природы, должен был покинуть этот мир гораздо раньше своей будущей супруги. Это предоставило бы герцогу Бургундскому прекрасный повод вмешаться, чтобы защитить права любезной его сердцу молодой вдовы. Он мог бы дать отпор законному наследнику (юному брату д'Оссонвиля) и таким образом расширить свои владения за счет вожделенных земель Шампани.

План удался только наполовину. Д'Оссонвиль, втайне поощряемый герцогом, быстро стал в ряд официальных претендентов на руку девушки, но выступление Филиппа в роли соблазнителя провалилось полностью. С жестокой беспечностью, свойственной молодости, Катрин де Шатонеп откровенно заявила ему, что хотя он и герцог, но для нее слишком стар. Катрин хотелось бы вступить в брак с: каким-нибудь молодым и красивым сеньором, своим ровесником, который бы обеспечил ей радости любви. В то же время она надеялась, что имя супруга позволит ей занять то место, на которое она была вправе рассчитывать по рождению. Иными словами, Катрин де Шатонеп не чувствовала в себе призвания стать герцогской фавориткой.

Филипп Добрый испытал жестокое разочарование. Он обожал женщин и с ранней молодости коллекционировал любовниц. Соппротивление Катрин взбесило его. Но раз женщина была для него недоступна, он поклялся во что бы то ни стало завладеть ее землями. И однажды упрямица получила официальное распоряжение выйти замуж за сира д'Оссонвиля — и как можно скорее.

Столь прямолинейный приказ поверг девушку в смятение, можно сказать, даже в отчаяние. Отказывая сорокалетнему герцогу, она вовсе не собиралась бросаться в объятия человека еще более старого и гораздо менее привлекательного! Катрин попыталась защитить себя. Попросив аудиенции, она стала умолять Филиппа позволить ей повременить с браком, внушавшим ей отвращение. Увы, в ответ она получила ледяной отказ и формальное подтверждение предыдущего распоряжения. Ей дали понять, что брак этот обусловлен высшими интересами герцогства Бургундского, подданной которого она является, и она должна быть счастлива оказанным ей высоким доверием.

— К тому же, — прибавил в заключение герцог, — вы совершите вполне благочестивый поступок. Вы скрасите последние годы жизни почтенного человека, который, без сомнения, будет относиться к вам скорее как к дочери, нежели как к жене. Вы станете для него последней отрадой: несчастный на коленях будет обожать вас, словно святую деву! Поверьте, придет время, и вы будете мне благодарны за то, что я устроил этот брак.

Эти слова Катрин де Шатонеп запомнила навсегда. Ибо следует признать, что, набрасывая картину будущей жизни юной мадам д'Оссонвиль, Филипп Добрый проявил недюжинное воображение. Нежные и поэтические краски, которыми он расписал ее будущее, разительно отличались от того, что ожидало ее на деле...

В первую же брачную ночь Катрин почувствовала, что Жак д'Оссонвиль отнюдь не собирается обращаться с ней «по-отцовски». Он сделал ее женщиной, вволю насладившись ее телом, но его ласки отнюдь не вызвали у Катрин энтузиазма. Напротив, они породили в ней глубокое отвращение. Однако хуже всего было то, что д'Оссонвиль вскоре увез жену в Шампань, в свой замок, даже отдаленно не напоминающий ее роскошное жилище в Бургундии.

Замок Монтре-ле-Сек, окруженный дремучими лесами, находился в нескольких лье от Эпиналя и больше напоминал тюрьму, чем дворец, где живут в свое удовольствие. Вскоре молодая жена владельца замка обнаружила, что в этом унылом жилище царит раз и навсегда установленный порядок. И этот порядок предполагает, что с женой сеньора обращаются скорее как с привилегированной служанкой, но отнюдь не как с хозяйкой замка...

Запертая в Монтре, где золото и ковры были сложены в сундуки, а свечи и дрова отмерялись чрезвычайно скудно, где служанки, опустив очи долу, бесшумно скользили по сырым пустынным коридорам, Катрин скоро почувствовала себя пленницей. Дни ее

проходили в часовне, в заботах по дому и чтении благочестивых книг, которые выбирал для нее капеллан. По ночам же она вынуждена была удовлетворять все возрастающие аппетиты мужа, обезумевшего как от любви, так и от ревности. Вскоре муж уже внушал ей нестерпимый ужас, и из-за этого ночи превратились для нее в арену борьбы — глухой, скрытой и жестокой. Охваченный желанием, муж пытался во что бы то ни стало сделать жене наследника, та же неустанно молила небо не даровать ей детей. При одной лишь мысли о том, что она может произвести на свет плод этих омерзительных ночей, ей делалось дурно. Но что могут молитвы против природы? А природа, увы, создала Катрин для того, чтобы она рожала...

Но однажды вечером судьба подсказала ей неожиданный ответ на мучивший ее вопрос.

— Чтобы не иметь детей, госпожа, недостаточно просто молиться. Старая Жиро знает секрет, как свести на нет все усилия мужа.

Мадам д'Оссонвиль так и подскочила на своей скамеечке для молитв и только потом обернулась. Позади, смиренно опустив глаза, стояла Перетта — юная служанка, приставленная к ней, дабы оказывать мелкие услуги и заботиться о ее немногочисленных туалетах.

— Почему ты это сказала? — спросила Катрин.

— Потому что я нечаянно услышала, о чем вы просите. Благородная госпожа так страдает — даже не замечает, что молится во весь голос. Но Господу легче выполнить просьбу, когда ему немного подсобят...

Некоторое время Катрин смотрела на служанку, прикидывая, можно ли ей доверять. Заметив ее испытующий взгляд, Перетта подняла глаза, и в них было нечто такое, что хозяйка вздрогнула.

— Хозяин жесток! — прошептала девушка. — Так кто же захочет, чтобы на свет появился еще один мучитель?

— А ты знаешь эту Жиро?

— Это моя тетка. Местные боятся ее и говорят, что она колдунья, но она им нужна, потому что умеет лечить болезни. Она также знает, что надо делать, чтобы не было детей.

На следующее утро, когда муж, поднявшись чуть свет, умчался в одно из своих поместий, Катрин отправилась к старухе, чья хижина находилась на краю дремучего леса. Вскоре она возвратилась в замок; с собой она принесла флакон с какой-то мутной жидкостью, и ей было велено через месяц прийти за следующим. К великой ярости мужа, в замке так и не появилось ни наследника, ни наследницы. Все усилия Жака д'Оссонвиля были напрасны, однако возраст его вполне позволял думать, что причиной того был он сам...

Шли годы, и, быть может, Катрин так бы и погрязла в этой унылой, однообразной жизни, позабыв, что такое солнце, если бы богу не было угодно послать ей знак — настоящий соблазн, против которого невозможно устоять.

Через десять лет после свадьбы чета д'Оссонвилей ничем не отличалась от сотен себе подобных семейств: великая страсть мужа прошла, и жена, избавившись от того, что она почитала суровой повинностью, молча влачила свое унылое существование. Однако она все еще была молода и красива, несмотря на свои мрачные платья, которые никто не осмелился бы назвать нарядами. Но кого интересовали подобные вещи в этом унылом замке?

Однако случилось так, что однажды в замок прибыл, мужчина. Он был молод, отважен и полон жизни. Дальний родственник д'Оссонвиля, этот человек принадлежал к той ветви семейства, предок которой был бастардом, поэтому владелец замка Монтре взял его к себе в дом в качестве управляющего. Его звали Жиро де Пармантье, и вместе с ним в замок вошли любовь и искушение.

Юноша быстро понял, что под серыми платьями мадам д'Оссонвиль скрывается очаровательная женщина в расцвете молодости, обуреваемая единственным желанием: жить. Любовь поразила их обоих — одновременно и с одинаковой силой. Не успев

провести под одной крышей и недели, Катрин и Жиро уже знали, что ничто не сможет им воспрепятствовать любить друг друга. Однако долгие месяцы они сопротивлялись искушению, каждый сумел возвести на пути своей любви мощную преграду: он — из осторожности, она — из гордости. Катрин так долго мечтала о необыкновенной любви, что теперь ей было тяжело признаваться себе, что она влюбилась в простого управляющего.

Однако любовь оказалась сильнее. Однажды вечером, когда дела удерживали д'Оссонвиля вдали от дома, Катрин распахнула Жиро двери своей спальни и свои объятия — и пришла в изумление от той радости, которую он сумел ей доставить.

Постепенно она изменилась, в ней проснулся вкус к жизни, что повергло в великую растерянность семейство мужа и в великую тревогу самого престарелого супруга. После стольких лет брака он успел охладеть к жене и успокоиться на ее счет: ревность, снедавшая его сердце сразу после свадьбы, постепенно стихла. Да и родственники удовлетворенно взирали, как молодая хозяйка замка словно вся съежилась, замкнулась в себе и облачилась в серый наряд, вполне под стать своей унылой жизни. Возникли даже предположения, что если д'Оссонвиль умрет, жена ненадолго переживет его. И вдруг Катрин словно подменили — она вспомнила, что еще молода, и принялась растрачивать свою нетронутую молодость. За ней начали следить.

Хотя эта слежка не слишком докучала влюбленным, вскоре оба были одержимы одной идеей: убрать ненавистного мужа. Призвали на помощь старуху Жиро (не состоявшую в родственных связях с красавцем-управляющим) со всем арсеналом любовных и прочих чародейских напитков, однако безуспешно: д'Оссонвиль был словно чудесным образом заговорен от злых козней. Более того, казалось, что его жизненные силы с каждым днем все прибывают. И вот однажды один из любовников произнес роковое слово. Кто это был, на судебном процессе так и не выяснилось, но, в сущности, это никого особенно не интересовало. Устранить назойливое препятствие решили оба, и оба действовали по взаимному согласию.

— Я достану яд, — сказал Жиро.

— Я дам его мужу, — сказала Катрин.

У нее действительно была такая возможность. Когда она еще жила в Бургундии, тетушка научила ее печь, поведав ей рецепт пряников, которыми уже в те времена славился Дижон. Жак д'Оссонвиль очень любил пряники, которые: пекла его жена, а подмешать яд в тесто ничего не стоило — тем более что вкус у пряников был резкий и необычный.

И вот 22 ноября 1455 года Жиро де Пармантье отправился в Эпиналь за хозяйственными покупками. По дороге он заехал к знакомому старому еврею, и тот за несколько золотых продал ему сернистый мышьяк, который, как известно, является сильнодействующим ядом.

Недрогнувшей рукой Катрин уверенно подмешала этот яд в тесто пряника, который она испекла к возвращению мужа с охоты.

Все получилось именно так, как предвидели оба заговорщика: д'Оссонвиль съел отравленный пряник и отправился спать. Проснуться ему было уже не суждено, и пока он агонизировал, Жиро и Катрин радовались, что все прошло так гладко и успешно. Но судьба успела выдернуть звено из хитроумно сплетенной ими цепочки...

Этим звеном стала Перетта, юная служанка Катрин. Ночью, убирая со стола остатки трапезы, она доела пряник, и наутро на кровати нашли ее уже успевшее остыть мертвое тело.

Совпадение было слишком подозрительным. Семейство д'Оссонвиль тотчас обвинило в убийстве Катрин и человека, о котором все знали, что он является ее любовником. Лейтенант по уголовным делам Жан де Лонгейль арестовал преступников, и они были препровождены в Париж, где их допросили со всей принятой тогда строгостью. Разумеется, под пытками они во всем сознались, и отныне ничто не могло их спасти.

13 марта 1456 года Катрин де Шатонеф, мадам д'Оссонвиль, одетая в желтое рубище и закованная в цепи, была привязана к телеге, запряженной тощей клячей. Телега повлекла ее по покрытой грязью и нечистотами парижской мостовой к Свиному рынку, где обычно варили заживо фальшивомонетчиков и сжигали ведьм. Костер был уже сложен. Спустя несколько минут женщина, посчитавшая возможным купить счастье ценой преступления, уже корчилась в языках пламени. Ее сообщник также окончил свою жизнь на костре — после того как был подвергнут пытке на колесе.

В Брюссельском дворце воцарилась гнетущая тишина, но ни старый герцог, ни его молодой камергер не решались ее нарушить. Каждый погрузился в воспоминания, воскрешая в памяти тот страшный день, когда рассказ о казни Катрин де Шатонеф ужаснул бургундский двор.

Наконец герцог вздохнул:

— Так ты согласен принять Шатонеф, Филипп? Ты единственный, кто сможет изгнать из замка призрака, ибо я уверен, что к тебе душа Катрин не питает зла...

Филипп По преклонил колени перед своим господином и вложил в его руку свои сложенные ладони, невольно повторив таким образом старинный жест, сопровождавший принесение присяги на верность.

— Согласен, монсеньор. Но, с вашего позволения, я перестрою все жилые постройки замка. Иначе я не смогу там жить...

— Делай все, что сочтешь нужным. Главное, что ты согласен принять владение. Понимаешь, с того самого дня, когда состоялся суд, меня гложет раскаяние. Ибо я чувствую себя виновным в случившемся. Теперь же все будет проще... Намного проще!

ШПАГА И ЯД АББАТА ДЕ ГАНЖА

1. ВИЗИТ К ЛА ВУАЗЕН

Слушание дел в Судебной палате города Тулузы было назначено на 27 мая 1667 года. Как только заседание было открыто, генеральный прокурор Ле Мазюйе встал и попросил слова:

— Господа заседатели, я обязан сообщить вам, что совершено самое страшное преступление, которое когда-либо приходилось расследовать нашему суду. Жертвой его стала мадам де Ганж, убитая своими деверями — шевалье де Ганжем и аббатом де Ганжем. О совершенном злодействе известили сенешаля и прево Монпелье, которые, к сожалению, были не вправе начать расследование, так как обвиняемые принадлежат к знатному семейству. Дабы преступники не остались безнаказанными, необходимо как можно скорее исправить положение. Вот почему я прошу суд назначить по этому делу исполнителей, которые смогли бы отправиться на место преступления, воочию во всем убедиться, вынести постановление об аресте виновных и немедленно начать процесс, чтобы справедливый приговор...

Окончание речи генерального прокурора потонуло в шуме голосов потрясенных сообщением судей. Тотчас для проведения расследования были отряжены двое судейских советников, Гийом де Массно и Амабль де Кателан. В сопровождении двенадцати жандармов города Тулузы они без промедления отправились в путь.

Между тем в самой Тулузе возмущение ужасным убийством стремительно нарастало.

— Убили Прекрасную Провансальку! Убили Прекрасную Провансальку! — кричали на всех перекрестках. Гнев тулузцев не знал границ — но не столько оттого, что оба убийцы являлись родственниками своей жертвы и один из них был священником, сколько потому, что они осмелились покуситься на самую прекрасную женщину юга Франции. Ибо в Тулузе, где каждый в душе почитал себя поэтом, красота считалась даром божьим, заслуживающим всяческого уважения.

Действительно, трудно было найти женщину более очаровательную, чем тридцатидвухлетняя маркиза де Ганж. Однако лестное свое прозвище она получила не у себя в провинции, а при дворе: впервые появившись там, она совершенно очаровала блистательное благородное собрание.

В то время ей было пятнадцать лет, она носила имя маркизы де Каstellан, и красота ее была столь ослепительна, что шведская королева Христина, увидев ее на балу, громко посетовала, что она не мужчина, а потому не может поухаживать за юной красавицей.

Ее девичье имя было Диана де Жоаннис де Шатоблан де Руссан, она принадлежала к старинной авиньонской семье, мнившей себя потомками Святого Людовика в пятнадцатом колене. Родители Дианы, Габриэль де Жоаннис и Лора де Руссан, выдали ее замуж за моряка Доминика де Каstellана, маркиза д'Ампюс. Сразу же после замужества молодая женщина была представлена ко двору и имела огромный успех, о котором уже было сказано. Муж Дианы, офицер королевских галер, преследовал в Средиземном море берберских пиратов и, несмотря на взаимную любовь супругов, не слишком много времени проводил со своей молодой и очаровательной женой. Но, разумеется, после каждого возвращения его ожидал нежный прием.

К несчастью, спустя девять месяцев Каstellан погиб в открытом море неподалеку от Сицилии, где его галера потерпела крушение. Погрузившись в скорбь, молодая вдова оставила двор, вернулась в родной Авиньон (бывший также родиной ее покойного мужа) и, желая выплакаться вволю, сразу же затворилась в монастыре.

Впрочем, у нее хватило здравого смысла, чтобы не постричься в монахини, а избранный ею монастырь, к счастью, не принадлежал к тем твердыням, которые заведомо ограждают своих обитателей от мира. Затворницам могли наносить визиты не только женщины, но и мужчины. Поэтому помимо матери и свекрови, маркизы д'Ампюс, Диану посещало немало молодых людей, привлеченных как ее ослепительной южной красотой, так и солидным состоянием. Все знали, что состояние это должно было еще возрасти после того, как Господь приберет к себе деда молодой женщины, старого Мельхиора де Жоанниса де Ношера, слывшего самым богатым человеком в Провансе.

Благодаря этим частым визитам Диана неожиданно для себя довольно быстро обрела вкус к жизни, и постепенное пребывание в монастыре, несмотря на его далекий от строгости устав, стало казаться ей слишком унылым. Через несколько месяцев, решив, что уже достаточно оплакала своего дорогого Доминика, она покинула монастырь и поселилась в Авиньоне, в роскошном доме деда.

Хозяин дома жил на широкую ногу и всячески старался развлечь любимую внучку. Диану рисовали оба Миньяра: один — в исполненном строгости облике святой, другой же — в облике гораздо менее суровом. Позднее один из биографов художника писал:

«Полагают, для возбуждения воображения художника она использовала тот же способ, что и греческий оратор, желавший собрать голоса ареопага в пользу Фриния, в защиту коего он выступал...»

Сумел ли художник в конце концов утешить юную вдову? Никто не может с уверенностью это утверждать, однако вполне вероятно, что в его объятиях Диана вновь обрела радости любви. Впрочем, это несколько не помешало ей вскоре влюбиться в одного из претендентов на ее руку.

Это был губернатор соседнего городка Вильнев-лез-Авиньон, юноша на два года моложе мадам де Каstellан и почти столь же красивый, как она, хотя красота его была довольно мрачной и суровой. Он происходил из благородной лангедокской семьи, и звали его Шарль де Виссек де Латюд, маркиз де Ганж.

8 августа 1658 года Диана вышла за него замуж и переехала к нему в Вильнев. Супруги поселились в губернаторском доме, и жена надеялась, что теперь ей не придется подолгу коротать время одной: де Ганж был пехотным полковником, поэтому морские путешествия ему явно не грозили.

Однако очень скоро маркиза де Ганж начала жалеть о своей прежней жизни супруги моряка. Ибо губернатор был наделен не только мрачной красотой, но и угрюмым характером. Ревнивый, как Отелло, он бы охотно заточил свою прелестную супругу в четырех стенах, и лучше всего в стенах своего родового замка в Лангедоке, чтобы никто не мог видеть ее.

Рождение двоих детей, Александра и Мари-Эспри, ничего не изменило, и постепенно молодая женщина начала уставать от любви мужа, оказавшегося чрезмерно требовательным, и по мере возможности стала избегать ее.

К счастью, в Париже не забыли Прекрасную Провансальку, и мать. Дианы, мадам де Жоаннис де Руссан, проводившая в столице большую часть своего времени, нередко раскрывала двери дома «своим дорогим детям». Не желая ссориться с семьей жены — по крайней мере, пока был жив старый Ношер, — де Ганж против воли делал хорошую мину при плохой игре и сопровождал жену в этих поездках.

В Париже Диана стала завсегдаем кружка очаровательной графини де Суассон, отличавшейся весьма вольным поведением. Однако при многочисленных недостатках графиня обладала и некоторыми положительными качествами, одним из которых была преданность друзьям. Она подружилась с Прекрасной Провансалькой и сочувствовала ее безрадостному супружеству.

В самом начале 1667 года, когда Диана, приехавшая провести в доме у матери новогодние праздники, стала сокрушаться, что ей вскоре опять придется вернуться в унылый замок Ганж, мадам де Суассон, следуя тогдашнему парижскому обычаю, посоветовала подруге тайком сходить к ворожее.

— Поговорите с ворожеей! Она расскажет вам ваше будущее и, быть может, даст полезный совет.

— Ворожея?

— Ну да! Я знаю одну чрезвычайно искусную гадалку, которая по моей рекомендации примет вас незамедлительно. Она живет неподалеку отсюда, в Вильнев-сюр-Гравуа. Ее зовут Катрин Монвуазен... или просто Ла Вуазен.

Некоторое время Диана колебалась, но наконец решилась и однажды морозным вечером, надев маску, отправилась к самой знаменитой ворожее Парижа.

С первого взгляда гадалка разочаровала ее: это была толстая женщина в дорогом, но вычурном и довольно грязном наряде. К тому же от нее уже в трех шагах несло вином. С трудом поборов отвращение, молодая женщина протянула ей руку, и ворожея склонилась над ней.

Сначала гадалка изрекала обычные в таких случаях предсказания: маркизе было обещано богатство, дальняя дорога, высокое положение, любовь — словом, все то, что обычно, как догадывалась Диана, говорят в таких случаях гадалки. Казалось, эта неопрятная женщина повторяет заученные слова, своего рода зазубренный урок, и маркиза, истомившись, уже решила, что пора уходить, как вдруг склонившаяся над ее рукой Ла Вуазен вздрогнула. Ее красное от частых возлияний лицо мгновенно посерело, она подняла голову и пристально уставилась в скрытое маской лицо посетительницы.

— Вам грозит жестокая смерть от руки одного из ваших родственников, мадам! — произнесла она. — Вам надо остерегаться!

Несмотря на маску, маркизе не удалось скрыть свое волнение. Побледнев, она принялась нервно тереть тонкими пальцами вышитые бархатные перчатки, которые сняла, войдя в дом.

— Остерегаться? — упавшим голосом переспросила она. — Но чего?

— Всего! Железа, огня, яда... в иных случаях все средства хороши. Если вы не будете начеку, то не доживете до конца этого года.

Эти слова повергли Диану в ужас. Ей хотелось засыпать гадалку вопросами, но та уже успела обрести прежний сонный вид и опустила в кресло, буквально утонув в широких

складках своего нелепого балахона, расшитого золотыми орлами. Ее глаза с набрякшими веками устало закрылись.

Диану охватило сильнейшее желание поскорее покинуть душное логово ворожеи, вселившей в ее душу неизъяснимую тревогу. Торопливо вытащив из муфты кошелек, она положила его на стол. Ла Вуазен открыла один глаз и оценивающе оглядела кошелек. Судя по всему, оценка была положительной, ибо гадалка быстро встала, подошла к большому сундуку, обитому медью, и бросила туда кошелек. Затем она порылась в глубинах сундука и вытащила флакон, наполненный пахучей жидкостью. Посмотрев его на свет, она протянула флакон молодой женщине. Взор ее внезапно снова стал ясным и пронизательным.

— Не ведаю вашего имени, сударыня, но вы, несомненно, принадлежите к высшему обществу. У вас была любовь, но не было счастья. Вы несчастны, и все же вы не стали требовать у меня того... за чем так часто приходят сюда другие.

— За чем же они приходят?

— Не имеет значения! Вы все равно не поймете. Но выслушайте меня хорошенько: если после завтрака или обеда вы почувствуете себя плохо» проглотите несколько капель этого целебного средства. Поверьте,

оно уже спасло немало людей, спасет и вас. А теперь идите. И да хранит вас бог!

С этими словами ворожея снова опустила в кресло и закрыла глаза, словно усилие, которое она только что сделала над собой, исчерпало ее силы.

Пытаясь унять охватившую ее тревогу, маркиза де Ганж на цыпочках вышла из комнаты и направилась к карете, а усевшись, зябко поежилась и закуталась в меховую накидку. Зима была холодной, Сена замерзла, и теперь ее можно было перейти по льду пешком. Каждый день на улицах подбирали трупы несчастных, умерших от холода; морг Большого Шатле был переполнен. Внезапно маркизе показалось, что сердце ее так же оледенело, как и сердца этих покойников. Ей было страшно признаться, что увиденная ею странная женщина всего лишь догадалась о смутных предчувствиях и мимолетных страхах, которые то и дело посещали ее...

Дело в том, что с некоторых пор Диане стало казаться, будто супруг никогда по-настоящему не любил ее и женился на ней исключительно из-за приданого. Временами она даже задавалась вопросом: а не испытывает ли он ненависть к ней?..

Итак, всю дорогу до предместья Марэ, где находился дом ее матери, мадам де Ганж смотрела на маленький флакон, который лежал у нее на ладони: и даже через перчатку согревал ей руку и придавал мужества. Возможно, думала она, ей следовало поблагодарить мадам де Суассон более сердечно, чем она сделала это накануне! Дома Диану встретила невообразимая суета. Слуги сновали во все стороны, носили вещи и укладывали их в чемоданы, а посреди всей этой неразберихи расхаживал маркиз, еще более сумрачный, чем обычно.

— Завтра мы уезжаем в Авиньон, — сообщил он жене, пока та снимала накидку. — Дорогая, я вынужден сообщить вам печальную новость, так что соберите все свое мужество.

Столь безрадостное предисловие сразило ее на месте. Диана побледнела.

— Бог мой, что случилось?

— Речь пойдет о вашем деде. Достойный господин де Ношер...

Не успев произнести роковые слова, он бросился к жене, которая, охваченная внезапной слабостью, зашаталась и непременно упала бы, если бы он не подхватил ее.

К счастью, обморок был непродолжительным. Очнувшись, Диана обнаружила, что сидит в кресле, а Шарль идет к ней со стаканом воды в руке.

— Выпейте, дорогая! Это придаст вам сил.

Он улыбался, и молодую женщину внезапно охватил жуткий страх. Широко раскрыв глаза, она смотрела на стакан, приближавшийся к ее губам, и ей казалось, что в нем была растворена цикута!

Диана недаром вспомнила о страшном предсказании Ла Вуазен: после смерти деда она становилась несметно богатой и совершенно беззащитной. К несчастью, за восемь лет, прожитых с мужем, Диана поняла, что он вечно нуждается в деньгах, хотя не имела ни малейшего представления, на что он их тратит.

Вежливо, но решительно она отвела его руку:

— Нет, благодарю! Мне не хочется пить. Я просто замерзла. Продрогла до костей...

Маркиз не стал настаивать, поставил стакан на стол и вызвал камеристку Дианы. Приказав уложить хозяйку в постель, он еще раз напомнил, что они уезжают завтра на рассвете.

На следующее утро мадам де Ганж покинула Париж. Более она туда не возвращалась.

На похоронах Мельхиора де Ношера присутствовали весь Авиньон и Прованс. После поминок Диана де Ганж, почувствовав недомогание, удалилась к себе — у нее начался озноб, в голове шумело, в боку покалывало. Объяснив себе это странное состояние усталостью после тяжелого дня, она решила позвать Анкету, свою камеристку, и попросить ее приготовить целебный настой. Однако, войдя в туалетную комнату, она увидела, что камеристка, содрогаясь всем телом, склонилась над тазом: ее рвало.

— Боже мой! Что с тобой? — с тревогой воскликнула маркиза, устремившись к девушке.

Аннета подняла на нее помутневший взор.

— Я не знаю! Меня прихватило внезапно... после ужина. Мне кажется... это ванильный крем.

Больше она не успела ничего сказать — мадам де Ганж побледнела, ей сделалось дурно, и она бросилась к камину: ее стошнило. Внезапно, несмотря на смертельную слабость, в голове Дианы мелькнула леденящая душу мысль: ванильный крем ели Аннета и она сама, но господин де Ганж к нему не притронулся! Он утверждал, что ненавидит вкус ванили...

Дурнота прошла, и едва мадам де Ганж смогла перевести дух, она тут же вспомнила о флаконе Ла Вуазен. С трудом Диана дотащилась до кровати, достала спрятанный в изголовье сундучок, вытащила флакон и отпила несколько капель...

Почти в ту же секунду она почувствовала себя лучше. Ее похолодевшие руки согрелись, стало легче дышать. Приободрившись, она вспомнила о своей горничной. Бедная девушка лежала без сознания на ковре перед камином и дышала тяжело, словно больная собака.

Хозяйка опустилась рядом с Анкетой на колени, приподняла ей голову, разжала ножом зубы и капнула в рот несколько капель целебной жидкости. Затем она стала ждать. Через несколько минут бледные губы девушки порозовели — горничная возвращалась к жизни, и Диана мысленно поблагодарила загадочную женщину из Вильнев-сюр-Гравуа.

Утром маркиза узнала, что одна из девушек, прислуживавших на кухне, ночью скончалась; перед смертью у нее был сильнейший приступ рвоты. Она тоже ела злосчастный крем!

Мадам де Ганж поняла, что настала пора предпринять какие-то шаги, и отправилась к матери, которая также находилась в Авиньоне по случаю похорон своего свекра. Лора де Жоаннис де Руссан никогда не питала теплых чувств к зятю: она не любила его за угрюмый нрав и считала лицемером. Но выслушав дочь, она совершенно растерялась.

— А вы уверены, что не ошиблись, Диана? Ведь это же чудовищно!

— Вы правы, матушка! Поэтому я пока и не обвиняю господина де Ганжа в попытке убить меня. Тем не менее я не сомневаюсь, что кто-то в этом доме хотел меня убить, и из-за этого погибла девушка. Но я не хочу умирать, матушка! Я молода, красива и люблю жизнь. Однако у кого-то есть причины желать моей смерти, и я должна как можно скорее устранить эти причины. Как вам известно, завтра мы уезжаем в замок Ганж. А там гораздо легче избавиться от меня.

— О боже! Тогда вам не следует туда ехать!

— Вы же знаете, я хочу повидаться с детьми, а значит, мне надо туда ехать, потому что мой супруг не разрешает Александру и Мари-Эспри покидать замок. Он не хочет, чтобы они жили в Париже или Авиньоне.

Отказ мужа отпустить из замка детей глубоко уязвлял мадам де Ганж. Желая заставить жену постоянно жить в Ганже, Шарль постановил, что детей будет воспитывать его мать, которая, имея собственный дом в Монпелье, большую часть времени проводила в замке Ганж. И когда Диане хотелось повидать детей, она должна была возвращаться в замок.

— Ваша свекровь — достойная женщина, — заметила мадам де Жоаннис. — Она не позволит причинить вам вред!

— Боюсь, что она не сможет помешать этому: ведь попытались же они убить меня в двух шагах от вас. Нет, я хочу принять необходимые меры предосторожности.

И Диана объяснила матери, что намеревается немедленно составить завещание, объявив ее своей полноправной наследницей. А после смерти мадам де Жоаннис все, включая состояние Ношеров, перейдет к детям маркизы де Ганж.

Через час завещание было составлено по всей форме. Однако Диана сочла необходимым принять еще ряд предосторожностей; для этого она собрала в доме своего первого мужа городских советников и пригласила нескольких надежных свидетелей. В их присутствии мадам де Ганж торжественно заявила, что отныне должно считаться недействительным любое иное завещание, составленное после сегодняшнего дня, как бы ловко его ни приписывали ей. Заявление это она делает на тот случай, если ей придется умереть вдали от Авиньона.

— Если вам представят такое завещание, — продолжала Диана, — знайте, что оно фальшивое и подложное, даже если этот документ будет подписан моей собственной кровью. Не знаю, до какой крайности смогут меня довести, но я утверждаю, что только сегодняшнее завещание является подлинным!

Когда все необходимые формальности были выполнены и бумаги подписаны, маркиза сообщила супругу, что она готова ехать в Ганж.

2. УБИЙСТВО

Солнышко, которое обычно так радует путешественников по дорогам Прованса и Лангедока, и на этот раз светило вовсю, однако для супругов де Ганж поездка проходила в зловещем, сумрачном молчании. Надвинув шляпу на самые брови, маркиз сидел в углу кареты и за всю дорогу не произнес ни слова, а жена даже не пыталась смягчить его злобное настроение.

За несколько часов до отъезда между супругами состоялось бурное объяснение, причиной которого стало завещание, составленное и обнародованное Дианой. Узнав о поступке жены, Шарль пришел в ярость и обрушил на нее поток проклятий и упреков.

— Вы что же, решили меня погубить и опозорить? Да вы, сударыня, положительно с ума сошли!

— С ума сошла? О, это было бы слишком просто! Нет, сударь, я не сумасшедшая. Знайте же, мысль о завещании пришла мне в голову не без помощи известного вам ванильного крема, от которого я чуть не погибла. Вам следовало бы поблагодарить меня за то, что я не дала разгореться скандалу. Согласитесь, я была весьма сдержанна.

Она ожидала взрыва гневного возмущения, но ничего подобного не произошло. Напротив, ярость маркиза, похоже, улеглась. Презрительно пожав плечами, супруг покинул поле брани, и Диана, оставшись одна, почувствовала, как ледяная рука сдавила ей сердце. Он даже не почел за труд отрицать обвинение, не счел нужным удивиться! И пока экипаж катился по дороге, бегущей среди оливковых плантаций, маркиза, забившись в угол, с горечью думала о том, что человек, сидящий рядом с ней, наверняка желает ее смерти...

В маленьком городке Ганж, расположенном на слиянии рек Эро и Рьетор, росли старинные платаны, простирая свои ветви над белыми домиками с выгоревшими на солнце черепичными крышами. Это было уютное и очаровательное местечко. Однако стоило мадам де Ганж увидеть в теплой послеполуденной дымке высившиеся над городком башни древнего замка, как черная пелена заволочла ей взор и дрожь пробежала по всему телу. Старинная семейная твердыня не отличалась комфортом, маркиза давно об этом знала, но сейчас, когда она возвращалась сюда после ужасного покушения на свою жизнь, хмурый замок показался ей предвестником беды. Его мрачные стены напомнили Диане стены могильного склепа, а в скрипе колес ей почудился далекий приглушенный голос Ла Вуазен:

— Если вы не станете остерегаться, то не доживете до конца этого года...

Тревожные ощущения не покидали ее до тех пор, пока карета не остановилась во дворе замка. Там Диану уже ждали дети; с радостными криками бросились они к ней навстречу, и Диана нежно обняла обоих.

Как две капли воды похожие на красавицу-мать, дети были очаровательны. Александру недавно исполнилось шесть лет, а хорошенькой Мари-Эспри, одетой в длинную, точь-в-точь как у взрослой дамы, юбку, было четыре года. Бабушка, вдовствующая маркиза, с улыбкой следовала за детьми. Женщины горячо обнялись.

Старая дама несколько не походила на своего угрюмого сына: она была любезна, улыбчива, добра и питала искреннее расположение к невестке. Увидев ее, Диана несколько приободрилась: невозможно было даже представить себе, чтобы в доме, где проживала столь почтенная вдова, кто-нибудь осмелится причинить ей вред. В спорах супругов вдовствующая маркиза часто выступала в роли третьейского судьи и всегда принимала сторону своей невестки.

К несчастью, на пороге замка появились еще две личности, при виде которых улыбка мгновенно исчезла с губ маркизы. У нее и в мыслях не было застать в доме братьев мужа! Большую часть времени эти господа проводили вдали от родового гнезда, поскольку предпочитали городские удовольствия мирным сельским утехам. Диане никогда не нравился шевалье Бернар, а аббат Анри был ей просто отвратителен. Оба брата были распутниками и отъявленными волокитами, оба постоянно пропадали в игорных домах или у куртизанок. Аббат почти не скрывал, что носит сан лишь ради сопутствующих ему привилегий, которых, впрочем, ему все равно не хватало.

Еще задолго до предостережения ворожеи Диане становилось не по себе от улыбок и любезностей, расточаемых братьями мужа богатой золовке. Более того, сразу же после вступления в брак она была вынуждена давать отпор их наглым ухаживаниям, грубость которых внушала ей только отвращение. С презрением отвергнутые, девери, казалось, перестали обращать на нее внимание, но Диана была уверена, что они не простили ей отказа.

Увидев их в замке, она попыталась скрыть свое отвращение и вежливо ответить на их комплименты и любезности, однако улыбка сползла с ее лица, когда шевалье Бернар, наклонившись поцеловать ей руку, прошептал:

— Надеюсь, на этот раз вы подольше пробудете с нами, дорогая сестра? Хорошенькие женщины здесь редки, и без вас, клянусь вам, в этих старых развалинах слишком тоскливо!

— Я пробуду здесь так долго, как это будет угодно маркизу, — холодно ответила Диана.

— Значит, вы больше никогда не покинете замок, — улыбнулся аббат. — Уж мы сумеем удержать вас здесь!

Слова эти прозвучали как комплимент, однако Диану они сильно встревожили.

Впрочем, первые дни прошли спокойно. Шарль продолжал хранить обиду, однако Диана, радуясь, что ее крошки снова с ней, не придавала этому значения. Но однажды утром, возвращаясь вместе со свекровью из деревни, где они с благотворительными целями посетили несколько бедных семейств, она была вынуждена вспомнить об

амбициях мужа. Вдовствующая маркиза внезапно подняла вопрос о завещании, и Диана поняла, что Шарль пожаловался матери. Впрочем, этого следовало ожидать.

Старая женщина мягко упрекнула Диану.

— Вы же знаете мужчин, дитя мое, — начала она. — Их гордость и тщеславие поистине безмерны, и мне это известно лучше, чем кому-либо. Однако в данном случае Шарль не так уж и не прав. Он утверждает, что вы неожиданно составили завещание, которое свидетельствует о вашем недоверии к нему... Не говоря уже о том, что в вашем возрасте это вообще выглядит более чем странным. Так как я люблю вас обоих, я попыталась урезонить его, но, боюсь, он не скоро простит вас... Возможно, никогда! Дорогая моя, что побудило вас написать эту злосчастную бумагу?

— Шарль ошибается, расценивая мой поступок подобным образом, — вздохнула молодая женщина. — У меня и в мыслях не было оскорбить его — я всего лишь позаботилась о детях. Вы же понимаете, матушка, никто из нас не властен над своею жизнью: смерть может настигнуть нас в любую минуту, мы перед ней бессильны. Зато теперь будущее моих детей обеспечено.

— Но разве оно и без того не было бы обеспечено? Ведь у детей есть отец!

— Шарль растратчик и игрок! И вам это известно лучше, чем кому-либо другому. Ведь вы сами не раз упрекали его за это!

— Возможно... Однако я не понимаю, почему вам вдруг пришла в голову печальная мысль о смерти. Вы так молоды, так красивы!

Диана грустно улыбнулась:

— Вы прекрасно знаете, что Шарль еще моложе меня. Оставим этот разговор, матушка! Надеюсь, муж со временем согласится с моими доводами и успокоится.

— Не рассчитывайте на это! Я никогда не видела его в такой ярости, никогда еще он не чувствовал себя столь оскорбленным. Неужели из-за какого-то клочка бумаги вы готовы обречь себя на невыносимую жизнь? Шарль слишком обижен и непременно станет вам мстить! Перепишите это унижительное для него завещание — и все будет в порядке. Даже если предположить, что вы можете стать жертвой несчастного случая, рядом с ним останусь я, а я не позволю ему наделать глупостей.

Диана была достаточно вежлива и не стала доказывать, что ее собеседница пребывает в весьма почтенном возрасте и вследствие этого не может быть уверена даже в самом ближайшем будущем. Она постаралась перевести разговор на другую тему, тем более что сделать это было несложно: они как раз подъехали к замку.

Однако беседа эта оказалась не последней. Побуждаемая стремлением примирить сына с супругой, вдовствующая маркиза так усердно уговаривала молодую женщину, что та в конце концов дала себя убедить. Впрочем, Диана была готова к настойчивым уговорам и именно в предчувствии подобного случая сделала свое заявление в присутствии свидетелей в Доме Каstellана. Она не сомневалась, что Шарль, зная, как она привязана к его матери, попытается непременно ввести почтенную даму в игру.

Итак, Диана уступила, уверенная в том, что подлинное завещание находится в руках ее собственной матушки, о чем знают только подписавшие его свидетели. Новое завещание было составлено нотариусом де Ган-жей — к великой и абсолютно откровенной радости ее мужа и деверей. С трудом скрывая свое отвращение к ним, Диана в душе была спокойна: эти люди и не подо[^] зревали, что документ, сделавший их такими счастливыми, не имел никакой силы!

По случаю примирения маркиза и маркизы де Ганж в замке устроили пышный праздник, на который пригласили всех соседей. Гости танцевали и пили до самой ночи. Один лишь маркиз рано удалился к себе: на следующий день ему предстояло совершить небольшое путешествие в Вильнев-лез-Авиньон, и он собирался выехать на заре.

Предстоящее отсутствие супруга несколько не тревожило молодую женщину — напротив, узнав о предстоящей разлуке с ним, она даже испытала некоторое облегчение.

17 мая Диана проснулась поздно, с тяжелой головой, что, впрочем, было вполне объяснимо: ведь почти всю ночь она танцевала и развлекалась. Однако день был прекрасный, теплый и солнечный, а Шарль наверняка был уже далеко! Поднявшись с постели, Диана распахнула окно и с наслаждением вдохнула теплый воздух, напоенный ароматами тмина, розмарина и горных трав. Довольная, словно школяр на каникулах, молодая женщина решила, что после завтрака непременно отправится погулять с детьми.

Но в гостиной за накрытым столом ее ожидал неприятный сюрприз: в креслах сидели оба брата ее мужа и, похоже, ожидали ее.

— А где матушка? Где дети? — сухо спросила она, стараясь скрыть охватившую ее тревогу.

Ей ответил шевалье Бернар:

— С утра была такая хорошая погода, что матушка решила поехать в гости к нашим соседям, господам де Сент-Ипполит — она давно обещала посетить их. Дети отправились вместе с ней.

— Но почему она меня не предупредила? Я бы с удовольствием составила ей компанию!

Пожав плечами, аббат небрежно бросил:

— Поедете позже, только и всего! Вы так сладко спали, что мы не решились вас разбудить.

Завтрак прошел в гнетущем молчании. Неожиданно оказавшись наедине с мужчинами, которые, как ей было известно, являлись ее заклятыми врагами, Диана испытывала безотчетный страх. Она боялась оказаться в их власти, тем более что ее верная Анкета была больна и лежала в доме для прислуги, а вместо нее появилась такая неловкая и угрюмая девица, что маркиза сразу возненавидела ее.

Исполненная мрачными подозрениями, Диана за завтраком ела очень мало — только фрукты и молоко, в то время как двое ее сотрапезников насыщались вволю. Очевидно, их несколько не смущала ее нескрываемая боязнь быть отравленной.

Едва завтрак окончился, маркиза объявила, что чувствует себя утомленной, а посему отправляется к себе немного отдохнуть. Разумеется, она умолчала о том, что собирается закрыться в комнате и не выходить оттуда до самого возвращения детей.

Поднявшись к себе, Диана прилегла и в самом деле заснула. Было уже около пяти часов вечера, когда она внезапно пробудилась: в комнате раздавалось легкое поскрипывание. Вскочив на кровати, она увидела, как задвижка на двери медленно-медленно приподнимается...

Обливаясь холодным потом, Диана расширенными от ужаса глазами смотрела, как кто-то открывает ее дверь. Наконец дверь распахнулась, и из ее груди вырвался крик: к ней в комнату один за другим медленно вошли братья мужа. Лица их напоминали каменные изваяния, взгляд обадал ледяным холодом. В одной руке аббат держал пистолет, в другой — наполненный стакан; в руках у шевалье была обнаженная шпага.

— Что вам нужно?! — сдавленным глосом воскликнула маркиза. — Немедленно уберите отсюда!

Однако они продолжали приближаться к широкой кровати, в дальнем углу которой съежилась несчастная маркиза, слишком поздно сообразившая, почему из дома удалили всех слуг.

Подойдя к изголовью, аббат наклонился к ней.

— Если вы хотите примириться с Господом, дорогая сестра, сделайте это прямо сейчас, ибо через несколько минут вы умрете. Настал час расплаты за страшное оскорбление, нанесенное вами своему супругу. Однако мы готовы предоставить вам возможность самой выбрать свою смерть — от пистолета, шпаги или яда. Лично я посоветовал бы вам выбрать яд: он сильный и быстродействующий.

Маркиза с ужасом смотрела на аббата.

— Неужели вы, священник, собираетесь меня убить?!

— Кто говорит об убийстве? Мы всего лишь воздаем вам по заслугам.

Возмущенная, Диана попыталась протестовать, однако преступники хотели поскорее покончить с ней. Приблизившись к кровати, шевалье хладнокровно приставил острие шпаги к обнаженной шее молодой женщины и произнес:

— Решайтесь же, мадам! И поживее! Время дорого, у нас всего несколько минут. Молитесь — и выбирайте.

— Если хотите, я стану вашим исповедником, — бесстыдно предложил аббат.

С отвращением отвергнув его предложение, Диана решительно протянула руку к стакану: она вспомнила о флаконе, данном ей Ла Вуазен, и подумала, что, быть может, у нее еще есть шанс остаться в живых.

— Дайте мне яд, и будьте прокляты! — воскликнула она. — Вы дорого заплатите за это преступление!

— Не надейтесь, — цинично бросил шевалье. — Обладая вашим состоянием, мы всегда сумеем откупиться.

Презрительно пожав плечами, Диана взяла стакан и осушила его, надеясь успеть принять противоядие. Однако на дне стакана образовался осадок, и шевалье заметил это. С помощью ножа для разрезания бумаги он соскреб осадок и сделал из него шарик.

— Это тоже надо проглотить! — распорядился он.

Исполнив приказание, она упала на кровать и сделала вид, что корчится в судорогах, между тем ей удалось незаметно выплюнуть в простыни осадок. Уверенные в своем яде, убийцы тотчас покинули комнату, объявив, что пришлют к ней священника. «Надеюсь, он придет вовремя!» — цинично прибавил аббат.

Едва лишь дверь за негодяями закрылась, несчастная, у которой внутри уже все горело, сумела достать флакон с противоядием. Однако она успела выпить лишь половину его содержимого: дверь снова отворилась, и вошел наставник ее сына, аббат Перрет. Диана знала, что он всецело предан аббату де Ганжу. При виде этого бледного человека с мрачным лицом ее охватил неизъяснимый ужас, и она, как была, в одной рубашке, бросилась к окну. Диана понимала, что негодяй не станет помогать ей, а, напротив, постарается довершить преступление, начатое братьями де Ганж.

Комната ее была расположена на втором этаже, окно выходило во двор замка, и маркиза, не желая вновь оказаться в руках своих палачей, прыгнула в окно, рискуя сломать себе шею. Аббат попытался удержать ее, схватив за широкую рубашку, но, к счастью, легкая ткань разорвалась, кусок рубашки остался в руках аббата, а маркиза упала на кучу соломы, брошенную во дворе самим Провидением. Едва она приземлилась, как следом за ней полетел огромный цветочный горшок, стоявший на подоконнике, и только чудом не задел ее.

Соскользнув на землю, Диана бросилась к воротам, но тут силы оставили ее. Чтобы не упасть, она вцепилась в ворота; в голове у нее гудело, мысль о том, что яд может оказаться сильнее противоядия, повергала в ужас. Несколько мгновений, показавшихся ей вечностью, небо и ограда кружились у нее перед глазами, словно подхваченные безумным вихрем. Едва лишь их пляска прекратилась и Диана почувствовала, что способна двигаться, она пустилась бежать. Презрев слабость, несчастная маркиза де Ганж мчалась вниз по каменистой дороге, ведущей в деревню; острые камни ранили ее босые ноги, однако она этого не замечала.

Диана уже добежала до окраинного дома, когда услышала позади топот бегущих ног. Она обернулась, и из груди ее вырвался вопль ужаса: палачи с обнаженными шпагами догоняли ее!

— На помощь! — закричала она. — На помощь! Меня хотят убить!

Однако жители деревни не узнали маркизу в полуголой, растерзанной женщине, оглашавшей улицу громкими воплями. Опасаясь навлечь на себя гнев сеньора, они расступались перед его братьями, и никто даже не подумал помочь несчастной. И только

зажиточная женщина по имени мадам де Пра рискнула распахнуть двери своего дома перед беглянкой.

Подбежав почти одновременно с маркизой, аббат приказал женщине отдать ему «несчастную безумицу», чтобы он мог отвести ее обратно в замок. Но мадам де Пра захлопнула дверь перед самым его носом, заявив, что бедная женщина, несомненно, нуждается в уходе и она сумеет о ней позаботиться.

Мадам де Пра никогда раньше не видела Дианы, поскольку та редко покидала пределы замка, поэтому она тоже не сразу поверила, что несчастная, растрепанная женщина, бормочущая что-то невнятное, действительно маркиза де Ганж. Решив, что бедняжка и впрямь сошла с ума, мадам де Пра вымыла ее, уложила в кровать и подождала, пока та уснула.

К несчастью, поздним вечером к ней в дверь снова постучался аббат де Ганж.

— Я знаю, моя невестка у вас, — заявил он. — Я пришел справиться о ее здоровье.

Не усмотрев в его словах ничего предосудительного, мадам де Пра открыла дверь и впустила слугу божьего. Аббат вошел в дом в сопровождении человека, закутанного в широкий черный плащ, — это был его брат. Не желая показаться навязчивой, мадам де Пра удалилась, попросив братьев не задерживаться, чтобы не утомлять больную. Но уже через миг она услышала жуткие вопли, примчалась обратно и нашла свою подопечную всю в крови. В груди маркизы де Ганж зияла страшная рана, еще два удара были нанесены в спину.

На крики сбежались соседи. Видя, что они окружены, убийцы решили поскорее довершить свое черное дело, поскольку Диана все еще была жива. Аббат выстрелил, но промахнулся. Тут крестьяне накинулись на братьев, однако те, отбиваясь шпагами, выскочили в окно и убежали. Вскоре в ночи раздался стук копыт мчавшихся галопом коней...

На этот раз жители деревни наконец сообразили, что произошло. Так как мадам де Пра лежала в обмороке, они сами попытались помочь несчастной Диане. Двое мужчин вскочили на коней и помчались сообщить о случившемся интенданту провинции, который приказал доставить маркизу де Ганж в Монпелье. Однако раны Дианы были слишком тяжелы, и она не смогла от них оправиться.

7 июня в присутствии впавшей в отчаяние свекрови несчастная угасла на руках у матери, простив своих убийц.

Но мадам де Жоаннис отнюдь не разделяла христианских чувств покойной дочери. Она жаждала мести и отправила жалобу в парламент Лангедока, которому принадлежало право созывать Судебную палату Тулузы... Советники Гийом де Масно и Амабль де Кателан без труда восстановили картину событий. Свидетелями была целая деревня. Спустя несколько дней маркиз де Ганж был арестован, препровожден в Париж и заключен в Консьержери, однако братьям его удалось бежать. Приговор им был вынесен заочно.

Маркиз де Ганж избежал суда благодаря архиепископу Тулузскому: мать жертвы умолила его не позорить имени маркиза ради ее внуков. Впрочем, доказать причастность маркиза де Ганж к преступлению было трудно. Поэтому его приговорили всего лишь к изгнанию.

Оба беглеца заочно были приговорены к колесованию, а так как найти их не удалось, то на городской площади казнили их чучела. Но, избежав правосудия людского, братья не избежали правосудия небесного. Прибыв в Голландию, аббат женился, однако вскоре здоровье его резко ухудшилось. Через некоторое время он сошел с ума и скончался, осаждаемый душераздирающими видениями.

Шевалье Бернар уехал в Левант, где попал в плен к берберам, осудившим его на жестокую смерть. Терзаясь в руках своих мучителей, он наверняка успел пожалеть о железном ломе палача в Ганже...

Состояние Дианы перешло к ее матери; бабушка нежно заботилась о детях покойной маркизы.

Спустя много лет в опустевшем замке Ганж поселился какой-то жалкий и больной старик. Дом этот, бывший свидетелем преступления, стал последним его пристанищем. Старик жил один, люди сторонились его, словно зачумленного; так дотянул он до ста лет, но наконец смерть сжалилась над ним... Этим человеком был маркиз де Ганж.

ДРАГОЦЕННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ГРАФИНИ ДЕ ЛА МОТТ-ВАЛУА

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ АВАНТЮРИСТКИ

Ларета въехала в Шайо и, проезжая мимо монастыря Святой Марии, принадлежавшего монахиням-визитандинкам, замедлила ход. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы седоки ее смогли услышать доносившийся снаружи детский голосок:

— Смилуйтесь над бедными сиротками из рода Валуа!

Ответ последовал незамедлительно: женская головка в напудренном парике высунулась из окошка кареты, — Стойте, Баск!

Элегантный экипаж остановился, и маркиза де Буленвилье поманила к себе юную нищенку. Это была хорошенькая девочка, на вид лет семи-восьми, со светлыми каштановыми волосами, огромными голубыми глазами и на удивление обольстительной улыбкой. Однако нищета ее была поистине кричащей. На спине она несла малышку, которой явно было не больше двух лет, но и эта ноша была нелегка для такого малолетнего ребенка.

— Повтори, что ты сказала, крошка! — попросила маркиза. — Вы сироты из рода Валуа?

— Оставьте их! — проворчал сидевший в глубине кареты муж. — Когда вы, наконец, перестанете прислушиваться к тому, что говорят эти попрошайки!

— Перестаньте! Разумеется, они часто говорят разные глупости, но этот ребенок еще так мал... Поистине у родителей ее нет сердца, раз они внушили девочке столь опасные выдумки, которые могут привести ее за решетку!

— Но, сударыня, — робко вмешалась девочка, — я говорю чистую правду. Мы с сестрой и братом действительно являемся потомками Генриха II. К несчастью, наш бедный отец скончался в нищете, а мать недавно бросила нас.

— Чистое безумие! — проворчал маркиз. — История для глупцов!

— Простите, сударь, — не унималась малышка, — но это правда. Наша мать оставила нас у женщины по имени Дюфрен, которая живет здесь, в деревне Шайо, и если вы справитесь у здешнего кюре, то убедитесь, что я говорю правду!

Девочка говорила вполне серьезно, и ее заявление произвело впечатление на маркизу. Дав маленькой попрошайке несколько серебряных монет, она пообещала, если слова ее подтвердятся, заняться ею, и карета продолжила свой путь в Буленвилье — замок супруга маркизы.

Надо сказать, что маркиза де Буленвилье, племянница знаменитого финансиста Самюэля Бернара, была столь же великодушна, сколь богата. Она быстро навела соответствующие справки и была немало удивлена, узнав, что девочка сказала правду.

Отец детей, скончавшийся в приюте в ужасающей нищете, был человеком слабым, бесхарактерным, легко поддавался влияниям. Однако он и в самом деле являлся прямым потомком Генриха II и одной из его любовниц, Николь де Савиньи. Анри де Сен-Реми де Валуа был его отцом, а матерью — Кретьена де Луз.

Отец не отказался от сына, он даже получил титул барона, однако злой судьбе было угодно, чтобы Жак де Луз де Сен-Реми, барон де Фонтет, влюбился в дочь своей консьержки, Мари Жоссель, девушку легкомысленную и бессердечную, обладавшую к тому же страшной алчностью. Вопреки всем доводам рассудка, он женился на ней, и очень скоро острые зубки красотки Мари перемололи все его состояние. Продав

последнее, бедняга Сен-Реми прибыл в Париж, где тотчас угодил в приют для бедных и там скончался — 16 февраля 1762 года.

Мари Жоссель успела подарить супругу четверых детей: Жака, родившегося в 1751 году; Жанну, девочку, остановившую карету мадам де Буленвилье; Мари-Анну, которую мать хладнокровно бросила в Фонтете, где той пришлось наняться в трактирные служанки, и Марию-Мargarиту, болезненную малышку, которая в свои четыре года выглядела двухлетней.

После смерти мужа недостойная Мари Жоссель не нашла ничего лучшего, как отправить малышей попрошайничать на улицах Парижа; она же нашептала им странную фразу, столь поразившую мадам де Буленвилье.

К несчастью, те крохи, что приносили дети, не удовлетворяли любовника их матери, солдата с Сардинии по имени Жан-Батист Раймон, с которым вдова вела общее хозяйство. Поэтому вскоре матушка окончательно бросила детей, предоставив им великолепную возможность выкручиваться самим. Узнав все это, мадам де Буленвилье тотчас разыскала несчастных малюток и устроила их в своем замке в Пасси, где окружила их заботами, столь необходимыми детям, чье состояние было поистине плачевно.

Она даже отыскала в трактире Фонтета малышку Мари-Анну и, решив всерьез заняться воспитанием детей, принялась отучать их от пагубных привычек. Однако дурное обращение, которому подвергались дети, живя вместе с Раймоном и Мари Жоссель, и последующее бегство матери ожесточили детские сердца. Особенно сердечко юной Жанны, которая на свое — и не только свое — несчастье необычайно походила на мать, а именно была столь же хитра и красива.

Впоследствии Жанна написала мемуары, в которых беззастенчиво поливала грязью супруга маркизы де Буленвилье, да и саму благодетельницу. Между тем совершенно очевидно, что маркиза усердно заботилась о детях. Начала она с того, что поместила малышей в пансион для девочек некой мадам Леклерк. Жак, старший брат, также был отдан в учение, а по прошествии нескольких лет его представили господину д'Озье де Сериньи, главному знатоку генеалогии древних родов королевства. Д'Озье должен был подтвердить право Жака на титул и доказать его дворянское происхождение. Получив подтверждение своего происхождения, Жак под именем барона де Валуа поступил на службу на Королевский флот.

Жанна провела в пансионе мадам Леклерк шесть лет, а затем мадам де Буленвилье, не зная, каковы намерения короля относительно барышень Сен-Реми, решила обучить ее ремеслу швеи. Однако заставить Жанну пройти обучение у лучших модисток Парижа она не сумела: Жанна ясно дала понять всем, что трудиться она не любит.

К счастью, 9 сентября 1776 года король назначил каждой из барышень Валуа по 800 ливров годового содержания, и Жанна с сестрой вновь водворились в доме маркизы де Буленвилье. Самая младшая из девочек, слабая здоровьем Мария-Мargarита, несмотря на заботы маркизы, к тому времени уже умерла.

Старшие сестры вскоре были отправлены в аббатство Лоншам, которое славилось своими светскими обычаями. Послушниц обучали пению, и среди парижских модниц считалось хорошим тоном приехать туда на страстной неделе, чтобы послушать вечерние службы. Посещение и осмотр аббатства вообще входило в число модных развлечений, поэтому Жанна, пребывая за стенами монастыря, имела возможность постоянно наблюдать за прогулками не отличавшихся излишней скромностью и разряженных в пух и прах великосветских красавиц.

Вся эта роскошь, дефилировавшая в нескольких шагах от нее, навела ее на мысль, что выделенный ей пансион в 800 ливров чрезвычайно скуден. Ничтоже сумняшеся, она уговорила свою сестру Мари-Анну тайком бежать из аббатства в Бар-сюр-Об и попытаться вернуть себе кое-что из владений, некогда принадлежавших их семье.

И вот однажды ясным погожим утром 1779 года жители Бар-сюр-Об с изумлением узнали, что две принцессы остановились в гостинице «Красная голова», слывшей самой

захудалой во всем городе. Супруга городского прево, мадам де Сюрмон, сочтя такое положение абсолютно неприемлемым, пригласила девушек пожить у нее и представила их городской знати.

Среди приглашенных была родственница мадам де Сюрмон, мадам де Аа Мотт, которая приехала в дом прево вместе с сыном. Николя де Ла Мотт был всего на несколько месяцев старше Жанны и служил жандармом в Бургундской роте, расположившейся гарнизоном в Люневиле. Его нельзя было назвать красавцем, однако он был хорошо сложен и недурен собой. Темноволосый, черноглазый, смуглый, с орлиным носом и чуть-чуть оттопыренной пухлой нижней губой, он производил приятное впечатление, и Жанна вскоре позволила ему себя соблазнить. Через некоторое время дело зашло так далеко, что встал вопрос об их неотложном бракосочетании.

Церемония состоялась 6 июня 1780 года в церкви Святой Марии-Магдалины... а ровно через месяц в той же церкви крестили близнецов — Жана-Батиста и Николя-Марка де Ла Мотт. Впрочем, близнецы прожили всего сорок восемь часов.

Свадьба и рождение близнецов вызвали в городе большой шум, об этом говорили во всех гостиных, так что мадам де Сюрмон попросила племянника и новоявленную племянницу покинуть ее дом. Молодожены не заставили себя упрашивать и переехали к мадам де Латур, сестре господина де Ла Мотта.

К несчастью, их новое жилище было слишком тесным и отнюдь не соответствовало честолюбивым амбициям молодой четы. Супруги отбыли в Люневиль, где размещался гарнизон Николя, и там исхитрились неплохо устроиться. Николя, теперь с гордостью именовавшийся де Ла Мотт-Валуа, посчитал возможным присвоить себе графский титул, не имея на то никаких прав.

В Люневиле графиня де Ла Мотт-Валуа имела большой успех. Половина гарнизона во главе с полковником сразу же влюбилась в нее. Там же она встретила Рето де Виллета, сослуживца мужа и друга его детства, которому в этой мрачной истории предстояло сыграть одну из главных ролей.

Юный белокурый денди, высокий и прекрасно сложенный, Рето де Виллет, казалось, обладал поистине неиссякаемым источником талантов. Он играл на мандолине, пел, писал прозу и стихи и вдобавок неплохо рисовал; все эти дарования впоследствии необычайно пригодились Жанне...

Мадам де Ла Мотт приглянулась Рето де Виллету, тот, в свою очередь, чрезвычайно понравился мадам де Ла Мотт. Поскольку граф был не ревнив, в конце концов они стали жить втроем под одной крышей, а в одно прекрасное утро вместе укатили в Страсбург.

Направляясь в столицу Эльзаса, очаровательное трио преследовало отнюдь не праздные цели: они ехали отыскать там добрейшую мадам де Буленвилье. В последние годы маркиза часто болела и недавно обосновалась в Страсбурге, надеясь обрести исцеление с помощью человека, молва о котором шла по всей провинции. Этот итальянский джентльмен называл себя графом Калиостро; говорили, что он умеет творить чудеса и излечивает любые болезни, а также является великим алхимиком, то есть знает секрет изготовления золота и алмазов.

Некоторые полагали, что этот человек — очередное перевоплощение загадочного графа Сен-Жермена, чье появление некогда потрясло двор Людовика XV. Впрочем, сам Калиостро с негодованием отвергал это предположение. Он утверждал, что родился в Медине в результате любовного союза принцессы-невольницы и Великого Магистра Мальтийского ордена, а воспитывался в тайном храме Мемфиса и долгое время жил в сказочном городе, сокрытом в самом центре Африки. Кроме того, он заявлял, что для него нет секретов ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, равно как и в человеческом теле. Исколесив всю Европу под разными именами, Калиостро прибыл в Страсбург, где снискал репутацию великого целителя, избавив от жестокого приступа астмы архиепископа Страсбургского, должность которого в то время исполнял кардинал Луи-Рене-Эдуар де Роган-Гемене.

Нисколько не обидевшись на Жанну за ее побег из Лоншана, мадам де Буленвилье с распростертыми объятиями приняла ту, кого считала своей блудной дочерью. Она благосклонно отнеслась и к супругу своей протее, и к другу вышеуказанного супруга, не подозревая о той роли, какую он играл в этом семействе.

Поскольку маркиз де Буленвилье издавна поддерживал превосходные отношения с кардиналом де Роганом, простодушная маркиза представила кардиналу свою воспитанницу, и перед Жанной распахнулись двери великолепного кардинальского дворца Саверн, любимой резиденции прелата. Таким образом, под одной крышей встретились те, кому предстояло пошатнуть французский трон, запятнать честь королевы и князя церкви и стать причиной, быть может, самого скандального процесса за всю историю страны.

В сорок семь лет кардинал де Роган был красивым мужчиной с горделивой осанкой и величественными манерами. Принц по рождению, хотя и принявший сан, он не отличался излишней набожностью, зато был искушен в светских интригах, обожал охоту, искусства и литературу, любил изысканное общество и красивых женщин. Впрочем, все его недостатки могли считаться таковыми только из-за его принадлежности к церкви. Образованный, дипломатичный, умный, он был человеком великодушным и честным. Возможно, кто-то считал его излишне легковерным, но в XVIII столетии простодушная доверчивость была свойственна многим.

Однако за блистательным фасадом скрывались две разъедавшие кардинала язвы: неутоленное честолюбие, побуждавшее его мечтать о месте Ришелье или Мазарини, и... неразделенная любовь.

В прекрасный летний день 1770 года Роган, тогда еще молодой прелат, замечая своего дядю, архиепископа Страсбургского, приветствовал на городской площади эрц-герцогиню Марию-Антуанетту, которая прибыла из Австрии для заключения брачного союза с дофином Франции. В то время будущей королеве еще не было пятнадцати, она явилась перед Луи де Роганом в ореоле белокурых золотистых волос, и тот влюбился в нее без памяти.

Шло время, Рогану больше не доводилось видеть ту, которая отныне навечно заняла место в его сердце. В 1772 году король Людовик XV назначил принца Рогана послом при дворе австрийской императрицы Марии-Терезии, матери дофины, и принц отбыл в Вену. К несчастью, эта миссия не только не сблизила Рогана с Марией-Антуанеттой, но, наоборот, сделала их врагами.

Марии-Терезии посол не понравился: он, по ее мнению, слишком любил роскошь, а изысканные светские манеры прелата просто шокировали набожную императрицу. Стремясь повысить престиж своего государства, посол устраивал балы и блистал в свете, однако подобное поведение в Вене произвело совершенно противоположное впечатление.

Из писем, адресованных дочери, нетрудно было догадаться об отношении императрицы к Рогану. На протяжении нескольких лет Мария-Антуанетта читала о нем только отрицательные отзывы. Его называли «дурным подданным», «кутилой», «презренным типом», «извращенным умом», и постепенно образ изящного молодого прелата, который сердечно приветствовал ее в Страсбурге, затуманился и потускнел в памяти дофины. Теперь Луи де Роган, с которым Мария-Антуанетта за всю жизнь не обменялась и парой слов, представлялся ей одиозной личностью. Особенно ненавистен он стал ей после того, как до нее дошел слух, что в гостиной мадам Дюбарри было прочитано его письмо, где Роган вышучивал позицию императрицы Марии-Терезии в вопросе о повторном разделе Польши.

Прошло время. Призванный во Францию после смерти Людовика XV, Луи де Роган стал кардиналом и получил должность главного распределителя милостыни при короле Франции. Однако королева так ни разу и не заговорила с ним — даже когда в 1788 году в версальской часовне он крестил ее старшую дочь.

Слишком утонченный, чтобы не понимать, что его ненавидят, кардинал старался не появляться в Версале — за исключением тех редких случаев, когда это требовалось для исполнения его обязанностей. Впрочем, Мария-Антуанетта, кружившаяся в вихре празднеств, устраиваемых ею у себя в Трианоне, также нечасто появлялась во дворце. Она предпочитала вместе с кружком своих приближенных вести жизнь блистательную и праздную, которую впоследствии ей пришлось оплакать кровавыми слезами...

В 1779 году в замке Саверн случился пожар, и принц-кардинал, уязвленный как в гордости, так и в любви, срочно уехал в Страсбург, где, истратив уйму денег, занялся реконструкцией дворца. Он вновь разбил великолепные сады, украсил дворец и стал устраивать в нем праздники, достойные знаменитых версальских торжеств.

Вероятно, чтобы заглушить безответную страсть, де Роган окружил себя красивыми женщинами, осыпая их подарками; ни одна красавица не могла устоять перед ним. Он менял любовниц, как перчатки, и вскоре Жанна де Ла Мотт-Валуа примкнула к когорте этих осыпанных дарами созданий...

Кардинал очаровывал всех, уверенный в том, что оба его секрета надежно скрыты от людских глаз в самой глубине сердца. Однако очень скоро они стали известны Калиостро, обладавшему чудным даром ясновидения, и Жанне, чей алчный взор проникал всюду, где мерещилась пожива. Оба, не сговариваясь, угадали в кардинале источник своего будущего обогащения.

Графине, бесспорно, наделенной определенным обаянием, удалось прочно привязать к себе де Рогана, и для начала она заставила его оплатить ее долги и купить Николая де ли Мотту патент капитана драгунского полка. Но только после одной из встреч с Калиостро, которая произошла теплой летней ночью во время очередного роскошного празднества, она в полной мере осознала открывшиеся перед ней перспективы.

В тот вечер, прогуливаясь по аллеям парка, озаряемого огнями великолепного фейерверка, Жанна призналась кардиналу в своем сокровенном желании: она хотела поехать в Париж, в Версаль, хотела быть представленной ко двору и добиться того положения, на которое имела право претендовать, поскольку в ее жилах текла королевская кровь.

— И признаюсь вам, монсеньор, я рассчитываю на вашу поддержку. Не сомневаюсь, что вы сможете помочь мне найти путь к королю... а главное, к королеве. Ведь ваше преосвященство были послом в Вене, при дворе августейшей императрицы-матери Марии-Терезии!

Во мраке ночи не было видно, как кардинал побледнел, однако гримаса, исказившая его лицо, не ускользнула от взора молодой женщины.

— Мое влияние при дворе вовсе не так велико, как вам кажется, графиня. Боюсь, что я ничем не сумею вам помочь.

Похоже, разговор этот ему был крайне неприятен: во всяком случае, завидев своего секретаря, барона де Планта, кардинал попросил молодую женщину продолжить прогулку в одиночестве и вместе с секретарем удалился.

Жанна задумалась; но не успел де Роган скрыться из виду, как из-за кустов возникла мужская фигура, и чей-то голос с сильным итальянским акцентом прошептал:

— Не свалились ли вы с неба, сударыня? Разве вы не знаете, что королева так сильно ненавидит господина кардинала, что за десять лет не сказала ему и пары слов? Пожалуй, вы единственная во Франции, кто не знает об этом...

Жанна внимательно вглядывалась в темный силуэт, но не могла узнать стоявшего рядом с ней мужчину, хотя, несомненно, уже видела его раньше.

— Я об этом слышала, однако не была уверена в правдивости слухов. Ведь вполне могло оказаться, что мне просто хотели помешать обратиться за надежной рекомендацией.

— Скажите лучше: безнадежной! Королева ненавидит его, а он мечтает заслужить ее благосклонный взгляд, завоевать ее сердце и — как знать — с ее помощью стать первым министром! Мне кажется, что тот... или та, кто сумеет вернуть ему надежду на

благосклонность королевы, получит от его преосвященства столько, что сможет удовлетворить свои самые потаенные желания.

Молодая женщина наконец узнала Калиостро, и в глазах ее словно загорелись два уголька.

— И этим человеком станете вы, граф?

Чародей пожал плечами:

— Скорее уж вы, графиня! Я не могу рассчитывать стать доверенным лицом королевы Франции, ибо я всю жизнь посвятил делу освобождения человечества. Нет, тут я кардиналу не помощник. Тем более что я в этом не заинтересован.

— Тогда почему вы все это говорите мне?

— Потому что вы умны и знаете, чего хотите. Я же, если угодно, только подсказываю вам, как добиться цели. Разумеется, я делаю это как друг...

— И что же вы мне советуете?

— Сделать то, о чем вы только что рассказали: отправиться в Париж и там, на месте, осмотреться. Уверен, вскоре мы встретимся там с вами... и с кардиналом, потому что его тоже влечет в столицу.

В этот вечер Жанна не стала задерживаться в Са-верне допоздна, а вернулась к себе и принялась тщательно обдумывать слова, сказанные ей Калиостро.

Спустя несколько дней супруги Ла Мотт в сопровождении неизменного Рето де Виллета отправились в Париж. С собой они увозили несколько рекомендательных писем, написанных кардиналом своим столичным друзьям. Но до отъезда Жанна буквально вырвала у де Рогана обещание не задерживаться в Страсбурге и последовать за ней.

— Я не сомневаюсь, что королева не откажется выслушать женщину, в чьих жилах течет кровь Вгиуа, — сказала она. — Когда же мне удастся завоевать ее доверие, будьте уверены, монсеньор, я сумею отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

— Тогда я стану вашим вечным должником, буду вам глубоко... бесконечно признателен!

— Так вы приедете?

— Непременно!

Через несколько минут почтовая карета исчезла в облаке пыли, увозя с собой все надежды и мечты кардинала...

2. РАСКАЛЕННОЕ ЖЕЛЕЗО

В Париже граф и графиня де Ла Мотт поселились на улице Нев-Сен-Жиль, где сняли трехэтажный дом. Одновременно они сняли еще две комнаты в Версале, в доме на площади Дофины.

Решив на сей раз соблюсти приличия, Рето де Виллет устроился отдельно: в доме под номером 53 на улице Сен-Луи, то есть неподалеку от сообщников. Разместившись, дерзкая тройца приступила к осуществлению своих планов.

Прежде всего Жанна отправилась в Версаль. Проникнуть в переднюю одного из принцев или даже самого короля труда не составляло — для этого достаточно было всего лишь быть прилично одетой. Ловко жонглируя своим именем и своим положением «обедневшей наследницы рода Валуа», молодая женщина сумела пробудить к себе некоторый интерес.

Желая разжалобить чувствительные души, Жанна одевалась на редкость просто и иногда симулировала обмороки, вызванные, как она потом объясняла, суровыми лишениями, которые ей пришлось претерпеть. Разумеется, всегда находилась добрая душа, готовая помочь, и после таких спектаклей ловкая особа почти всегда уносила с собой в сумочке горсть луидоров.

Однажды она упала в обморок в покоях принцессы Елизаветы, сестры короля, в другой раз — у графини д'Артуа, и, наконец, посреди Зеркальной галереи — в тот самый момент,

когда в ней должна была появиться королева. К несчастью, Мария-Антуанетта не пришла, а падать в обморок в четвертый раз графиня де Ла Мотт не решилась.

Тем временем в Париж прибыл кардинал де Роган — и не один, а с Калиостро: кардинал привез мага с собой в надежде, что тот сумеет облегчить страдания его родственника, маршала Субиза, у которого началась гангрена.

Калиостро сопровождала жена, загадочная красавица Лоренца. В Париже они поселились рядом с домом супругов де Ла Мотт — в особняке д'Орвилье, что на улице Сен-Клод. Осмотревшись, Калиостро тут же занялся прославлением собственной особы: нанял разносчиков, чтобы те распространили в городе листовки с его портретом и небольшим стишком:

*Вот друг людей, взгляните вы в него,
Благим трудом полны все дни его,
Он продлевает жизнь, он страждущему рад,
И сей служитель ваш не требует наград...*

Уже через неделю между Калиостро и четой де Ла Мотт установились близкие отношения; ни один из званых ужинов Калиостро не обходился без «божественной графини». Злые языки даже утверждали, что она не отказывает хозяину в тех же любезностях, которыми, ввиду сложного финансового положения, одаривает нескольких почтенных господ, в избытке располагавших земными благами...

Кардинал же вернулся в свой замок Саверн, где уединение его вскоре было нарушено бурным потоком писем от Жанны. Коварная женщина писала ему об успехах, достигнутых ею подле королевы: будучи в Париже, Мария-Антуанетта всякий раз навещает ее; королева постоянно приглашает ее в Версаль на церемонию своего пробуждения, и чем дальше, тем больше доверяет ей...

Не в силах долее противостоять искушению, Роган вернулся в Париж, и в тот день, когда Жанна, говоря о королеве, дерзнула назвать ее своей подругой, бедный влюбленный посчитал, что мечта его сбылась. Отныне кошелек его всегда был раскрыт для Жанны, он даже предоставил ей карету, чтобы той было удобней добираться до Версаля.

По словам графини, она, разговаривая с королевой, постоянно упоминала кардинала, и та отзывалась о нем благосклонно. Жанне настолько удалось убедить беднягу в истинности своих слов, что когда тот по делам службы отправился в Версаль и увидел там Марию-Антуанетту, ему показалось, что она посмотрела на него без ненависти. А если верить Жанне, то, оказывается, королева, глядя в его сторону, дважды опускала глаза.

Таким образом, когда «благодетельница» сообщила кардиналу о желании королевы, чтобы он письменно извинился перед ней за проступки, совершенные много лет назад, тот не колебался ни минуты и, схватив перо, сочинил длинную оправдательную речь, которую, разумеется, доверил мадам де Ла Мотт.

Наградой ему стало письмо без подписи, гласившее:

«Я рада, что отныне могу считать вас невиновным. Пока еще я не в состоянии дать вам аудиенцию, столь вами желаемую. Но когда обстоятельства позволят мне исполнить вашу просьбу, я тотчас же сообщу вам. Соблюдайте осторожность...»

После такого письма кардинал буквально утратил рассудок. Он запер свой дворец Саверн, переехал в Париж и поселился в роскошном особняке на улице Вьей-дю-Тампль. Теперь он лишь изредка совершал кратковременные поездки в Эльзас, куда его призывали возложенные на него обязанности, которые время от времени было все-таки необходимо исполнять. Де Роган не хотел надолго удаляться от Версаля, откуда к нему приходили нежные письма, на которые он возлагал столь великие надежды.

Когда же утром 11 августа 1784 года Жанна сообщила кардиналу, что королева готова прийти к нему на свидание, тот ощутил себя на вершине блаженства. По словам Жанны, во избежание нескромных глаз свидание должно было состояться ночью в версальском парке.

— Приходите ровно в полночь к ограде парка возле купальни Аполлона, — сказала она. — Там вас будет ждать служитель королевы: он проводит вас на место.

Разумеется, кардинал явился на свидание заранее, и ровно в полночь он уже входил в потайную калитку, сопровождаемый «служителем», роль которого исполнял небезызвестный Рето де Виллет. В это время граф и графиня де Ла Мотт пересекли террасу версальского дворца и направились к лестнице в сто ступеней. Рядом с ними шла женщина, закутанная в широкую накидку.

Та августовская ночь была особенно теплой и темной. Луна пряталась за тучами. Во дворце все спали — король был утомлен продолжительной охотой, а королева осталась ночевать в Трианоне.

Неподалеку от огромной лестницы находилась Роща Венеры, где совсем недавно были высажены редкие породы деревьев. Это был один из любимейших уголков Марии-Антуанетты. Поэтому его чаще называли Рощей Королевы. Туда и направилась чета де Ла Мотт вместе со своей спутницей. По дороге графиня продолжала наставлять закутанную в накидку женщину:

— Вы все поняли? Вы отдадите розу, письмо и скажете то, что я вам говорила, только очень тихо. Главное — не произносите ничего лишнего! Об этом просила сама королева. Представьте себе, если она узнает...

— Я все сделаю, как вы сказали, сударыня, — прошептала молодая женщина, ощущавшая себя не слишком уютно: она впервые попала во дворец и ничего не понимала в том розыгрыше, в который ее вовлекли.

Николь Легэ была выбрана для этой роли только потому, что имела отдаленное сходство с Марией-Антуанеттой, однако происхождения была отнюдь не королевского. Граф де Ла Мотт просто нашел подходящую проститутку и предложил ей за огромное вознаграждение в садах Пале-Рояля сыграть коротенькую роль в комедии, якобы устраиваемой, чтобы подшутить над знатным сеньором.

Разумеется, Николь согласилась. Она приехала в Версаль, где некая дама одела и причесала ее так, как обычно любила одеваться и причесываться королева. Затем ее заставили вызубрить роль, накинули черный плащ и повели во дворец.

В Роще было сумрачно и безлюдно. Граф исчез, а Жанна, сняв со своей ученицы накидку, отошла на несколько шагов и придирчиво оглядела ее со всех сторон. Убедившись, что все в порядке, она еще раз приободрила ее и тоже скрылась. Тот, кого они ожидали, был совсем близко — уже скрипел гравий под подошвами его башмаков...

Сердце кардинала билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Глаза его привыкли к темноте, поэтому, приблизившись к Роще, он без труда различил знакомый силуэт. На королеве было муслиновое платье в горошек, которое она так любила... Обезумев от нахлынувших на него чувств, де Роган бросился на колени, схватил подол королевского платья и принялся целовать его, бормоча слова признательности и преданности.

Он ожидал, что ему прикажут встать, однако женщина в муслиновом платье лишь протянула ему розу (забыв про письмо) и срывающимся голосом прошептала:

— Можете надеяться... прошлое будет забыто.

Кардинал собирался ответить, даже, быть может, признаться в своей безрассудной страсти, как вдруг услышал шум шагов. К ним приближался сопровождавший его служитель.

— Мадам, сюда идет графиня д'Артуа! — свистящим шепотом проговорил он. В тот же момент из-за кустов появилась Жанна, державшая в руках накидку.

— Быстрее! Быстрее! Уходите! — воскликнула она.

И пока лжеслуга провожал кардинала к экипажу, лжекоролева и ее ангелы-хранители возвращались в Париж... в придворном экипаже.

Разумеется, с этой ночи несчастный кардинал оказался полностью во власти Жанны. Он уже видел себя фаворитом, а быть может, даже первым министром, и поэтому слепо

исполнял все требования, которые от имени королевы предъявляла ему Жанна. Ей же ничего не стоило заявить, например, что Мария-Антуанетта, постоянно испытывавшая нехватку наличных средств, просит одолжить ей сто двадцать тысяч ливров, чтобы помочь одному благородному, но обедневшему семейству. Кардинал нашел требуемую сумму, хотя его собственное финансовое положение было отнюдь не блестящим... и Жанна приобрела великолепный дом в Бар-сюр-Об.

На своей горе кардинал продолжал получать от королевы весьма любезные записки, выходящие из-под пера неутомимого Рето де Виллета. Судя по этим запискам, Жанна пользовалась безграничным доверием королевы, а аппетиты ее все росли.

Ловкая авантюристка уже привыкла к этой игре, как вдруг в нее вмешался сам дьявол, ввергнувший Жанну во искушение и подготовивший дальнейшее ее падение.

Слухи о мадам де Ла Мотт-Валуа, пользовавшейся «неограниченным доверием» королевы, распространились в парижском свете и дошли до ушей ювелиров ее величества, господ Бемера и Бассанжа. В это время у них возникла проблема с роскошным алмазным ожерельем, которое они никак не могли продать из-за его непомерно высокой цены. Некогда Аюдовик XV заказал ожерелье для мадам Дюбарри, но король неожиданно умер, и фаворитка так и не получила это поистине сказочное украшение.

Разумеется, ожерелье было показано Марии-Антуанетте, обожавшей бриллианты, однако экономный Людовик XVI отказался оплатить его. Английский и испанский дворы также отказались приобрести ожерелье, в которое ювелиры вложили большую часть своих сбережений.

Итак, прежде чем разобрать ожерелье, ювелиры решили встретиться с мадам де Ла Мотт и попросить ее уговорить королеву купить уникальное украшение. Предложение ювелиров навело авантюристку на поистине гениальную мысль. Чувствуя, как богатство само плывет к ней в руки, она срочно вызвала из Страсбурга кардинала де Рогана, удалившегося туда на празднование Рождества.

Предложение, сделанное Жанной кардиналу, звучало просто и заманчиво. Мария-Антуанетта якобы сгорала от желания иметь ожерелье, но так как король отказался его купить, она уже не могла приобрести его официальным путем. Ей нужен был скромный и верный друг, который бы провел переговоры, приобрел украшение на свое имя и выступил гарантом регулярных платежей. Сама же королева брала на себя обязательство за два года оплатить стоимость ожерелья, цена которого была равна одному миллиону шестистам тысячам ливров.

Такое доверие буквально открыло кардиналу. В тот же вечер он отправился к Бемеру и Бассанжу и обговорил с ними условия покупки ожерелья. 29 января 1785 года ювелиры прибыли во дворец Рогана для подписания контракта. Там их уже ожидала мадам де Ла Мотт, которая после завершения всех формальностей взяла документ и заявила, что «отправляется в Версаль». Вернувшись, она привезла контракт обратно; против каждого пункта рукой «королевы» было написано «одобрено», а в конце документа красовалась подпись: «Мария-Антуанетта Французская».

Через два дня кардинал, имея при себе ожерелье, постучался в двери маленькой квартирки Жанны в Версале. Едва он успел войти, как следом за ним появился темноволосый молодой человек, одетый в костюм курьера. Поклонившись, курьер произнес магические слова:

— Именем королевы!

Кардинал вручил молодому человеку шкатулку, и тот, напутствуемый Жанной, мгновенно испарился. И пока ликующий в душе кардинал ехал обратно в Париж, темноволосый молодой человек — все тот же вездесущий Рето де Виллет, — покружив по Версалию, вернулся в квартиру Жанны.

В тот же вечер супруги де Ла Мотт и их сообщник спешно разобрали ожерелье, повредив при этом несколько камней. Будучи уверенными, что никто не станет их преследовать, они торопились дорваться до богатства.

Расчет Жанны был прост. Разумеется, когда 1 августа не будет внесена условленная сумма, обман раскроется, однако это ее не волновало. Королева платить не станет, но это сделает Роган, выступивший гарантом сделки, и сделает без всякого шума и недовольства, дабы избежать насмешек, которые непременно обрушатся на его голову, если обман станет достоянием гласности. Если же он не заплатит, он будет обесчещен. И уж конечно, Роган не станет требовать объяснений от королевы.

Итак, мошенники чувствовали себя уверенно. Ла Мотт отбыл в Лондон продавать камни, а Жанна отправилась в Бар-сюр-Об, где зажила в свое удовольствие и даже устраивала приемы. Однако она не учла одной маленькой детали: кардинал был по уши в долгах и не мог заплатить даже первый взнос. Между тем де Роган начал проявлять первые признаки беспокойства. Ведь несмотря на письма, которые он продолжал получать, на публике королева была с ним по-прежнему холодна и надменна. И — хуже всего — она не носила ожерелье!

— Она наденет его только после того, как полностью оплатит, — заверила кардинала Жанна, которую он вызвал в Париж.

Однако 1 августа приближалось, и авантюристка вынуждена была признаться себе, что дата эта и ее тоже весьма беспокоит. Она отправилась к ювелирам и «от имени королевы» заявила, что Мария-Антуанетта находит ожерелье непомерно дорогим и готова вернуть его, если они не снизят цену на двести тысяч ливров. Она полагала, что ювелиры заартачатся, начнутся переговоры, и она сумеет выиграть время. Но, к великому ее удивлению, Бемер и Бассанж немедленно согласились. Впрочем, ларчик открывался просто: при заключении сделки ювелиры «чуть-чуть повысили» цену ожерелья по сравнению с его изначальной стоимостью.

Тогда графиня де Ла Мотт отважилась на дерзкий шаг.

— Вас обманули, — заявила она, — и нас вместе с вами! Подпись королевы на документе поддельная. Но кардинал богат: он, разумеется, все оплатит.

Она полагала, что уstraшенные ювелиры бросятся к своему титулованному должнику, выступившему гарантом сделки. Однако до ювелиров уже дошли слухи о несостоятельности прелата, и вместо того чтобы отправиться к нему, они помчались в Версаль, где добились аудиенции у королевы.

Просители изложили Марии-Антуанетте свою историю, и та, ничего не поняв, тем не менее пообещала во всем разобраться. Серьезность дела поначалу от нее ускользнула, однако она уже привыкла, что интриганы нередко пользуются ее именем для обдывания своих делишек — за подобные мошенничества уже не одна придворная дама познакомилась с Бастилией.

Наконец королеве все же пришлось вникнуть в суть истории ювелиров; во всем разобравшись, она пришла в такую ярость, что совершенно забыла об осторожности. И 15 августа в Версале разыгралась настоящая драма.

В то утро кардинал собирался служить мессу в придворной часовне. Облаченный в пурпурную мантию, он ожидал выхода короля и королевы в прихожей перед королевским кабинетом, и настроение у него было мрачное. Дражайшая графиня удалилась к себе в поместье, от нее не было никаких известий, и он чувствовал себя ужасно одиноко. Неожиданно к нему подошел лакей и сообщил, что король ждет его у себя в кабинете.

Переступив порог королевского кабинета, кардинал увидел, что Людовик XVI сидит за письменным столом, а рядом с ним стоит королева. Ее величество была в роскошном платье из белого шелка, сверкавшего алмазной россыпью, над головой покачивались пышные перья, однако взор ее источал холод, а губы кривились в презрительной усмешке.

— Дражайший кузен, — начал король, — что означает эта покупка ожерелья, которую вы совершили от имени королевы?

Кардинал побледнел. Он почувствовал, что под ногами у него разверзается бездна. Женщина, именовавшаяся королевой, презрительно усмехалась и смотрела на него

ледяным взором... а ведь именно она писала ему такие нежные письма! Неужели она разыгрывает очередной спектакль?!

Волна презрения захлестнула его. Впервые он выдержал взгляд Марии-Антуанетты и ответил презрением на презрение:

— Сир! Я вижу, что ошибся... но я никого не обманывал!

— В таком случае вам нечего волноваться. Только извольте все объяснить.

Кардинала проводили в соседнюю комнату, дабы он мог изложить свои показания на бумаге, однако де Роган так разволновался, что едва мог держать в руках перо. Тем не менее он написал о том, что мадам де Ла Мотт, подруга королевы, уговорила его приобрести ожерелье.

— Моя подруга?! — возмутилась Мария-Антуанетта, прочтя написанное. — Я не знаю женщины с таким именем! И потом, я умею выбирать себе друзей.

— С этим трудно согласиться, глядя на окружение вашего величества, — обронил кардинал, и Мария-Антуанетта покраснела от гнева.

Вмешался король:

— Где сейчас эта Ла Мотт?

— Полагаю, что у себя, сир. В Бар-сюр-Об.

— Ожерелье у вас?

— Нет, сир. В присутствии мадам де Ла Мотт я передал его курьеру королевы, которого видел впервые.

— А где письма, которые вам писала королева?

— Сир... Теперь я понимаю, что они были подделаны.

— Еще бы они были не подделаны! — возмущенно воскликнул король. — Мне придется как следует во всем разобраться.

Воцарилась тишина. Внезапно представив себе, что может случиться, если письма будут обнаружены, кардинал пришел в ужас и с достоинством произнес:

— Ваше величество, эта история не должна просочиться за пределы вашего кабинета. Речь идет об ожерелье, оплату которого я гарантировал своей подписью. Никогда еще никто из Роганов не отказывался от своей подписи! Я заплачу.

Но тут вмешалась королева. Дрожащим от гнева голосом она заявила:

— А я, сударь, желаю полной ясности и требую правосудия! Я не позволю делать из меня пешку в чужой игре!

— Сударыня, заклинаю вас, опомнитесь! — воскликнул несчастный прелат. — Если начнется процесс, могут всплыть нежелательные подробности...

— Как? Вы смеете давать мне советы — мне?! О сударь!

Презрение королевы вывело кардинала из себя:

— Род Роганов, сударыня, значительно древнее рода Габсбургов! — Он смерил королеву надменным взором, поскольку теперь видел в этой женщине всего лишь презренную кокетку.

Король приказал кардиналу покинуть кабинет, и, пока тот шел к двери, заявил, что намеревается исполнить свой долг короля и супруга...

Способ, избранный королем для исполнения этого долга, потряс всех. Когда кардинал, направляясь в часовню, проходил через Зеркальную галерею, раздался торжествующий голос барона де Бретея:

— Арестуйте господина кардинала!

Прелат закрыл глаза. Случилось самое худшее. Толпа расступилась, и стражники окружили его. Однако прежде чем сесть в экипаж, который должен был доставить его в Бастилию, кардинал нашел способ нацарапать записку для своего секретаря, аббата Жоржеля. В этой записке он приказывал сжечь все бумаги, лежавшие в красной шкатулке. Таким образом, ценой собственной безопасности узник пытался спасти честь королевы...

18 августа в Бар-ле-Дюк была арестована Жанна де Ла Мотт — она намеревалась как можно скорее покинуть Францию, но не успела этого сделать. Пока ее везли в Бастилию,

она кусалась и царапалась, словно тигрица, при этом обвиняя Калиостро и его жену в том, что они украли у нее ожерелье. Калиостро и его жена также были арестованы — равно как Николь Легэ и Рето де Виллет. И только уехавший в Лондон граф Ла Мотт остался вне досягаемости французской полиции.

Процесс, ведение которого было поручено парламенту, длился несколько месяцев и вызвал бурю страстей. Версаль направил судьям меморандум, где было указано, какому наказанию желательно подвергнуть каждого из виновников; разумеется, самые суровые кары предназначались для кардинала. Но 31 мая 1786 года парламент, который всегда был враждебен двору, после голосования вынес свой вердикт. Кардинал де Роган и Калиостро были оправданы, Николь Легэ, родившая в тюрьме ребенка, была объявлена «непричастной к делу», граф де Ла Мотт был заочно приговорен к галерам, а Рето де Виллета, фальсификатора, виновного в оскорблении величеств, которого следовало бы повесить, обрели на... ссылку.

Самая суровая кара выпала на долю Жанны де Ла Мотт. Она была приговорена к публичному наказанию кнутом, потом ее должны были заклеить раскаленным железом, поставив на обоих плечах букву «В» — «воровка», и навечно заключить в тюрьму Сальпетриер.

Уже через несколько часов под улюлюканье толпы Жанну подвергли бичеванию на площади. Однако освобожденная от цепей авантюристка столь яростно отбивалась от державших ее палачей, что наказание так и не сумели довести до конца. Изрыгая проклятия, она в неистовстве вопила:

— Мне стоило только слово сказать, и я бы погубила королеву!

После того как Жанну заклеили раскаленным железом, она потеряла сознание, и ее отнесли в Сальпетриер на руках.

Впрочем, в тюрьме для графини де Ла Мотт определили вполне щадящий режим. Стало хорошим тоном навещать ее, но однажды, когда в тюрьму явилась подруга королевы принцесса де Ламбаль, узница заявила, что «ее не приговаривали принимать подобных посетителей»...

Через два года Жанна без особого труда бежала из тюрьмы вместе с женщиной, которой было поручено за ней присматривать, и, прибыв в Лондон, сразу же засела за писание мемуаров. Умерла она в Лондоне 23 августа 1791 года, выбросившись из окна. Причины, побудившие ее на такой поступок, неизвестны.

Разумеется, решение парламента, преисполнившее радостью парижан, было воспринято в Версале как оскорбление. По просьбе королевы Людовик XVI лично подписал приказ о высылке из Франции Калиостро, а кардинала де Рогана сослал в аббатство Шез-Дье.

В 1788 году кардиналу было разрешено вернуться из ссылки; он отправился сначала в свой замок Саверн, а затем эмигрировал на другой берег Рейна.

Все эти годы он исправно выплачивал деньги за ожерелье, и лишь внезапная смерть не позволила ему расплатиться полностью. Кардинал де Роган скончался в 1803 году в городке Эттенхейм.

«ПРОКАЗЫ» МАРКИЗА ДЕ МОБРЕЯ

1. МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ ГОСПОДИНА ДЕ ВИТРОЛЯ

6 апреля 1814 года Наполеон был низложен, и Сенат призвал во Францию Бурбонов. Пока тучный Людовик XVIII, отечный и страдающий от подагры, готовился въехать в Париж, а император прощался с гвардией в Фонтенбло, враги хлынули во Францию.

21 числа сего трагического месяца пять походных карет, покинувших на рассвете Париж, двигались к Сансу; путь их лежал в Швейцарию, по дороге им предстояло проехать Дижон, Доль и Понтарлье. В этих громоздких каретах в сопровождении слуг

ехала золовка Наполеона Екатерина Вюртембергская, королева Вестфалии и жена юного вспыльчивого Жерома.

Королева была пухленькая, с розовыми щечками, некрасивая, однако милая и добрая, что делало ее вполне привлекательной. Главное очарование Екатерины заключалось в том, что она постоянно улыбалась, — это было ее естественное состояние. Но сегодня утром мысли королевы были отнюдь не веселы. Исполняя распоряжения супруга, который обещал присоединиться к ней в Швейцарии, последние дни она вела жизнь чрезвычайно утомительную: продала всю мебель и экипажи, а затем собралась и уехала из дома, откуда уже сбежали все слуги. Членам императорской семьи перестало быть уютно в Париже, и Екатерине пришлось поступить так же, как и всем остальным. К счастью, ее кузен, царь Александр I, выказал королеве свое дружеское расположение и передал ей пропуск, позволявший пересечь границу вместе с имуществом и домочадцами.

Она увозила с собой меха, столовое серебро, драгоценности и платья, разместившиеся в семи сундуках, а также три большие холщовые сумки с золотыми монетами на общую сумму в восемьдесят пять тысяч франков — эти деньги должны были позволить ей и ее близким некоторое время вести безбедную жизнь. Однако на сердце у Екатерины было тяжело. Она любила Париж, любила мужа и даже любила Наполеона, который всегда относился к ней по-дружески. Несчастья, обрушившиеся на голову императора, повергали ее в отчаяние.

Рядом с королевой дремала ее фрейлина, графиня фон Фуртенштайн, а на скамеечке напротив граф фон Фуртенштайн предпринимал поистине героические усилия, чтобы не последовать примеру жены: он устал и чувствовал себя совершенно разбитым — столь стремительные переезды были противопоказаны как его возрасту, так и его ревматизму.

В семь часов утра, на подъезде к деревне Гран Фос-сар, на лесной дороге внезапно появился целый кавалерийский полк, преградивший карете путь. Кучер осадил мчавшихся галопом коней, отчего находившихся в карете путешественников сильно потрянуло.

Едва не упав от столь сильного толчка на руки графу фон Фуртенштайну, королева открыла окошко экипажа и высунулась наружу.

— Что там происходит? — недовольно прокричала она. — Почему мы остановились?

Увидев приближавшихся к ней двух офицеров, один из которых был в форме Национальной гвардии, а другой в мундире полковника гусарского полка, королева поняла, что случилось нечто ужасное. Высокому и худому полковнику было лет тридцать; лицо его, наполовину скрытое меховым кивером с золотыми кистями, имело вид жестокий и дерзкий; Екатерине показалось, что она его уже где-то видела. Презируя протокол, офицер заговорил первым:

— Сударыня, правительство поручило мне опечатать ваш багаж и отправить его в Париж. Есть подозрения, что вы увезли драгоценности, принадлежащие монарху!

Возмущенный крик одновременно вырвался у всех трех пассажиров кареты.

— Если я и увожу драгоценности, сударь, то только свои собственные! — дрожащим от гнева голосом воскликнула королева. — И раз уж вам угодно было намекнуть на правительство, то знайте, что я отправилась в это путешествие, имея при себе охранную грамоту, выданную моим кузеном, царем Александром. Его печать и подпись вы, без сомнения, узнаете на этих паспортах.

Екатерина протянула ему свои бумаги, но полковник не взял их. Пока его солдаты окружали карету, он приблизился к дверце и распахнул ее.

— Извольте выходить, сударыня, — холодно приказал он. — Не вынуждайте меня заставлять вас это сделать.

— Вы смеете мне приказывать?! Да вы просто негодяй, сударь, и заверяю вас, вы об этом пожалеете! Полковник насмешливо поклонился:

— Возможно, сударыня, но только не сейчас. Пока же у меня есть приказ, и я его исполняю — вот и все. Вашему величеству следовало бы знать, что у солдата нет выбора!

Бледная от гнева, возмущенная до глубины души, Екатерина не сочла нужным продолжать беседу с этим невежей и, подчинившись грубой силе, вместе со своими спутниками вышла из кареты. Ее устроили в придорожном сарае, куда полковник любезно приказал принести стулья. Тем временем солдаты сгружали багаж. Когда эта операция завершилась, обнаружилось, что нет ключей от сундуков, и полковнику пришлось ' возвращаться, чтобы попросить у своей пленницы ключи.

— Я их вам не отдам! — воскликнула королева, довольная, что нашла повод дать выход своему гневу.

— Прискорбно, ибо в этом случае я буду вынужден взломать засовы. Я обязан осмотреть ваш багаж.

Побежденная королева нехотя протянула ему связку ключей. Однако на ней не хватало одного ключа. Полковник это отметил.

— Один ключ я не могу вам дать, — заявила она. — Это ключ от сундука, в котором находятся личные вещи моего супруга и его драгоценности. Вы можете сами попросить у него этот ключ: мой муж пока еще в Париже.

Молча пожав плечами, полковник направился к сундукам, а бедная Екатерина, потеряв наконец самообладание, разрыдалась.

— Успокойтесь, ваше величество, — произнес граф фон Фуртенштайн. — Эти люди быстро убедятся, что у нас нет драгоценностей, принадлежащих французским монархам. Через час мы продолжим наш путь, и все будет в порядке.

— В порядке? — с сомнением переспросила его жена. — Что-то не верится! Посмотрите-ка, друг мой: этот полковник подогнал телегу, и они грузят на нее наш багаж, включая наши личные вещи и сумки с золотом, принадлежащие ее величеству.

Все происходило именно так. За погрузкой на телегу багажа из кареты следили два офицера, доставившие сюда эту самую телегу. Королева в ярости бросилась к полковнику и громко заявила:

— Это не проверка, сударь, это кража! Самая что ни на есть обыкновенная кража!

— Вы заблуждаетесь, сударыня. Я увожу ваши вещи потому, что в Париже, в Министерстве полиции, должны составить опись содержимого сундуков, особенно драгоценностей. Ибо доказательств, что они не изъяты из казны монарха, у вас нет.

— Да вы с ума сошли, сударь! Как могут мои кашмирские шали, мои платья и мои шубы являться собственностью имперской казны?! Равно как столовое серебро и несесеры с гербами Вюртемберга!

— Сударыня, я получил приказ привезти все. Поверьте, мне очень жаль!

— Вам жаль? Полно...

Говоря это, королева внимательно рассматривала полковника и внезапно воскликнула:

— Да я вас знаю, сударь! Вы маркиз де Мобрей! Было время, когда вы состояли на службе у короля, моего супруга!

В самом деле, Мари-Арман де Мобрей, маркиз д'Орво, происходивший из знатной нантской семьи, когда-то являлся шталмейстером короля Жерома при вестфальском дворе. Однако он был дурным подданным — игроком, волокитой и имел отвратительную репутацию: его не раз обвиняли в том, что он плурует в игре. В результате одного такого скандала ему пришлось срочно покинуть Кассель.

Впрочем, офицер не собирался отрицать слов королевы.

— Да, я действительно маркиз де Мобрей, — спокойно произнес он. — Но сейчас я выполняю поручение, данное мне новым правительством.

— Новым правительством?! Похоже, сударь, вы совсем потеряли стыд! Быстро же вы меняете свои убеждения! Сначала вы были роялистом, потом превратились в ярого бонапартиста, а теперь вновь перевернулись на другую сторону? Недавно я кое-что слышала о вас.

— В самом деле?

Королева презрительно скривила губы:

— Говорят, вы осмелились гулять по Парижу, прицепив ваш крест Почетного легиона к хвосту коня, а также, что вы примкнули к банде оголтелых молодчиков, пытавшихся обрушить Вандомскую колонну! Впрочем, от вас можно ожидать чего угодно!

— Ваши оскорбления ничего не изменят, сударыня, поскольку я всего лишь выполняю поручение.

— Значит, вам поручили ободрать меня до нитки, чтобы я не смогла ехать дальше? Вы забрали у меня все, мне даже нечем заплатить за почтовых лошадей!

— Мне очень жаль, но пусть это вас не волнует. Позвольте, сударыня, предложить вам свой кошелек. В нем сто наполеондоров, они позволят вам добраться до Швейцарии.

Широким театральным жестом маркиз бросил к ногам онемевшей от изумления и возмущения королевы черный шелковый кошелек (который, как оказалось при ближайшем рассмотрении, содержал всего сорок наполеондоров). А так как погрузка была закончена, он отвесил глубокий поклон ограбленной им жертве и, оставив ее на обочине дороги, продолжил путь в Париж, увозя с собой все состояние королевы Вестфалии.

Через полчаса шталмейстер королевы и ее фрейлина, мадам Мале де Ла Рошет, сели в одну из карет и отправились к царю, чтобы вручить ему жалобу его кузины. А бедная Екатерина, вздыхая и утирая слезы, продолжила свое столь дурно начавшееся путешествие; при этом ее одолевали зловещие предчувствия...

Спустя два дня барон де Витроль, секретарь королевского Совета его величества Людовика XVIII, сидя в своем кабинете в Тюильри, без всякого удовольствия читал не слишком любезное письмо графа Нессельроде. Русский дипломат сообщал, что царь возмущен наглым ограблением, жертвой которого стала королева Вюртем-бергская, супруга Жерома Бонапарта.

«Кучка роялистов остановила королеву на большой дороге, — писал Нессельроде, — и похитила у нее все ее вещи и драгоценности». Царь требовал незамедлительно и по всей строгости закона наказать преступников, осмелившихся ограбить королеву, приходившуюся ему родственницей, и напоминал, что и впредь будет принимать живейшее участие в судьбе Екатерины Вюртембергской. В конце письма Нессельроде сообщал, что главарем преступной шайки являлся маркиз де Мобрей, которого сопровождали господа Дазье и Кольвиль; остальные сообщники указаны не были.

Не будучи знакомым ни с одним из вышеуказанных персонажей, барон передал послание русского дипломата своему начальнику графу д'Артуа, брату короля.

«Принц, как и я, почувствовал, — позже напишет Витроль в своих мемуарах, — что обвинение, выдвинутое императором Александром против роялистов, которых тот не слишком жаловал, грозит неприятными последствиями. Поэтому он шепотом приказал мне сделать все необходимое, чтобы удовлетворить императора Александра и Екатерину Вюртембергскую. Принц решил не выносить это дело на Совет, а мне и в голову не пришло, что некоторые из его членов, например, господин Талейран, могли бы дать нам кое-какие разъяснения. В то время это дело показалось мне всего лишь разбойной засадой, грабежом на большой дороге...»

Однако в дальнейшем Витролю все же пришлось задаться некоторыми вопросами, поскольку последствия этой совершенно фантастической истории затронули не только его одного. Во всяком случае, он поспешил отдать надлежащие распоряжения, поднял на ноги командующего жандармерией и директора телеграфа и сказал, что разыскивать преступников скорее всего следует в приграничных районах. Затем с чувством выполненного долга Витроль вернулся к себе в кабинет и принялся писать графу Нессельроде любезное и умиротворяющее письмо, в котором, однако, вспомнив об оскорбительных намеках русского графа, счел возможным сообщить:

«Я полностью отвергаю мысль о том, что подобный проступок мог быть совершен людьми, принадлежащими к политической партии, именуемой роялистской!»

Не подав, таким образом, повода уличить себя в отсутствии лояльности и радуясь тому, что удалось не дать делу огласки, Витроль решил поскорее выбросить эту историю из головы.

Однако на следующее утро маршал Монсей, поставленный в известность жандармерией, поднял на Совете большой шум, и граф д'Артуа понял, что без огласки не обойтись. Он был вынужден известить Военное министерство, Министерство полиции и даже Министерство морского флота и всюду отдать строгий приказ о поимке преступников.

Шум, поднятый в зале заседаний Совета, эхом отозвался в министерских коридорах, и к барону де Витролю явился некий месье де Дьен, доселе державшийся в тени. Он заявил, что господа из Совета перестарались, придав слишком большое значение в общем-то рядовому происшествию. Дело в том, что маркиз де Мобрей вовсе не думал скрываться и действовал исключительно из верноподданнических чувств. Он исполнял поручение, данное ему с целью «воспрепятствовать членам семейства Бонапарт вывезти бриллианты, принадлежащие монарху, а также содержимое государственной казны». Сам маркиз сейчас находится в Париже, равно как и его товарищи; а сундуки с драгоценностями и золотом Екатерины Вюртембергской они сложили в доме приятеля де Дьена, месье де Венто.

В заключение де Дьен сказал:

— Вы приняли это дело слишком близко к сердцу, дорогой барон. Самое большое желание месье де Венто — освободиться от этих сундуков, поэтому он спрашивает, что ему с ними делать.

Витроль опешил, но, быстро взяв себя в руки, поинтересовался, где живет этот Венто.

— На улице Тетбу.

— Не слишком далеко. Тогда, сударь, отправляйтесь к вашему приятелю и сообщите ему, что он должен немедленно доставить все сундуки в Тюильри. Добавлю только, что он поступил весьма легкомысленно, не сделав это сразу, как только они попали к нему!

Проводив де Дьена, барон облегченно вздохнул и тут же написал Нессельроде, что все уладилось и имущество принцессы найдено. Он был уверен, что больше никогда не услышит об этих чертовых сундуках, которые самое большее через час будут доставлены в Королевское казначейство.

Барон де Витроль, вернувшийся в Париж совсем недавно, был близким другом и постоянным сотрапезником графа д'Артуа, а посему ему пришлось поселиться в Тюильри, в павильоне Марсан. И вот, вернувшись домой около шести вечера, чтобы переодеться перед ужином, он с изумлением обнаружил у себя в спальне шесть огромных сундуков и несколько дорожных несессеров разных размеров — настоящий склад.

Барон яростно задергал шнурок колокольчика, и прибежавший на зов слуга объяснил, что в момент прибытия сундуков служащий Казначейства отсутствовал, его контора была закрыта, так что подходящего помещения, куда сгрузить сундуки, не оказалось, — И их решили привезти ко мне? — возмутился барон. — Неужели не могли найти другого места?!

— Нет, господин барон. Дворец не слишком просторный.

— Ну хорошо, — вздохнул Витроль, — значит, чтобы улечься спать, мне придется перелезть через эту груды.

Во время разговора со слугой он рассматривал громоздящиеся сундуки, большая часть которых была украшена гербами Вюртембергов, и внезапно воскликнул:

— Но... здесь всего шесть сундуков! А Нессельроде пишет о семи, и еще о двух сумках с золотом! Где они?

Лакей только недоумевающе развел руками, а Витроль сел за письменный стол и написал записку месье де Венто, в которой требовал немедленно доставить к нему оставшийся багаж. Отослав записку, он отправился ужинать к друзьям, вернулся за

полночь, с трудом добрался до кровати и заснул с чувством человека, у которого был насыщенный день.

Но не успел барон окончательно угнездиться в объятиях Морфея, как почтительное постукивание по плечу вернуло его к реальности. В дрожащем пламени свечи он с удивлением увидел склонившуюся над ним консьержку.

— Что там еще? Что вам угодно?

— Господин барон, двое неизвестных мужчин желают немедленно поговорить с вами. Ону уверяют, что дело очень важное и не терпит отлагательств.

Витролю совершенно не хотелось вставать. Кроме того, его спальня уже и так напоминала склад почтовой конторы, и ему вовсе не хотелось превращать ее еще и в приемную. Однако делать было нечего.

— Быстро приведите мне сюда этих людей! — рявкнул он, усаживаясь среди подушек. — Да поживее, я спать хочу!

Он еще только протирал глаза, а в комнату уже вошли двое, и один из них, поклонившись, заявил:

— Господин барон, вы потребовали еще один сундук и две сумки с деньгами. Мы поспешили исполнить ваше приказание и надеемся, что теперь все встанет на свои места.

Незнакомцы поставили ящики и сумки на консоль. Витроля одолевал сон, но тем не менее он сразу заметил, что здесь что-то не так. Приподнявшись на подушках, он указал пальцем на принесенный багаж:

— Вы хотите сказать, что это и есть недостающие вещи?

— Совершенно верно.

— Да вы в своем уме?! Вы притащили четыре наспех сколоченных ящика, вроде тех, в которые упаковывают бутылки с одеколоном, и хотите убедить меня, что это дорожный сундучок королевы?

— Другого багажа нет, господин барон. Большой сундук по дороге развалился, и нам не удалось его починить.

На этом ночные посетители удалились, оставив господина де Витроля коротать ночь по его усмотрению.

Утром, взвесив в руках холщовые мешки, барон удивился их легкости. Уступая внезапному побуждению, он открыл их и обнаружил, что вместо золотых в них насыпаны мелкие серебряные монеты. Черт возьми, но королеве Вестфалии незачем уподобляться булочнице, опустошившей свою кассу, и обременять себя сумками с мелочью! Придя к выводу, что все это весьма подозрительно, барон де Витроль написал о случившемся министру полиции, подчеркнув необходимость пригласить кого-либо из свиты королевы для опознания вещей.

Однако около полудня лакей доложил о приходе... нет, не мадам де Ла Рошет, а маркиза де Мобрея!

Сначала возмущенный Витроль отказался его принять, однако маркиз настаивал, и наконец секретарь Совета приказал пригласить его.

Вошел высокий, хорошо сложенный, довольно красивый человек, однако взгляд его был жестким и вызывающим. Барону показалось, что это один из тех двоих, кто разбудил его ночью, принеся две сумки и то, что осталось от сундука, однако полной уверенности у него не было.

Не пригласив посетителя сесть, Витроль принялся сурово выговаривать ему за то, что тот поставил в затруднительное положение короля, скомпрометировав его в глазах императора Александра. Мобрей не задумываясь ответил, что он всего лишь выполнял приказ, и угрожающе добавил:

— Если кто-то хочет таким образом скомпрометировать меня — что ж, значит, мне тоже придется подмочить чью-то репутацию!

— Не знаю, что вы этим хотите сказать, но скомпрометировать вы можете только виновных. И вообще, я требую объяснений! Кто именно отдал вам подобный приказ?

Поскольку барон был явно разгневан, Мобрей, очевидно, решил, что объясниться самое время, и поведал историю поистине ошеломляющую.

— Несколько дней назад, — начал он, — месье Ру-Лабори, помощник секретаря временного правительства, вызвал меня, чтобы от имени господина Талеярана доверить мне поручение государственной важности. Вскоре я узнал, что мне предстоит... убить Бонапарта по дороге на остров Эльбу.

Витроль даже подскочил.

— Как так — убить?! — воскликнул он.

— Убить. Не больше и не меньше. Так как я был изрядно удивлен, месье Ру-Лабори заверил, что все согласовано с кем надо, а за труды я получу миллион и титул герцога.

— Черт возьми! Интересно, где господин Талеяран берет все эти титулы, чтобы швыряться ими?

Мобрей ответил, что сие ему неизвестно, и продолжил свой рассказ. Он сказал, что слова секретаря его не убедили, и пожелал получить столь необычный приказ из уст самого князя. Ему ответили, что князь слишком занят и не может тратить время на болтовню. Если же маркиз требует подтверждения, господин Талеяран просто выйдет из кабинета и кивнет в его сторону. В условленный час Мобрея провели в гостиную. Действительно, вскоре в дверях кабинета показался Талеяран; он улыбнулся Мобрею и кивнул ему, как и было условлено.

Убедившись в серьезности возложенной на него миссии, Мобрей запасся всеми необходимыми пропусками, а затем вместе с кавалерийским полком отправился на Корсику. Однако по дороге, неподалеку от Санса, он повстречал королеву Вестфалии и был изумлен размерами ее багажа. Мобрей вспомнил, что временное правительство опасалось, как бы драгоценности из королевской казны не были переправлены за границу, где они, несомненно, затеряются в бездонных карманах семейки Бонапартов. Поэтому он и реквизировал вышеупомянутые сундуки... разумеется, без какой-либо выгоды для себя.

— Теперь же, — заключил Мобрей, — я вполне в состоянии выполнить свое поручение, и самое большее через два дня вышеозначенный человек может покинуть мир живых.

При этих словах Витроль встрепенулся: невероятный рассказ посетителя подействовал на него угнетающе.

— Сударь! — воскликнул он. — Подобные средства недостойны дела, которому мы служим! Мы слишком сильны и не настолько подлы, чтобы прибегать к таким методам.

— Однако, сударь, не будете же вы лично принимать решение по столь важному вопросу, не получив предварительно указаний графа д'Артуа?

— Я не собираюсь принимать никаких решений, и не знаю никого, кто бы отважился пересказать ваши слова принцу. Уходите, мне надо подумать, однако не забудьте прийти сегодня вечером на официальное вскрытие ящиков в присутствии придворной дамы королевы Вюртембергской.

— Сударь, — спокойно ответил Мобрей, — мне нечего бояться, и я не собираюсь скрываться.

И, холодно поклонившись, он покинул кабинет секретаря королевского Совета.

2. ЧУДЕСНАЯ ЛОВЛЯ

Вечером в одной из гостиных павильона де Марсан господин де Витроль в присутствии фрейлины королевы Екатерины мадам Мале де Аа Рошет, префекта полиции и соизволившего явиться маркиза де Мобрея приступил к вскрытию похищенных сундуков. Точнее, лишь хотел приступить, поскольку обнаружилось, что нет ключей. Барон повернулся к Мобрею:

— Не хотите ли вы, сударь, вернуть мне ключи?

Губы маркиза искривились в саркастической усмешке.

— Но у меня их нет. Я не считал для себя возможным открывать сундуки, поэтому ключи остались у королевы.

Пришлось посылать за слесарем, который со всеми предосторожностями, необходимыми при вскрытии царственного багажа, атаковал замки. Первым на очереди был огромный сундук из красного дерева — в нем, по словам фрейлины, находились драгоценности Екатерины. Однако замки на сундуках оказались особенными, и пришлось идти за швейцарцем-краснодеревщиком, изготавливавшим такие сундуки. Он прибежал с улицы Сент-Оноре, прихватив с собой специальный инструмент, чтобы открыть их, не испортив работы.

Все это заняло время. Было уже за полночь, когда сундук наконец соизволил открыться и выставить на всеобщее обозрение свою белую шелковую обивку и многочисленные шкатулочки, лежавшие в нем. К несчастью, когда шкатулочки открыли, все они оказались пусты, лишь в нескольких лежали золотые обломки — свидетельство того, что драгоценности были разобраны наспех и неловко.

В наступившей тишине господин де Витроль разразился грозной речью; гнев его, разумеется, обрушился на Мобрея.

— И что вы, сударь, обо всем этом скажете? Объясните нам, куда вы дели бриллианты!

— Я? Но, сударь, мне не поручали охранять их! — нагло заявил Мобрей.

— Однако вы их конфисковали, значит, вы несете за них ответственность!

— Совершенно не понимаю, почему. Как видите, эти сундуки не вскрывали, а поскольку ключи у королевы Вюртембергской, скорее уж можно подумать, что это она украла алмазы.

В ответ на столь циничное заявление раздался возмущенный голос мадам де Ла Рошет — она принялась яростно упрекать маркиза в том, что он пытается очернить королеву после того, как обокрал ее. Мобрей расхохотался:

— Обокрал? Очернить? Успокойтесь, сударыня, лучше поройтесь хорошенько у себя в памяти. Вспомните Кассель... и то упорство, с которым принцесса меня преследовала. Она так и не простила меня за то, что я отверг ее!

— Сударь! — вскричал Витроль. — Как вы смеете...

— Что? Смею сказать, что королева Вестфалии оказала мне честь, влюбившись в меня? Бог мой, да, смею! Потому что именно из-за нее меня выгнали из Касселя. И возможно, что, повстречав меня на дороге, она решила мне отомстить и навлекла на меня подозрение в ограблении. Я совершенно уверен, что бриллианты уже в безопасности и пребывают вместе с ней где-нибудь в Швейцарии!

Подобного рода заявление невозможно было оставить без последствий, и Витроль по привычке отправился доложить своему патрону. Граф д'Артуа был уже в кровати. Не имея обыкновения распутывать сложные дела, а главное — омрачать ночь, сулящую радость спокойного сна, граф д'Артуа вышел из положения, посоветовав приятелю арестовать всех скопом. Бедняге барону, уже ощутившему, как почва уходит у него из-под ног, совет пришелся по душе, и он ему последовал. Моб-рея и его сообщников — Дазье, Кольвиля и Ванто — на следующий же день препроводили в Ла Форс.

В тюрьме Мобрей страшно ругался и обвинял всех чиновников нового правительства — разумеется, во главе с Витролем — в коварных интригах.

— Вы ищете бриллианты королевы Вестфалии? — воскликнул он на первом допросе. — Что ж, снимите с господина де Витроля его министерский мундир — под ним они и отыщутся!

Мобрей не преминул упрекнуть Витроля в сговоре с Екатериной, утверждая, что та по-прежнему преследует его за то, что он отверг ее любовь. Судя по всему, подобные обвинения давались ему легко. Между тем Дазье и Кольвиль клялись, что в этом деле они только исполняли приказы правительства в целом и князя Талейрана в частности.

Сообщники еще продолжали громогласно оправдываться, когда во время обыска, произведенного на квартире у Мобрея, под матрасом были найдены три изумруда и

огромный рубин, а также некая загадочная записка. На клочке бумаги — вероятно, обрывке письма — в самом верху можно было разобрать слово «Венсен». Сама же записка состояла из единственной фразы: «Седьмое дерево в ряду».

Полицейские тотчас решили, что речь идет о Венсенском лесе, и сломя голову бросились туда... но пыл их быстро остыл, ибо в Венсенском лесу деревья растут отнюдь не в ряд.

Впрочем, вскоре последовала еще одна находка: тюремщики перехватили письмо Мобрея, адресованное одному из его слуг — Барбье.

«Нас арестовали, почему — не знаю. Не беспокойся. В мое отсутствие позаботься о моих интересах. Скажи своей жене, чтобы она закопала в песок вино, которое она получила последним: если оно ударит в голову, произойдет ужасное несчастье. Я рассчитываю на твою жену. Передай ей это, а мне дай знать, получил ли ты мое письмо...»

Однако ни Барбье, ни остальные лакеи Мобрея не были женаты. Кто же тогда та таинственная женщина, которой Мобрей поручил «закопать в песок вино», иначе говоря — по мнению полиции — спрятать в песке драгоценности? Этого никогда не узнали, и скорее всего именно та неизвестная женщина являлась главной загадкой всей истории.

На протяжении всего расследования полицейских не переставало удивлять, что у Мобрея, обладавшего несомненным обаянием, производившим впечатление из женский пол, не оказалось признанной любовницы. И это у мужчины, которому соблазнить женщину было столь же просто, как взять понюшку табака! Однако сообщницей его была явно женщина и наверняка в него влюбленная — иначе она вряд ли согласилась бы подвергнуться столь большому риску. Не подвергалось сомнению и то, что женщина эта была им любима — иначе он вряд ли стал бы столь ревностно скрывать и защищать ее.

Пока полицейское расследование топталось на месте, поползли слухи, что, возможно, Мобрей говорит правду и, как ни неприятно было это признавать, действительно является агентом нового правительства и верным роялистом. Среди родственников и друзей Мобрея находились и такие, чьи выступления в защиту обвиняемого отнюдь не облегчали жизнь Витролю. Так, например, братья де Ла Рошжаклен — маркиз Луи и граф Август — упорно обвиняли министра в желании скомпрометировать достойного и верного роялиста.

Быть может, дело и дошло бы до неприятных объяснений или даже до дуэлей на рассвете, если бы не анонимное — вернее, почти анонимное — послание, подписанное никому не известной «матушкой Шарбонье». Письмо это, якобы случайно попавшее в руки полиции, изрядно приободрило павших духом полицейских агентов. В нем корявым почерком и с массой орфографических ошибок сообщалось, что некий месть Гюэ нашел в Сене великолепные бриллианты.

Из письма явствовало, что указанный Гюэ служил в префектуре и был заядлым рыбаком. Как-то раз воскресным утром он занимался любимым делом, то есть удил рыбу, и крючок его удочки подцепил измазанный илом гребень. Приятель, удивленный вместе с ним, захотел купить у него этот гребень, чтобы сделать подарок своей подруге, но Гюэ, у которого была жена, решил сделать ей приятное. Гребень был красивой формы, а если его как следует вычистить, он, несомненно, станет хорошим украшением для пышной черной шевелюры мадам Гюэ.

Итак, Гюэ принес гребень домой, жена стала его чистить... и с радостью обнаружила, что под черной грязью скрываются великолепные бриллианты.

Мадам Гюэ была в восторге, и хотя супруг умолял ее не распускать язык, она, разумеется, поделилась радостью с соседками. На следующий день история уже облетела весь квартал, и мадам Гюэ, тотчас получившая прозвище «королевской наследницы», стала объектом пристального внимания и жгучей ревности; среди завистников оказалась и матушка Шарбонье. А причины для зависти были: супруги Гюэ явно стали жить лучше.

Труднее всего смириться с удачей своего ближнего, и посему в один прекрасный вечер матушка Шарбонье засела за самую тяжкую во всей ее жизни работу: она села писать

пресловутое письмо. В результате ее непомерных трудов жилище супругов Гюэ посетила полиция.

Разумеется, супруги все отрицали и дружно клялись, что слухи — сплошная ложь и за всю свою жизнь они не видели ни единого бриллианта. Обыск ничего не дал, и полицейские, разочарованные, уже направились к выходу, размышляя о том, как они по-своему разберутся с доносчицей. Но тут на глаза их начальнику случайно попался гипсовый бюст Гомера, стоявший на камине.

— А это кто еще такой? — спросил полицейский, указывая тросточкой на изображение создателя «Илиады».

Гюэ покраснел, потом побледнел и наконец решился.

— Это? Это бюст моего дедушки, — с достоинством произнес он.

Можно быть полицейским и при этом разбираться в литературе. Столь благородное родство показалось инспектору подозрительным, и ударом трости он вдребезги разбил голову дедушки. Среди осколков был обнаружен пресловутый гребень!

Заядлый рыболов больше не отпирался и рассказал, как, вдохновленный столь замечательной добычей, он вновь отправился удить на то же самое место — возле набережной Инвалидов. Тщательно пошарив крючком в иле, он выудил золотой браслет и еще два гребня, украшенных самоцветами, которые тут же продал ювелиру. Происшествие взволновало весь Париж. Пока ныряльщики, приглашенные префектом, исследовали дно Сены в указанном месте, на берегу пришлось выставить вооруженный кордон полиции, чтобы сдержать натиск любопытствующей толпы.

Это была поистине чудесная рыбалка! Из ила извлекали ожерелья, браслеты, цепочки от часов, диадемы, всевозможные золотые изделия и украшения — некоторые были по-прежнему завернуты в шелковые салфетки, в которые их упаковали перед отъездом. Все драгоценности без исключения принадлежали королеве Екатерине. И один из инспекторов подметил, что столь необычный клев происходил как раз напротив седьмого дерева в ряду деревьев, высаженных на набережной.

Любой другой человек на месте маркиза наверняка бы смутился и не стал отрицать очевидных доказательств своей вины. Но не таков был Мобрей! Когда маркизу предъявили драгоценности, он уверенно заявил, что никогда их не видел, и продолжал утверждать, что во всей этой истории он всего лишь исполнял данное ему поручение, а посему не может отвечать за то, каким образом новое правительство решило распорядиться добычей. Обвинял он главным образом графа д'Артуа, барона де Витроля и Талейрана и во всеуслышание заявлял, что никак не может решить, кому из этой троицы принадлежат лавры самого отъявленного мошенника. Не забывал он и чернить королеву Екатерину, напоминая о ее злосчастной любви.

Скандал начал принимать угрожающие размеры — прежде всего потому, что никто ничего не понимал, зато все наугад обвиняли всех и, используя поднявшийся со дна ил, в мутной водичке сводили личные счёты. Друзья Мобрея во весь голос упорно твердили о невинности маркиза, но, с горечью констатируя, что никто не желает их слушать, решили перейти к действиям.

Однажды вечером, когда Мобрея и Дазье в закрытой карете перевозили из Дворца правосудия в Ла Форс, на перекрестке карету остановила банда вооруженных людей. Разбойники вскочили на лошадей, разбили окна экипажа, открыли дверцу и выпустили узников. Дазье удалось бежать, а Мобрею не повезло: один из охранников вцепился в него мертвой хваткой, и пока маркиз отбивался от героического полицейского, собралась толпа — она и помогла задержать арестанта. Бедняга маркиз, крайне возмущенный, был в одиночестве доставлен в Ла Форс, а вскоре его перевели в тюрьму Аббатства. Новое жилище показалось Мобрею поистине ужасным — особенно после того, как он лишился общества приятеля, — и маркиз сильно заскучал.

Однако долго скучать ему не пришлось. 19 марта 1815 года двери тюрьмы неожиданно распахнулись перед маркизом. Изумленный узник ничего не понимал, однако разгадка

была проста: Наполеон бежал с острова Эльба и двигался на Париж. Это событие заставило новое правительство в целом и Витроля в частности призадуматься. Не желая оставлять в руках вновь объявившегося императора человека, изрядно запятнавшего дело роялистской партии, барон и его коллега Бурьенн, недолго думая, решили попросту отпустить Мобрея на все четыре стороны. Поэтому в то дождливое мартовское утро дерзкий маркиз и очутился на парижской мостовой.

Поразмыслив, Мобрей отправился в Терн к своему приятелю Дазье, но не застал его: Дазье совершенно некстати пришла в голову идея поиграть в верноподданного, и он отправился ко двору императора попытать счастья. Мобрею ничего не оставалось, как вернуться в Париж. Он отыскал свою возлюбленную и поселился в квартале Сен-Жермен, надеясь, что о нем все забудут... Там его и арестовали по приказанию Наполеона, обвинив в краже бриллиантов королевы Екатерины и в покушении на убийство императора.

Теперь обвинение было гораздо более серьезным, и в худшем случае Мобрей рисковал лишиться головы. Однако никакие повороты судьбы не могли обескуражить маркиза. На следствии Мобрей заявил, что, хотя Талейран пообещал ему целое состояние за убийство императора, он только сделал вид, что согласился, чтобы эту страшную миссию не поручили никому другому.

— Данное поручение давало мне возможность приблизиться к императору, но только для того, чтобы его похитить, — сказал Мобрей. — Я хотел препроводить его величество в Испанию, где у меня есть друзья.

— Зачем же вы тогда по дороге сделали остановку и украли драгоценности королевы Екатерины?

— Да потому, что у меня действительно был такой приказ! Уверяю вас, Бурбоны — всего лишь бандиты, а граф д'Артуа — самый худший из них. Однако и тогда я попытался спасти состояние королевы, в котором, на мой взгляд, император нуждался значительно больше, чем д'Артуа.

Случилось самое невероятное: ему поверили. Точнее, сделали вид, что поверили, ибо эта невероятная история о попытке покушения вполне устраивала Наполеона. Ведь своим возвращением он перечеркивал отречение, отказывался от собственной подписи. А наличие заговора и угроза покушения предоставляли ему вполне законный предлог для подобного нарушения обязательств: его безопасность не была обеспечена... После подведения такой политической подоплеки грабительский налет превращался в мелкий проступок.

В интересах Мобрея было спокойно сидеть в своей темнице, ожидая развития событий, но маркиз был на это неспособен. Впрочем, на этот раз свою роль, видимо, сыграла неизвестная нам женщина — маркиз бежал, чтобы соединиться с ней, а быть может, даже она сама организовала ему побег. Во всяком случае, когда ранним апрельским утром гвардейцы вошли в камеру маркиза, расположенную на четвертом этаже тюрьмы и выходящую окнами на улицу, они увидели, что птичка улетела. Один из прутьев решетки был перепилен, а за окном болталась веревка, привязанная к навесу.

Однако все решили, что побег был инсценирован, ибо вышеуказанный навес, сделанный из прогнивших досок, не выдержал бы даже тяжести кошки. В камере же на столе нашли письмо, адресованное префекту полиции:

«Сударь, сожалею, что своим побегом доставлю вам немало неприятностей. Однако было бы несправедливо оставаться в тюрьме, когда твои друзья на воле сделали все, чтобы ты мог бежать. К счастью, моих друзей вы не знаете, и они находятся вне вашей досягаемости.

Досадно, что правительство, как я ни просил, не посчитало нужным вмешаться в это дело. Тогда мне не пришлось бы гнить в тюрьме и бежать оттуда с риском для жизни, а вам не пришлось бы меня искать. Я надеялся на иное отношение со стороны его величества, однако теперь я с горечью вижу, что никакая услуга, даже столь значительная, не может убедить его простить незначительную обиду.

Тем не менее прошу вас не входить в ненужные расходы и не искать меня: я перестал доверять вам, а посему не собираюсь выдавать своего убежища. Конечно, сударь, вам скорее всего прикажут организовать мои поиски, только знайте: это бесполезно. Лучше сэкономьте средства. Я искренне хочу, чтобы мое письмо позволило вам избежать неприятностей и несправедливых упреков. Имею честь, сударь, оставаться вашим покорным слугой...»

Совершенно неожиданно Мобрей появился в Ренте — городе, куда бежали Людовик XVIII и его окружение. Однако если он надеялся, что там его встретят с распростертыми объятиями, то ему пришлось разочароваться. Его парижские признания дошли до ушей де Витроля и кое-кого еще, поэтому появлению маркиза на улицах Гента — этого пристанища изгнанников — тотчас было найдено объяснение: Мобрей стал верным слугой Наполеона и прибыл в Гент, чтобы... убить Людовика XVIII! И маркиз незамедлительно угодил в тюрьму.

Его выпустили после Ватерлоо, посоветовав как можно скорее отправиться куда-нибудь подальше от границ Франции и намекнув, что Европа достаточно велика, и человек, наделенный его талантами, вполне сумеет найти там себе применение.

Однако когда король вернулся во Францию, Мобрей решил, что у него нет оснований не последовать примеру его величества. Он тоже вернулся и обосновался в своем поместье, расположенном между Нантом и Анжером. Там маркиз, подобно Кандиду, мог бы возделывать свой сад или, как многие его современники, писать мемуары — но он предпочел организовать заговор. На этот раз в пользу Римского короля!

Разумеется, его снова арестовали — на этот раз во Фландрии — и учинили судебный процесс. Для жителей Дуэ процесс этот стал неиссякаемым источником развлечений, поскольку Мобрею удавалось превращать каждое судебное заседание в настоящий спектакль. Надо сказать, в его пространственных речах роли негодяев всегда отводились роялистам.

По окончании процесса суд, как и положено, вынес свой вердикт: пять лет тюрьмы, пятьсот франков штрафа и десять лет лишения прав. Увы, судьи не успели ознакомить с приговором Мобрея, поскольку тот без лишнего шума предпочел с ними расстаться. Совершив очередной побег, неисправимый маркиз направился в Англию — довольно неожиданный выбор для сторонника Римского короля!

Именно в Англии маркиза наконец обуял писательский зуд. Он принялся измарывать тонны бумаги, рассылая во все газеты свои записки и воспоминания, в которых обвинял Бурбонов, Россию и Пруссию в том, что они хотели убить Наполеона... а заодно и Римского короля! Естественно, никто не придавал значения его писаниям — тем более что соседи Мобрея очень скоро стали сомневаться в сохранности его рассудка, который вполне мог повредиться после стольких превратностей судьбы. Претерпев жестокое разочарование, маркиз решил покинуть Англию и вернулся во Францию. Там он оказался во власти навязчивой идеи: отомстить Талейрану, которого он считал главным виновником всех своих несчастий. 21 января 1830 года Мобрей отправился в Сен-Дени, на торжественную службу, посвященную памяти казненного Людовика XVI, и смешался с толпой придворных. Когда появился Талейран в своем камергерском мундире, Мобрей бросился к нему и с такой силой отвесил две пощечины, что князь не удержался на ногах и упал. Талейрана унесли, ему стало плохо. Обступившие князя лекари тотчас пустили ему кровь; лечение сопровождалось выразительными рыданиями родственников, уверенных, что настал последний час великого политика.

В семьдесят пять лет подобные происшествия обычно не остаются без последствий, однако Талейран не мог позволить себе умереть от пары пощечин. На удивление быстро оправившись, он тотчас взял свое любимое перо и, дабы «показать пример великодушия», написал изысканное письмо, в котором просил снисхождения для своего обидчика (которого, разумеется, арестовали и — в который раз! — посадили в тюрьму).

Своим письмом Талейран полагал снискать всеобщее восхищение, однако успех выпал на долю некоего шансонье, который объявил о скором выходе в свет книги господина Талейрана под названием «О снисходительности в деле принятия пощечин». Весь Париж развлекался, а Мобрей, приговоренный к довольно длительному сроку, снова канул в безвестность.

Однако влачить свои дни в заключении маркизу пришлось недолго: смены режимов для него всегда были периодами благоприятными. Луи-Филипп вытащил его из тюрьмы... и назначил пенсию. Наполеону III эта пенсия показалась вполне заслуженной, и он продолжал ее выплачивать.

В последние годы Второй Империи парижане нередко встречали на улицах высокого седого старика, пристававшего ко всем с бессвязными речами, где смешались Бурбоны, император, Римский король и влюбленная в маркиза де Мобрея королева Екатерина.

— Она валялась у меня в ногах! — повторял старик. — Она умоляла меня полюбить ее! Но сердце мое было отдано другой... к тому же королева была уродлива.

Известно, что в конце концов Мобрей разлюбил свою загадочную красавицу, или — что более вероятно — она его бросила после бегства из Дуэ, отчего у маркиза и началось умственное расстройство, которое с годами лишь усугублялось. Как бы то ни было, в восемьдесят девять лет Мобрей женился на белокурой уроженке Люксембурга, которая торговала своими прелестями — очевидно, именно потому История, преисполнившись достоинства, позабыла ее имя. Наверное, именно эта белокурая красotka зимним утром 1869 года закрыла глаза неугомонному маркизу...

ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ МАДАМ ЛАФАРЖ

1. «ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ»

Однажды майским утром 1839 года барону Полю Гара, члену генерального совета Французского банка, доложили о приходе необычного посетителя. Барон кивнул, и лакей ввел незнакомца под роскошные своды старинного особняка Тулуз, где располагался банк и проживал вышеуказанный член генерального совета.

Прибывшего звали месье Фуа, и в Париже он был известен как весьма тактичный и компетентный руководитель солидного брачного агентства.

Разумеется, барон Гара призвал месье Фуа не для себя. Давно женатый на добродетельнейшей женщине, отец семейства и обладатель прочного положения в обществе, член генерального совета тем не менее нес свой крест — подобно любому простому смертному в этом брэнном мире. Этим крестом была его собственная племянница Мари Капель, сирота, оставшаяся без отца и матери. Мари было двадцать три года, и, судя по всему, она не имела склонности к заключению брачных уз. Нельзя сказать, что девушка была непривлекательна — тоненькая, темноглазая, с пламенным взором и молочно-белой кожей, она обладала великолепными черными, как смоль, волосами и дивной фигурой. Все обозначенные качества заставляли забыть об ее излишне заостренном носе и слишком тонких, в ниточку, губах. Кроме всего прочего, Мари была прекрасно образованна, наделена острым умом и вдобавок получила превосходное воспитание и весьма солидное приданое (около ста тысяч франков золотом). Но тем не менее она отталкивала всех, кто, соблазненный ее привлекательной внешностью, пытался за ней ухаживать.

Подобное положение объяснялось определенной свободой поведения и высказываний, а также тем, что девушка привыкла фантазировать и отдавалась своим фантазиям целиком. Это была прирожденная выдумщица, существовавшая более в мечтах, нежели в действительности: в конце концов она принималась сама верить в свои сказки. Мари выдумывала виртуозно, с удовольствием, можно даже сказать — с наслаждением. Недостаток сей служил причиной рождения всевозможных слухов, в частности, о ее

предках по материнской линии. Говорили, что ее бабушка, Эрмини Кантон, якобы была незаконной дочерью герцога Орлеанского и мадам де Жанлис — самой знаменитой ученой женщины своего времени, наделенной вдобавок богатейшим воображением. Но текла или не текла в жилах Мари Капель королевская кровь, жизнь ее дяди и тети от этого не становилась легче. Они смертельно устали существовать в атмосфере вечных фантазий, царившей у них в доме из-за присутствия в нем племянницы.

Были и причины посерьезнее: некоторое время назад в доме пропало несколько ценных предметов, и баронесса не скрыла от супруга, что она считает виновницей их исчезновения свою племянницу. Тем более что у лучшей подруги девушки, графини Леото, исчезло бриллиантовое ожерелье — при обстоятельствах, весьма для Мари неблагоприятных. Именно поэтому член генерального совета Французского банка вынужден был обратиться к милейшему месье Фуа и дал ему вполне определенные инструкции:

— Мы с баронессой не видим никаких препятствий в том, чтобы будущий зять был родом из провинции. Однако он должен быть человеком уважаемым и обладать приличным состоянием, иначе вряд ли он сможет угодить утонченным вкусам девушки, получившей изысканное воспитание.

Восхищенный оказанным ему высоким доверием, месье Фуа поклялся, что барон будет доволен, и мгновенно отправился на поиски. Спустя несколько недель он заявил, что нашел.

«Случайная» встреча была устроена в зале Вивьенн, где выступал оркестр под управлением знаменитого Филиппа Мюзара. В антракте Мари, прибывшая на концерт вместе с теткой, увидела, как к ним приближается один из дядюшкиных приятелей, персонаж весьма невыразительный и с ее точки зрения не представляющий никакого интереса. Приятеля сопровождал какой-то незнакомец, которого девушка удостоила взглядом, лишь когда его представили:

— Господин Шарль Пуш-Лафарж, один из наших выдающихся промышленников...

«Выдающемуся промышленнику» на вид было лет двадцать восемь. Он был высок, склонен к полноте и, как это свойственно подобным людям, полнокровен; более всего он походил на крестьянина, вырядившегося по случаю воскресного дня во фрак, носить который явно не привык. Разговор его также был ничем не примечателен, так что Мари, исполнив все надлежащие светские обязанности, перестала им интересоваться.

Поэтому она была чрезвычайно удивлена, когда через несколько дней после концерта тетка сообщила ей, что Шарль Лафарж просит ее руки.

— Моей руки?! Мне придется выйти замуж за этого толстяка? Вы это серьезно, тетушка?

— А почему бы и нет? Он очень приличный молодой человек.

Мари рассмеялась:

— Очень приличный? Тетушка! Вам, кажется, впервые изменил ваш прекрасный вкус! Неужели вы все время смотрели в другую сторону и не заметили, что у этого Лафаржа бычья шея, руки погонщика и — да простит мне бог — ногти, как у угольщика? Да, чуть не забыла: он потеет, словно масло на солнце!

— Ты преувеличиваешь. Просто он сангвиник, а в июле очень жарко.

— Откуда такая снисходительность? Обычно она вам несвойственна. К тому же разве вы не почувствовали, как от него пахнет чесноком? Согласна, совсем чуть-чуть, но все же пахнет. А мне казалось, что вы ненавидите чеснок...

— Все это глупости, Мари! — нетерпеливо воскликнула баронесса. — Женщина со вкусом всегда может исправить столь несущественные недостатки. Главное, что у этого Лафаржа кузнечное дело в Коррезе, и говорят, что он очень богат. Он мэр селения, возле которого расположен его замок, и всем этим отнюдь не следует пренебрегать. Вот послушай, как он описывает свой замок в письме.

Баронесса вынула из конверта листок и прочла:

— «Это приятный на вид дом, крытый голубой черепицей, сливающейся с голубизной неба. Белая терраса выходит в сад с квадратными куртинами, обрамленными самшитом, с фонтанами в стиле рококо...» Впрочем, сюда вложен акварельный рисунок, посмотри сама. Разве тебе приходилось видеть более очаровательное жилище? Какой прекрасный парк!.. В самом деле, Мари, по-моему, ты излишне требовательна.

Мари не ответила. Держа в одной руке письмо, а в другой акварель, она размышляла и постепенно приходила к выводу, что тетушка ее, быть может, не так уж и не права. Состояние, достойное положение в обществе и красивый дом вполне заслуживали внимания. Более того, если Шарль Лафарж, по его собственному утверждению, влюбился в нее, то ей и не составит труда сделать его более презентабельным... К тому же, если говорить откровенно, ей порядком надоело быть единственной незамужней в кругу своих более счастливых друзей.

Итак, Мари согласилась, чтобы молодой человек, как того требовал обычай, стал ухаживать за ней, и вскоре приняла судьбоносное решение. Ровно через месяц, то есть 12 августа, в самую жару в церкви Пети-Пер в присутствии блистательнейшего общества она стала супругой Шарля Пуш-Лафаржа, дабы делить с ним радости и горести...

Честно говоря, когда священник благословлял их, Мари уже задумывалась над тем, не совершила ли она глупость, поскольку у нее из головы никак не выходила сцена, разыгранная накануне в ее собственной комнате. Дело в том, что после совершения гражданского обряда бракосочетания Шарль решил безотлагательно исполнить свои супружеские обязанности. Перепугавшись, Мари позвала на помощь. Прибежала тетушка, пристыдила излишне торопливого супруга, и тот, извинившись, сконфуженно удалился. Однако невеста была поражена самым неприятным образом и теперь, во время брачной церемонии, постоянно вспоминала об этом происшествии.

Воспользовавшись тем, что Шарль уже успел перед ней провиниться, она решила провести свою первую ночь замужней женщины в одиночестве. Она заявила, что устала, и сослалась на утомительные приготовления к отъезду: на следующий день молодожены должны были отбыть в свой замок Гландье. Шарль не осмелился возражать, и Мари осталась у себя в спальне вместе с Клементиной, своей верной горничной, которая согласилась последовать за хозяйкой в глухую провинцию, иначе говоря — в ссылку. Новоиспеченная мадам Лафарж уснула с трудом: будущее представлялось ей неопределенным и пугающим...

Почтовая карета везла супругов в Орлеан, где им предстояло сделать остановку. Воображение уже рисовало Мари картины жизни в роскошном старинном замке, когда Шарль заявил, что хочет есть. Мари подумала, что они остановятся перекусить в какой-нибудь гостинице, но ее супруг не собирался швырять деньги на ветер. Она была неприятно удивлена, увидев, как он открыл дорожную сумку и извлек оттуда холодную курицу и бутылку вина, завернутую в какие-то тряпки. Ничуть не смущаясь, Шарль принялся поглощать пищу с завидным аппетитом, свидетельствующим о том, что ему не впервые приходится есть в подобных условиях. Разорвав руками курицу пополам, он откусывал от нее устрашающие куски и глотал их, запивая вином прямо из горлышка.

Урчание в животе, сопровождавшее трапезу, переполнило чашу терпения молодой женщины. Она попросила остановить экипаж и, заявив, что ей слишком жарко, поменялась местами с Клементиной: отправила горничную в карету, а сама устроилась на облучке рядом с кучером. Так, под палящим солнцем и в тучах пыли, она и доехала до Орлеана — солнце и пыль казались ей менее неприятными, нежели общество собственного мужа.

Мари так пропылилась, что по прибытии в гостиницу тут же заказала ванну, и ее доставили прямо к ней в номер. Но едва она с наслаждением погрузилась в воду, как дверь буквально прогнулась под градом яростных ударов.

— Откройте, Мари! Это я!..

Мари и Клементина в растерянности переглянулись.

— Скажи ему, что я не могу его принять! — воскликнула молодая женщина, указывая рукой на дверь. Подойдя к двери, Клементина громко произнесла:

— Мы не можем открыть, сударь! Мадам принимает ванну!

В ответ раздался такой громкий и грубый смех, что обе женщины сразу поняли: стоящий по ту сторону двери человек пьян.

— Что может быть лучше! Я хочу войти — и побыстрее!.. Я муж, черт побери! Открывайте или я высажу дверь!

— Если вы настолько забылись, что осмелитесь выломать дверь, я выпрыгну в окно! — в отчаянии воскликнула Мари.

Привлеченный криками и ударами в дверь, прибежал хозяин гостиницы; только пригрозив буяну выселением, его с трудом удалось урезонить. Шарль действительно выпил больше чем следует, поэтому хозяину пришлось проводить его вниз. Через несколько минут Клементина с чопорным видом явилась сообщить мадам, что мадам чувствует себя дурно, а потому не выйдет к ужину и эту ночь также проведет одна.

Шарль чуть не задохнулся от злости:

— Скажи ей, что как только мы прибудем домой, я не стану больше терпеть! — в ярости проорал он. — С меня хватит парижских кривляний, я ей покажу, кто в доме хозяин!..

Впрочем, остальное путешествие, продолжавшееся еще два дня, прошло без происшествий. Супруги Ла-фарж, насупившись, сидели каждый в своем углу кареты, но по мере приближения к цели Шарль все больше нервничал, и Мари никак не могла понять, почему.

Вечером третьего дня миновали Юзерш.

— Мы почти приехали, — пробормотал Шарль.

— Я очень этому рада, — заявила Мари. — Наше путешествие нельзя было назвать приятным, поэтому я хочу как можно скорее попасть в замок.

И она устремила взор к горизонту в надежде увидеть вдали крышу из голубой черепицы, белые стены, террасу и сад возле дома — словом, поместье, приглянувшееся ей гораздо больше, чем его владелец.

Неожиданно карета свернула на узкую дорогу, спускавшуюся по крутому склону в долину. Дорога вела к запущенному, отвратительного вида серому дому, подле которого высилось почерневшее здание небольшого завода. Стены дома растрескались, черепичная крыша кое-где провалилась, а в окнах, темных от грязи, не хватало стекол. Отсутствующие стекла были весьма неудачно заменены промасленной бумагой. Что же касается сада, то он являл собой пустошь, заросшую густой, сочной сорной травой. Лишь несколько чахлах деревьев свидетельствовали о том, что когда-то там действительно был сад... Долина, окруженная гигантскими черными елями, выглядела зловещей, дом был мрачен, от него даже издали тянуло сыростью, всюду царило небрежение, чтобы не сказать нищета. Мари повернулась к супругу:

— Куда вы меня привезли? Что это за место?

Шарль пожал плечами и отвел глаза — ему явно было не по себе.

— А вы как думаете, что это? Это наш дом, замок Гландье.

— Замок?!

Едва первое изумление прошло, Мари охватила неопишуемая ярость. Ее обманул, одурачил, обвел вокруг пальца продувной деревенщина, крестьянин, сыгравший с ней с чьей-то неведомой помощью отвратительную шутку. Неужели ее дядя и тетя настолько обрадовались предоставившейся возможности сбить ее с рук, что не позаботились даже собрать подробные сведения о женихе? Как бы то ни было, не следовало ей во всем идти у них на поводу...

Но Мари была слишком горда, чтобы выказать свое разочарование, которым, возможно, собирался насладиться этот толстяк.

— Интересно, когда была сделана акварель, присланная вами моей тетушке? — ледяным тоном спросила она. — В период религиозных войн? А может быть, во времена Столетней войны? Разумеется, если только вы не прислали нам рисунок какого-то другого дома.

— Я показал вам Гландье, именно Гландье! — визгливо крикнул Шарль, покраснев до самых ушей.

— Значит, мы с вами говорим о разных домах. Очевидно, где-то здесь есть еще один замок Гландье, более похожий на жилище, чем это сооружение.

— А что вам в нем не нравится? Это прекрасный дом, прочный, просторный... Таких уже больше не строят!

— К счастью, действительно не строят!

Дискуссия грозила затянуться, но карета наконец остановилась перед позеленевшим крыльцом «замка». На пороге стояли три женщины: старая крестьянка, уродливая и грязная; крупная блондинка, больше походившая на корнеплод, чем на существо, привыкшее к свежему воздуху, и длинная девица, такая тощая, что, казалось, вся она состояла исключительно из острых углов и колючек.

Не обратив внимания на поданную супругом руку, Мари вышла из кареты. Словно во сне она слышала, как ее представили старой крестьянке, которая оказалась ее свекровью, а затем крупной блондинке, которую Шарль назвал своей сестрой Аменой Бюфьер. Что же касается колючей девицы, то она оказалась кухней Шарля, и ее звали Эмма Понтье.

Процедура знакомства не затянулась. Но Мари было уже все равно: щемящее чувство обиды и страшного разочарования достигло высшей точки. Она не смела взглянуть на Клементину, которая бурчала себе под нос: «Ну и ладно, ну и ладно!..» — что весьма красноречиво свидетельствовало о ходе ее мыслей.

Между тем Мари с изумлением заметила, что не одна она не в восторге от встречи: в лагере противника ее прибытие также не вызвало энтузиазма. Три женщины внимательнейшим образом изучали ее элегантный парижский наряд, и их двусмысленные улыбки лучше всяких слов говорили об испытываемых ими чувствах. У Мари не осталось никаких иллюзий: вся троица была настроена к ней явно враждебно, а это определенно не сулило ей безоблачную семейную жизнь...

2. А БЫЛ ЛИ МЫШЬЯК?

Несмотря на решение во что бы то ни стало сохранять спокойствие, новоиспеченная мадам Лафарж чуть не взвыла в голос, очутившись в отведенной ей комнате — огромном помещении с голыми стенами, единственным украшением которых являлись пятна плесени от сырости. Мебель была крайне убогой: грубо сколоченная крестьянская кровать, колченогий стол и два стула. Разумеется, никакого ковра, чтобы защитить ноги от холода, который исходил от пола, криво выложенного красной плиткой. В окнах часть стекол отсутствовала, и вместо них была натянута промасленная бумага.

— Это самая красивая комната в доме, — услышала Мари у себя за спиной самодовольный голос свекрови.

Старая мадам Лафарж, очевидно, ожидала благодарности и восхищенных возгласов, но Мари лишь спустя некоторое время убедилась в правдивости ее слов. Между тем это действительно была самая красивая комната. Старуха, к примеру, делила свою спальню с индюками, которых она выращивала, и с козьим сыром, вызревавшим в плетеных лотках.

Молодая женщина не смогла даже солгать во спасение: ей слишком хотелось плакать. После хорошенькой уютной спальни в доме тетушки эта берлога казалась настоящим издевательством. Нет, поистине для одного дня неприятностей было слишком много...

— Я устала, — пробормотала она, постаравшись улыбнуться. — Прошу меня простить, но сегодня вечером я не составлю вам компанию: мне хочется отдохнуть и как следует выспаться. Если можно, принесите мне, пожалуйста, письменный прибор.

— Письменный прибор? Но зачем?

— Я хочу написать тете, баронессе Гара. Она просила меня послать ей письмо, как только я прибуду на место.

Ее золовка Амена и мадам Лафарж переглянулись, явно не понимая, что это за странная блажь. Со двора раздавались крики Шарля: он приказывал распрягать лошадей, отдавал распоряжения. Амена пожала плечами:

— Я дам все необходимое вашей служанке. Пусть она пойдет со мной.

Спустя некоторое время Клементина с видимым отвращением принесла горшочек из-под варенья, наполненный какой-то черной жидкостью, отдаленно напоминающей чернила, и перо.

— Вот ваш письменный прибор, мадам! — насмешливо произнесла она, поставив все это перед хозяйкой. — Неужели вы и впрямь собираетесь провести всю свою жизнь в этом стойле?!

Мари села к столу и взяла перо.

— О нет, я здесь не останусь, — произнесла она сквозь зубы. — Сейчас я напишу мужу.

— Вашему мужу? Но ведь вы можете поговорить с ним.

— Будет лучше, если он обо всем узнает из письма.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, она принялась лихорадочно строчить пером по бумаге, в результате чего на свет явилось бредовое послание, которое впоследствии стало тяжкой уликой против нее. Да и неудивительно: надо было знать страсть этой женщины к выдуманному историческому, чтобы понять истинные причины, побудившие ее написать подобное письмо. Она попыталась с помощью фантазий бороться с постигшим ее жестоким разочарованием.

«Шарль, — писала Мари Лафарж, — я хочу просить вас простить меня. Разница в привычках и в воспитании воздвигла между нами непреодолимую преграду. Я вас не люблю. Я люблю другого, которого, как и вас, зовут Шарль. Он следовал за мной до Юзерша, где сейчас и скрывается. Спасите меня от себя самого, а заодно и от него! Дайте мне двух лошадей. Я хочу доехать до Бордо и сесть там на корабль, который отвезет меня в Смирну. Я оставляю вам свое состояние, но терпеть ваши ласки я не смогу. Если же вы станете меня принуждать, я приму мышьяк. Он у меня есть. И тогда все будет кончено...»

Завершив это безумное письмо, Мари запечатала его и протянула Клементине, приказав отнести его Шарлю. Это было не самое приятное поручение: служанка не сомневалась, что адресат, получив письмо, придет в ярость. Так и произошло. Шарль в гневе устремился в комнату жены, а так как дверь оказалась запертой, он высадил ее плечом. Дверь распахнулась, раздался отчаянный крик, и Лафарж увидел бледную как полотно жену, стоявшую возле открытого окна.

— Если вы посмеете приблизиться ко мне, я брошусь в окно! — воскликнула она. — Лучше смерть, чем близость с вами!

Для влюбленного мужа это было чересчур. У Шарля, толстого и сильного Шарля, сделался нервный припадок — совсем как у юной девушки. Пришлось уложить его, и пока Мари с горем пополам пыталась запереться, мать, сестра и кухня устроили у постели больного совещание.

— Ох уж эта парижанка! — ворчала мадам Лафарж. — Я же говорила, что она принесет нам несчастье! Эта жеманница ненавидит нас, нам нужно подумать, как спасти от нее бедного Шарля.

Естественно, обе женщины поддержали ее, и, устроившись поудобнее, все трое принялись обсуждать, как избежать самого худшего.

Казалось, исправить положение невозможно, однако постепенно мир был восстановлен — благодаря другу семьи, господину де Шаверону, адвокату из Вутезака. Этот старый джентльмен был любезен и прекрасно воспитан. Шарль призвал его на помощь, и адвокат прежде всего примерно отчитал своего юного друга. Как он только мог подумать, что

девушке, привыкшей к комфорту и изяществу, понравится Гландье в нынешнем его состоянии?!

— Черт побери! Вы же не на крестьянке женились, мой мальчик! Племянница члена генерального совета Французского банка имеет право на комфортабельное, уютное жилище. Ваша жена — великосветская дама, она нуждается в иной жизни, нежели та, которую вы привыкли вести здесь.

Урок принес свои плоды, и Шарль, раскаявшись, объявил жене, что она может обустроить Гландье так, как ей будет угодно. Приятно удивленная, Мари, не теряя ни минуты, принялась за дело. Она приказала перекрасить стены, постелить на полы ковры, купила мебель. Постепенно дом стал гораздо более уютным, а Шарль в своей щедрости дошел до того, что подарил жене пианино, а также породистую лошадь, чтобы Мари могла совершать верховые прогулки по окрестностям.

Он сделал жене столько хорошего, что однажды вечером дверь спальни, бывшая все время на запоре, открылась для истомившегося мужа, и тот, войдя, посчитал, что он в раю. С этой минуты между Лафаржем и женой, которую он нежно именовал «моя уточка» или «моя козочка», воцарилась идиллия...

Медовый месяц омрачала только одна ложка дегтя — крысы: потревоженные шумом производимых в доме работ, они теперь каждую ночь устраивали адские пляски. Мари постоянно жаловалась на крыс, а потом решила объявить им войну. Она несколько раз покупала мышьяк, причем в больших количествах, и в этом ей помогал один из друзей Шарля, служивший аптекарем в Юзерше.

Наступил ноябрь, и Шарль неожиданно решил съездить в Париж. Ему показалось, что он открыл новый способ обработки металла, и, поощряемый женой, он захотел получить на него патент. Кроме того, ему нужно было занять немного денег, чтобы проверить свой способ на практике. К сожалению, «солидное состояние» Лафаржей существовало, по сути, только в виде долговых обязательств, а свой собственный кошелек Мари держала на запоре.

22 ноября Шарль в сопровождении двух доверенных лиц отправился в путь. Одним из его спутников был некий Дени Барбье — субъект молчаливый и изворотливый. Мари его не любила. Зато Шарль безгранично доверял ему. Мари верхом сопровождала карету мужа; проехав вместе более полулье, супруги простились, излив друг на друга поток нежностей.

Спустя месяц, 18 декабря, Шарль Лафарж вернулся к себе в гостиницу «Юнивер», что расположена на улице Сент-Антуан, в отличном расположении духа. Все шло как нельзя лучше: он получил желанный патент, а также заем в двадцать тысяч франков. Правда, для этого пришлось пойти на небольшую хитрость, а именно — подделать подпись одного из родственников жены, господина Виолэна, который, таким образом, стал поручителем заемщика.

Обнаружив в ящике для корреспонденции посылку из Гландье, Шарль буквально погрузился в эйфорию: в посылке он обнаружил свой любимый лимузинский пирог. К большому пирогу прилагалось письмо Мари.

«Этот пирог испекла твоя матушка, — писала молодая женщина. — Второй такой же пирог она оставила дома, и мне бы хотелось съесть его в один час с тобой — таким образом мы станем ближе друг к другу...»

Ну разве можно найти более нежную и любящую супругу? Ведь его «уточка» написала ему, что «еще никогда так не любила его»!

Час был выбран очень романтично: полночь. Ровно в полночь Шарль съел солидный кусок пирога. Но то ли тесто было слишком тяжелым, то ли кусок оказался слишком большим, только к утру у несчастного начались колики, его затошнило, а когда боли и рвота прекратились, он почувствовал себя совершенно разбитым.

Однако, невзирая на дурное самочувствие, Шарль Лафарж отправился в обратный путь, и 3 января, с трудом держась на ногах, прибыл в Гландье. Его тотчас уложили в постель.

— Он устал за время дороги, — заявила Мари. — Это пройдет.

Семейный врач, старенький доктор Бардон, поставил диагноз — «несварение желудка» и прописал лекарство с большим количеством соды.

— Не могли бы вы дать мне еще немного мышьяку? — попросила Мари, глядя, как доктор выписывает рецепт.

Бардон так и подскочил:

— Мышьяку?!

— О, разумеется, это не для моего дорогого Шарля! — улыбнувшись, успокоила его мадам Лафарж. — Просто у нас огромное количество крыс. Я никак не могу покончить с ними, а они мешают Шарлю спать.

Мари получила свой мышьяк, и доктор Бардон покинул Гландье, убежденный, что молодая жена Шарля — настоящий ангел, кроткий и преданный. Она неукоснительно давала больному супругу все прописанные ему лекарства и день и ночь ухаживала за ним.

11 января в замок явилась соседка Лафаржей, Анна Брен — старая дева, некогда обучавшаяся живописи. Она была приглашена, чтобы нарисовать портрет Мари, но не успев завершить работу, осталась ночевать у нее в спальне. Проснувшись среди ночи, Анна увидела, что молодая женщина готовит на подогревателе гоголь-моголь. Закончив помешивать напиток, Мари подошла к комоду, достала из него маленький пакетик, всыпала в питье немного белого порошка и вышла. Она не заметила, что Анна Брен наблюдала за ней.

Охваченная подозрениями, Анна встала и, несмотря на поздний час, побежала в спальню престарелой мадам Лафарж. Едва она успела войти туда, как Амена Бюфьер принесла пресловутый гоголь-моголь.

— Шарль ничего не хочет пить! — произнесла она и уже собиралась вылить содержимое чашки в камин, но мать остановила ее.

— Дай-ка мне это! — властно приказала она. — И послушай, о чем мне тут только что сообщила Анна.

Все три женщины наклонились над вязкой жидкостью, на поверхности которой плавало несколько белых комочков. Гоголь-моголь перелили в стакан и поставили в шкаф; Амена успела заметить, что на дне стакана стал образовываться белесый осадок.

Старому доктору Бардону и его коллеге Леспинасу болезнь Шарля до сих пор не казалась подозрительной. Разоблачения Анны Брен также не слишком убедили их, однако на всякий случай они выписали противоядие, и Шарля предупредили, что еду и питье следует брать только из рук матери. Услышав об этом, Мари только пожала плечами и сказала, что белый порошок был всего лишь содой, с помощью которой она хотела облегчить страдания больного.

Настало утро 14 января. Весь прошедший день, когда Мари приближалась к кровати, Шарль отворачивался, и в его потухших глазах ясно читались страх и печаль. Что бы жена ни приносила, он от всего отказывался, однако она по-прежнему продолжала улыбаться.

— Разве больные не похожи на капризных детей? — говорила Мари. Однако когда Шарль жестом подозвал ее, она бросилась к кровати.

Дыхание больного участилось и стало затрудненным. Мари опустилась на колени у его изголовья.

— Чего вы желаете, друг мой?

— Надо... послать за...

Лицо Шарля исказилось, рука, которую он пытался протянуть, упала на простыню. Смерть сделала свое дело.

На следующее утро семья Лафарж подала жалобу на Мари. Сделали анализ содержимого стакана: в нем было обнаружено наличие соды и значительная доза мышьяка! 24 января Мари Капель, вдова Пуш-Лафарж, была арестована и заключена в тюрьму Брив.

Дело Лафарж поделило Францию на «лафаржистов» и «антилафаржистов». Мари Лафарж защищали три адвоката: мэтр Бак, старшина сословия адвокатов города Лиможа,

мэтр Пайе, старшина адвокатской коллегии города Парижа, и молодой талантливый стажер, мэтр Шарль Лашо, который тотчас влюбился в свою клиентку.

Хотя многие считали, что процесс не затянется, дело тем не менее оказалось загадочным и запутанным. Чем дольше работало следствие, тем больше обнаруживалось странных обстоятельств. Так, например, никто не смог найти ту кругленькую сумму, которую Шарль занял в Париже. Тут мэтр Лашо взял дело в свои руки и, убежденный в невинности Мари, стал пылко ее защищать.

— Кто угодно мог отравить Лафаржа! — внушал он своим коллегам. — Стакан, в котором был обнаружен мышьяк, несколько дней простоял в шкафу, и ничего не стоило извлечь его оттуда и подсыпать яд. Наибольшие подозрения у меня вызывает Дени Барбье: именно этот человек как-то раз принес мадам Лафарж по ее просьбе шестьдесят четыре грамма мышьяка для травли крыс... но отраву он передал ей только через сутки, в течение которых крысы свободно разгуливали по дому.

— Мышьяк был найден в комодке мадам Лафарж, — кротко заметил господин Пайе.

— Разумеется! Она никогда не отрицала, чторавила им крыс. Не забывайте, что там также нашли соду.

Пылкие защитительные речи Лашо были весьма убедительны. Однако один факт необычайно усложнил задачу защитников: во время обыска в Гландье у Мари была обнаружена россыпь жемчужин и бриллиантов, вынутых из оправы. Вскоре было установлено, что это те самые драгоценности, которые два года назад были украдены у графини де Леото, подруги детства Мари Капель...

4 сентября 1840 года в суде присяжных города Тюля при стечении огромного количества народа начался процесс по делу вдовы Лафарж. Однако адвокаты Мари, за исключением Лашо, не питали никаких надежд на победу. Даже председатель заявил, что процесс можно заранее считать проигранным: дело о драгоценностях мадам Леото произвело крайне негативное впечатление.

Прения вылились в длительную дискуссию экспертов. По требованию обвинения была произведена эксгумация тела; несмотря на страшную жару, останки несчастного Шарля были подвергнуты экспертизе прямо в соседнем с залом суда помещении. Вонь была невыносимой. Однако четыре врача, проводившие вскрытие тела, разошлись во мнениях. Тогда из Парижа пригласили знаменитого Орфила, который повторил экспертизу... и пришел к заключению, что в организме присутствует мышьяк.

Однако Шарль Лашо не желал сдаваться. Он помчался в Париж за знаменитым химиком Франсуа Рас-паем, признанным оппонентом Орфила, но опоздал. Когда адвокат вместе с ученым-химиком, не останавливаясь на подставах, примчались в Тюль, они узнали, что приговор уже оглашен два часа назад: Мари Лафарж была приговорена к пожизненным каторжным работам.

— Мышьяк? — горько произнес Распай. — Уверен, что при желании его можно найти даже в кресле председателя суда!

Так или иначе, приговор был вынесен. 11 ноября Мари препроводили в тюрьму города Монпелье, где ей предстояло искупать свое преступление...

Страна, взбудораженная делом Лафарж, постепенно стала о нем забывать. И только Шарль Лашо, ставший со временем крупным адвокатом парижского суда присяжных, помнил об узнице. Он делал все, чтобы добиться пересмотра дела, но старания его увенчались успехом, только когда президентом республики стал Луи-Наполеон Бонапарт. Десять лет назад принц числился в стане «лафаржистов», и Лашо без труда добился у него помилования для Мари.

Радостный, помчался он в Монпелье, чтобы сообщить об этом узнице. К нему из камеры вышла женщина с совершенно седыми волосами, преждевременно постаревшая, больная туберкулезом. Лашо отвез ее в Арьеж на воды, где она и поселилась, уже не надеясь на выздоровление. Верная Клементина, разделявшая во время суда заточение своей хозяйки, вновь вернулась к ней. А 7 сентября 1852 года владелица замка Гландье,

давно уже принадлежавшая к миру теней, скончалась на руках двух своих преданных друзей.

ГОСПОДА БУРЖУА. БЕЗУМСТВА ДВУХ ТУЛУЗСКИХ НОТАБЛЕЙ

1. О РАЗУМНОМ СОГЛАСИИ В ДЕЛАХ ЛЮБВИ

Однажды осенним вечером 1607 года Франсуа де Гэро, судья Президиального суда города Тулузы, покинул Дворец правосудия позже обычного. Погода была теплая. Стояли те последние благодатные ноябрьские деньки, когда природа, смирившись с увяданием, все еще дарит нам свои поблекшие, однако по-прежнему волшебные краски, преобразующие все вокруг. И мы инстинктивно испытываем потребность освободить немного времени, чтобы просто пожить для себя.

Честно говоря, судья любил пожить для себя и делал это с большим вкусом. Чтобы убедиться в этом, достаточно было лишь взглянуть на него: высокого роста, краснолицый, с седыми волосами и довольной физиономией, он обладал округлым брюшком, которое красноречиво свидетельствовало о пристрастии его владельца к хорошему столу.

Покинув свой кабинет, судья, помахивая тросточкой, неторопливо направился к мосту Комменж, пересек его и углубился в удаленный от центра города квартал Сен-Сиприан, который отнюдь не являлся подходящим местом для прогулок. Этот квартал пользовался дурной славой, и высокопоставленному чиновнику появляться здесь было небезопасно — тем более поздним вечером.

Однако, судя по виду Франсуа де Гэро, сомнительная репутация этих мест ничуть его не смущала. Он уверенно шагал по темной улочке, вдоль которой тянулись сплошные развалюхи, и даже что-то напевал себе под нос. Впрочем, в глубине улочки можно было заметить небольшой, но опрятный двухэтажный дом, украшенный изящными балкончиками; именно в этот дом и направлялся судья. Но едва он взялся за дверной молоток, как дверь отворилась, и из нее вышел маленький худой человечек, весь в черном; не успев отскочить, судья так и остался стоять, сжимая в руке молоток.

Столкнувшись буквально нос к носу, мужчины уставились друг на друга, и вдруг ошеломленный судья понял, что уже не раз видел этого человечка в черном. Более того, это был его давний приятель, занимавший не менее почтенную должность, нежели его собственная. Приятеля звали Пьер Бюрде, он возглавлял кафедру в Тулузском университете и носил звание доктора теологии. Бюрде слыл столь же добропорядочным человеком, как и Гэро, тем удивительнее было встретить его в подобном месте.

Встреча, похоже, не доставила радости ни тому, ни другому; однако судья, будучи из них двоих более темпераментным, первым пошел в атаку.

— Что я вижу! — воскликнул он. — Вы выходите из дома девицы дю Шато?

— Что вижу я! — парировал собеседник. — Вы направляетесь в этот дом?

Гэро с силой хлопнул себя по шляпе, словно желая убедиться, что она прочно сидит у него на голове.

— Если я туда вхожу, значит, я имею на это право! Довожу до вашего сведения, что девица Виоланта почтила меня своей благосклонностью, и я имею обыкновение два раза в неделю ужинать у нее. Сегодня мой вечер, поэтому я и пришел сюда.

Исполненным благородства жестом Бюрде запахнул плащ; увы, величия это движение ему не прибавило: достигнув почтенного возраста, доктор был тощ, сед и обладал землистым цветом лица, отчего вряд ли мог рассчитывать на бешеный успех у женщин.

— Довожу до вашего сведения, — ответил он, подражая голосу приятеля, — что это я пользуюсь благосклонностью девицы Виоланты и ужинаю у нее два раза в неделю. А если сегодня я пришел сюда без предупреждения, то исключительно для того, чтобы доставить ей удовольствие и вручить одну из тех очаровательных безделушек, которые сегодня приобрел специально для нее.

Воцарилась продолжительная тишина, за время которой нотабли успели успокоиться. Возраст обоих уже не позволял устраивать потасовку из-за прекрасных глаз красотки. Более того, оба были достаточно умны, чтобы сообразить, что эта юная и хорошенькая девица дарит им свое расположение отнюдь не из-за их внешности, и если бы не солидное состояние, они бы не имели никакого шанса ей понравиться.

Гэро вновь первым нарушил молчание:

— Да простит меня господь, друг мой, но я чуть не ударил вас, и теперь мне стыдно за подобный порыв. Нас явно провели, но если говорить начистоту, то люди, подобные нам, заслуживают такого отношения. У каждого из нас есть жена и дети, а мы волочимся за красоткой, которой годимся в дедушки!

Радуюсь тому, что дело явно кончится миром, Бюрде хлопнул приятеля по плечу:

— Клянусь, вы правы! Не будем ссориться из-за девчонки, она этого не заслуживает. Надеюсь, вы сохраните нашу встречу в секрете?

— Еще бы! И, полагаю, вы тоже?

— Само собой разумеется. Кстати, не вижу смысла что-либо менять в распорядке, установленном для нас нашей очаровательной подружкой. Признаюсь вам, я имею слабость дорожить своими ужинами в этом доме.

— А я — своими...

— В таком случае, раз вас ждут, идите себе на свидание, друг мой. И простите мне, что сегодня вечером я изменил своим привычкам.

Судья заключил приятеля в объятия.

— Честное слово, дорогой Бюрде, иметь такого соперника, как вы, одно удовольствие! Теперь, когда каждый из нас посвятил другого в свою маленькую тайну, все становится гораздо проще.

На самом деле красавица, о которой шла речь, стоила того, чтобы ради нее пойти на некоторые неудобства. Лет восемнадцати от роду, она была высока ростом, великолепно сложена, с золотистой кожей и пламенным взглядом черных глаз, которыми она была обязана своему португальскому происхождению; черные и блестящие волосы были настоящим ее украшением.

Доподлинно известно было только то, что родилась она в Португалии и звали ее Виоланта. Однако откуда взялась вторая часть ее имени — дю Шато, — которую она произносила с особой гордостью, не знал никто. По одним слухам, она была вдовой знатного испанца, который плохо кончил, по другим — дочерью богатых родителей, изгнанной отцом из родного дома из-за какой-то темной истории.

Как бы там ни было, сейчас красавица Виоланта жила за счет своих прелестей, то есть была всего лишь куртизанкой — разумеется, начинающей, но уже подающей большие надежды. Ей хватило одного взгляда, чтобы вскружить голову спешившему по улице Тулузы солиднейшему Пьеру Бюрде, и одной улыбки, чтобы вышедший на прогулку Франсуа де Гэро забыл и о своей респектабельности, и о многолетней супружеской верности. С тех пор оба нотабля начали вкушать такие плотские радости, о возможности которых они даже не подозревали, прожив всю жизнь подле своих почтенных, но суровых супружеских половин.

После знаменитой встречи перед дверью некоторое время все шло своим чередом и ко всеобщему удовольствию. Так, очевидно, могло бы продолжаться бесконечно долго, если бы вскоре оба приятеля, связанные теперь дружбой, можно сказать, «на жизнь и на смерть», к удивлению своему, не заметили, что не только они возложили на себя обязанность обеспечивать счастье девицы Виоланты. Однако, если они оба прежде всего заботились о хлебе насущном для знойной красавицы, то третий, судя по всему, угождал ее чувствам: это был очень красивый малый по имени Антуан Кальдела — студент мэтра Бюрде.

Проведав про тайный роман Виоланты, оба почтенных мэтра изрядно огорчились. Однако жизненный опыт подсказал им, что принять наилучшее решение можно только

после всестороннего его обдумывания. Чтобы хорошенько все обсудить, они решили встретиться спустя несколько дней после праздника Богоявления и, воспользовавшись отсутствием мадам Гэро, поужинать в доме судьи, расположенном на улице Филатье. За ужином они вначале мирно беседовали о посторонних вещах. Когда же настало время десерта и слуги, поставив на стол ликеры, удалились, Бюрде, перегнувшись через стол, обратился к своему приятелю:

— А теперь поговорим о деле. Какие у вас предложения, друг мой? Я, признаюсь честно, пребываю в совершеннейшей растерянности.

Судья, потихоньку смаковавший сладкий ликер, поставил бокал на стол:

— Кажется, я нашел решение. Конечно, наличие этого хлыща не может нам нравиться, но попробуем быть выше подобных мелочей... и поведем себя как истинные друзья нашей прелестницы!

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного. Мы с вами уже не молоды, и как только мы отойдем в мир иной, наша красавица останется без средств к существованию. Хуже того, она тотчас станет жертвой клеветы и интриг и непременно окажется в лапах у какого-нибудь прощелыги, который будет использовать к своей выгоде ее красоту и мягкость характера. Если мы хотим обеспечить будущее Виоланты и оградить ее от проходимцев, подобных этому студенту, мы должны прибегнуть к лекарству, именуемому браком. Надо выдать ее замуж!

— Выдать замуж?! И вы считаете такое решение правильным?

— Поверьте мне, лучшего нам не придумать. Будучи замужем, Виоланта больше не сможет принимать прохвостов вроде вашего студента. Она станет почтенной женщиной и будет обязана соблюдать приличия...

— Вы меня удивляете, мой друг. Разумеется, она не сможет больше принимать студентов. Но ведь также она не сможет... принимать и нас!

Гэро снисходительно улыбнулся и наполнил бокал гостя ликером.

— Какое заблуждение! Подумайте сами: выйдя замуж, Виоланта будет на всю жизнь обеспечена, ибо мы, разумеется, дадим ей приданое. А поскольку мужа также выберем мы, это будет человек, достойный нашего доверия, и мы сможем обговорить с ним все условия этого брака. Она будет принимать только нас! Кроме всего прочего, в лице ее мужа мы получим самого надежного сторожа. Ну, что вы на это скажете?

Пока он говорил, хмурое лицо профессора теологии постепенно прояснилось. Когда же судья умолк, Бюрде, откинувшись на спинку кресла, поднял бокал за здоровье друга:

— Да здравствуют наши судьи — богатство их воображения не поддается описанию! Друг мой, мне кажется, вы нашли превосходное решение!

— Рад, что вы со мной согласны. Скажу больше: сейчас, когда мы наносим визиты этой очаровательной девице сомнительной добродетели, наша собственная репутация может пострадать в любую минуту. А в том, чтобы зайти в гости к замужней даме, нет ничего зазорного. Таким образом, выдав ее замуж, мы одним выстрелом убьем двух зайцев.

— Остается только узнать, что об этом думает наша красавица...

Красавица оказалась чрезвычайно покладистой, поскольку, узнав, что ее роман со студентом больше не является тайной, поначалу забеспокоилась, как бы почтенные мэтры не лишили ее своей поддержки.

— Более всего мне хочется доставить вам удовольствие, — заявила она двум своим престарелым возлюбленным. — Но все же позвольте мне высказать одно небольшое пожелание: мне хотелось бы, чтобы мой будущий муж не слишком опекал меня и не препятствовал моим капризам.

— Милое дитя, разумеется, мы сделаем все возможное, чтобы выбрать человека, подходящего вам во всех смыслах, — заверил ее судья. — Вы же знаете, что прежде всего мы печемся о вашем счастье.

Виоланту его слова убедили. Она вообще была слабохарактерной и не слишком умной, любила только себя и, услышав, что ей готовы обеспечить безбедную жизнь со множеством платьев и дорогих безделушек, тут же поверила всем обещаниям.

Довольные столь успешным началом исполнения задуманного плана, приятели пустились на поиски подходящего мужа.

Среди знакомых красавицы-португалки была довольно любопытная супружеская пара: Франсуа Эсбальди с женой. Он был секретарем суда, а посему поддерживал тесные отношения с судьей Гэро, настолько тесные, что именно он был единственным доверенным лицом, кому судья рассказал о своей тайной связи с Виолантой. Между тем жена Эсбальди была наперсницей Виоланты и нередко давала красавице дельные советы, в благодарность за которые беспечная и щедрая девица часто делала своей поверенной небольшие подарки.

Чтобы завершить картину взаимоотношений этой супружеской четы с Виолантой, следует сказать, что Франсуа Эсбальди также пользовался милостями прекрасной португалки, то есть, проще говоря, был ее любовником.

Вот этого человека судья и посвятил в свои планы. Надо сказать, что секретарь суда обладал поистине феноменальной памятью: он помнил всех, с кем ему довелось встречаться на протяжении его жизни, а особенно хорошо тех, кто когда-либо был вовлечен в орбиту деятельности тулузского суда.

Быстренько перебрав в уме всех известных ему мужчин, он вспомнил о некоем адвокате, который несколько лет назад стал вдовцом и влачил довольно жалкое существование в городке Жимон, что расположен в округе Жер. Адвокат этот страстно любил деньги — подобная любовь обычно свойственна людям, которым этих денег никогда не хватает. Правда, он был хром, безобразен, лишен всякого обаяния и не блистал ни на любовном поприще, ни на судебном, но заговорщиков это ничуть не смутило. За адвокатом, которого звали Пьер Сен-Ромэн, тут же послали, и когда он прибыл, Эсбальди без промедления втолкнул его в богато обставленный кабинет судьи.

Прекрасно зная, что мухи липнут на мед, а не на уксус, Гэро обратился к Сен-Ромэну со следующей речью:

— Человек, обладающий вашими талантами и достоинствами, не должен прозябать в провинции. Мне рассказывали о вас много лестного; люди, подобные вам, в наше время редкость. Почему бы вам не перебраться в Тулузу?

— Потому что у меня нет для этого средств, — мрачно ответил Сен-Ромэн.

— Мы могли бы найти для вас эти средства...

И пока будущий жених пытался сообразить, отчего вдруг его персону вызвала такой живой интерес, судья рассказал ему печальную историю своей «воспитанницы», молодой и красивой особы, довольно состоятельной, у которой давно умерли родители. Гэро опасался, что если и с ним что-нибудь случится, девушка останется одна-одинешенька, без всякой поддержки.

Рассказанная история повергла Сен-Ромэна в состояние задумчивости. Если девушка так хороша и вдобавок обладает недурным состоянием, то какого черта ей надо выходить замуж непременно за него? Почему она не может подыскать себе более подходящую партию? Поскольку адвокат был далеко не глуп, он попросил показать ему красавицу.

Встреча состоялась в доме Эсбальди. Сен-Ромэн был ослеплен красотой представленной ему юной девицы, которую прочили ему в жены, и все меньше понимал, в чем состоит истинная подоплека этого дела. Однако очень скоро ему открыли глаза на подлинное положение вещей: нетерпеливый Бюрде не выдержал и довольно неловко расставил все точки над «i».

Сен-Ромэн был ошарашен подобным предложением, однако ничуть не возмущился отводимой ему ролью. Впрочем, решив принять сей подарок судьбы, он тем не менее заставил себя упрашивать.

— Мне совестно претендовать на руку столь очаровательной и прекрасно обеспеченной девушки, — заявил адвокат. — Разве я смогу ей понравиться?

— Уверяю вас, вы произвели на нее самое благоприятное впечатление, — успокоил его судья.

Конечно, он несколько преувеличивал. Сама Виоланта выразилась кратко и с достоинством:

— Он урод, но занимает приличное положение. К тому же он мне нужен для вполне определенных целей...

Сделка состоялась, и 1 мая странная парочка в присутствии нескольких друзей сочеталась браком в церкви Сен-Сернен. Церемония была скромной, но тем не менее повергла обоих престарелых любовников Виоланты в сильнейшее волнение. Судья был так растроган, что когда настало время поздравлять новобрачных, он, пустив слезу, сказал новоиспеченному супругу:

— Друг мой, сделайте ее счастливой!

— Можете на меня положиться, — твердо и уверенно ответил адвокат; впрочем, судья не придавал тогда его словам никакого значения...

Когда церемония завершилась, супруги сели в экипаж и укатили в Жимон, где им предстояло провести несколько дней — за это время в Тулузе для них должны были подготовить приличное жилье. Со слезами на глазах Бюрде и Гэро смотрели на дорогу, где в клубах пыли исчезала карета, увозящая их ненаглядную красавицу.

2. ОБ УБИЙЦАХ-НЕУДАЧНИКАХ И О ПОСЛЕДСТВИЯХ ОДНОГО УБИЙСТВА

Отъезд прелестницы Виоланты вместе с супругом чрезвычайно опечалил Франсуа де Гэро и Пьера Бюрде. Как только наступал урочный вечер — для каждого почтенного мэтра свой, — обоим становилось ужасно тоскливо. Они привыкли к красавице-португалке, и без нее в жизни их образовалась ничем не заполнимая пустота. До отъезда Виоланты они даже не подозревали, что успели так к ней привязаться, и теперь, сделав сие открытие, оба чувствовали себя брошенными.

Пытаясь обрести утешение во взаимном общении, они часто встречались и убеждали друг друга, что отсутствие мадам Сен-Ромэн не будет долгим — она скоро вернется, и для них начнется новая жизнь, полная неизведанных доселе наслаждений...

Однако прошло две недели, затем три... затем целый месяц, но из Жимона не было никаких известий, и ничто не говорило о том, что парочка собирается возвращаться.

Постепенно беспокойство охватило не только судью и доктора теологии, но даже секретаря суда Эсбальди, который стал задаваться вопросом, не оказался ли Сен-Ромэн хитрее их всех. Что, если он вовсе не такой простака и любит не только деньги? Чем дальше, тем труднее становилось Эсбальди отвечать на упреки обоих почтенных старцев.

— А может быть, нам следует послать кого-нибудь в Жимон, чтобы разузнать, что случилось? — дерзнул предложить как-то вечером Пьер Бюрде. — Этот Сен-Ромэн явно зарвался! Он должен был вернуться уже две недели назад. Что могло произойти?

— Он мог заболеть, — предположил Эсбальди. — У него, кажется, не слишком крепкое здоровье. Столь неожиданный брак вообще мог вызвать у него удар...

— О чем вы говорите! — воскликнул Бюрде. — Он же, черт бы его побрал, умеет писать! Если, конечно, он не умер...

— А если бы он, паче чаяния, действительно умер, Виоланта непременно сообщила бы нам об этом, — добавил Гэро.

Все трое пытались успокоить друг друга, тем не менее волнение их постепенно переросло в панику. Наконец в середине июня к Гэро явился какой-то крестьянин и, попросив у судьи разрешения переговорить с ним с глазу на глаз, передал ему письмо от Виоланты. Обрадованный судья вручил посланцу прекрасной португалки несколько

золотых и, дрожа от нетерпения, распечатал письмо... Однако содержание его оказалось совсем неутешительным.

«Я стала несчастнейшей из женщин, — писала молодая супруга. — Мужа, которого вы мне нашли, я не люблю вовсе, он же, напротив, страстно в меня влюблен и преисполнен жгучей ревности. Он держит меня взаперти, следит за каждым моим шагом и осыпает незаслуженными упреками. Уже несколько раз он осмелился поднять на меня руку! Если он увидит, что я разговариваю с незнакомым мужчиной, он наверняка просто убьет меня...

Кто бы мог подумать, что наша невинная затея приведет к таким печальным последствиям?! На деньги из моего приданого муж начал ремонтировать свой дом, находящийся в весьма плачевном состоянии. Дом этот стал моей тюрьмой. Мне остается только рыдать и постепенно угасать... Умоляю вас, во имя дружбы, которой вы всегда меня дарили, помогите мне! Найдите способ избавить меня от этого палача...»

Прочитав горестное письмо, почтенные старцы разъярились. Они поняли, что жалкий адвокатишка их одурачил: он не только прикарманил их денежки, но и намеревался единолично наслаждаться ослепительной красотой своей супруги, которую престарелые влюбленные столь неосмотрительно ему вручили.

— Нет, мы не можем этого стерпеть! — воскликнул Бюрде. — Он самым бесчестным образом злоупотребил нашим доверием. Нам надо что-то делать, и притом немедленно.

— Но что? — мрачно спросил Гэро. — Сен-Ро-мэн — супруг Виоланты перед богом и людьми. И он, друг мой, имеет на нее все права. Да, именно все, включая право запираť жену на ключ и бить ее, если ему так будет угодно! Она находится в полной его власти, и мы ничего не можем сделать для нее... Я просто в бешенстве, но боюсь, что положение безвыходное.

Дни шли за днями, друзья старались не вспоминать о своем поражении, но это оказалось совершенно невозможным. Воображение рисовало им столь ужасающие картины, что каждый думал только о том, как бы вырвать Виоланту из лап ее отвратительного супруга.

Тем временем пришло еще одно письмо, гораздо короче предыдущего. Вот что в нем говорилось:

«Силы мои на исходе. Умоляю вас, сделайте что-нибудь и избавьте меня от мужа, иначе он замучит меня до смерти!..»

После такого письма Гэро и Бюрде окончательно потеряли голову. Решение, как всегда, нашел судья, обладавший более буйным темпераментом.

— Единственный способ выбраться из подстроенной нам ловушки и спасти Виоланту — это сделать ее вдовой! — уверенно заявил он.

Его слова повергли значительно менее воинственного Бюрде в ужас.

— Неужели вы намереваетесь его убить?! Вы же судья, почтенный человек! — испуганно воскликнул он.

Гэро пожал плечами — бывали минуты, когда тугодум-теолог начинал его раздражать.

— Кто вам сказал, что я сам собираюсь его убить? Слава богу, в этом городе полно всякой шантрапы, готовой на все ради нескольких золотых. Надо только поискать.

— И вы сами займетесь этими поисками? — язвительно спросил Бюрде.

— Нет, ими займется Эсбальди. Ведь это он подсунил нам негодяя Сен-Романа! Значит, он и должен избавить нас от него.

Бюрде признал справедливость слов друга, и приятели, призвав секретаря суда и показав ему письма Виоланты, объяснили, какой они ждут от него услуги.

Предложение найти наемного убийцу, похоже, ничуть не смутило секретаря суда города Тулузы.

— Если вы оплатите расходы, я все сделаю, — лаконично ответил он. — Надо только хорошенько все продумать: убийство должно быть похоже на несчастный случай.

Вместо ответа Гэро подошел к сундуку, достал из него мешочек с приятно округлыми боками и протянул его Эсбальди:

— Вот! Этого должно хватить. Однако заклинаю вас, поторопитесь! Негодяй способен убить ее в припадке ярости.

— Убить ее? Да нет, ерунда! Насколько я понял, он ее любит, значит, Виоланта ничем не рискует. Не стоит торопить события. Через несколько дней мы спокойно вызовем его сюда — одного, чтобы не возбуждать подозрений. Возможно, перед отъездом он запрет жену на ключ, но это уже не будет иметь никакого значения, потому что назад он не вернется. Разумеется, Сен-Ромэн с удовольствием приедет, чтобы полюбоваться на одураченных им простофилю. Главное — не упоминайте при нем имени его жены. Лучше всего сделать вид, что вы уже и думать забыли об этом деле и теперь всецело заняты новой любовной интрижкой. А после того, как Сен-Ромэн простится с жизнью, вам останется только сообщить безутешной вдове печальное известие о кончине ее супруга... и утешить ее!

От циничной речи секретаря суда судья даже покраснел. Он вдруг понял, что ради красивых глаз какой-то шлюшки он ввязывается в грязное дело, отмыться от которого ему не удастся всю свою жизнь. Однако мысль о том, что он больше никогда не увидит этой шлюшки, была для него непереносима... Отбросив остатки щепетильности, Гэро предоставил Эсбальди карт-бланш.

Надо сказать, план у Эсбальди созрел уже давно; не теряя времени, он отправился в кабачок, расположенный возле университета. В этом кабачке почти всегда можно было застать Антуана Кандолу — того самого студента, который, став сердечным другом Виоланты, так разгневал двух почтенных магистратов, что они отважились провернуть уже известную нам брачную авантюру. Случилось так, что Кандола был одним из ближайших друзей Эсбальди.

— Хочешь нам помочь? — спросил секретарь суда. — Есть шанс заработать много золотых. Молодой человек не колебался:

— Могу обойтись и без золота! Я сам никак не могу смириться с потерей Виоланты. Знаешь, мне даже кажется, что я по-настоящему любил ее. Во всяком случае, я готов на все, чтобы вырвать ее из когтей чудовища, которому эти два старых дурака отдали ее в жены.

— Вот и отлично! Значит, нас уже двое. Однако, чтобы дело не сорвалось, нам нужны люди, знающие в этом толк. Ты случайно не помнишь некоего молодчика по прозвищу Железная Рука, который любил ошиваться в кабачке толстухи Марго? Он передо мной в долгу: когда-то давно я спас его от виселицы. Но с тех пор я потерял его из виду и теперь не знаю, где он находится и чем занимается...

— Зато я знаю! Железная Рука стал солидным человеком и содержит трактир под названием «Черная обезьяна». Сегодня же вечером я туда отправлюсь...

Заговорщицам сопутствовала удача. Вышеуказанный молодчик незадолго перед тем крупно поиздержался и не смог устоять при виде золота. Он тут же пообещал набрать шайку головорезов, которые обеспечат успех задуманного предприятия. Оставалось только вызвать Сен-Ромэна в Тулузу.

Эту задачу взял на себя судья Гэро. Он написал своему врагу письмо, в котором просил его приехать, чтобы заняться делом о наследстве: речь шла о весьма крупной сумме. Послание было составлено по всем правилам дипломатического искусства. «Мадам де Сен-Ромэн» упоминалась всего лишь раз: судья, как положено человеку вежливому, свидетельствовал ей свое почтение, что было вполне естественно и явно не могло разгневать ревнивца.

Упомянутый в качестве приманки крупный куш сделал свое дело. Как и предвидел Эсбальди, Сен-Ромэн запер жену на ключ и, пригрозив ей всяческими карами, которые обрушатся на ее голову, если она посмеет хотя бы нос на улицу высунуть, отправился в Тулузу, куда и прибыл 8 июля.

Гэро принял адвоката как нельзя лучше. Пользуясь тем, что семья его в это время проживала в загородном доме, он решил устроить дружескую пирушку, куда и пригласил Сен-Ромэна — при этом судья прозрачно намекнул, что не обойдется без присутствия прекрасного пола. На самом же деле к судье были званы только Бюрде, Эсбальди и Кандола, однако Бюрде в последний момент явиться отказался, сославшись на недомогание. Честно говоря, он просто умирал от страха.

Впрочем, его отсутствие ни на что не влияло. Главной задачей пирующих было напоить Сен-Ромэна до потери сознания, а затем завести его на окраину города, где его будет поджидать Железная Рука со своими людьми. Местом преступления была выбрана глухая улица, ведущая к стене монастыря Кающихся.

Заговорщикам без труда удалось усыпить бдительность адвоката. Как все скряги, он в гостях всегда ел охотно и много, так что в полной мере воздал должное изысканному ужину. Пил он тоже без всякой меры, а именно это и нужно было его сотрапезникам. Когда пробило одиннадцать, изрядно захмелевший гость не нашел ничего странного в предложении хозяев немного пройтись и подышать воздухом: в комнатах было душно.

Эсбальди, Кандола и Гэро, весело болтая, вышли вместе с адвокатом. Язык у него заплетался, ноги едва слушались; он был слишком пьян, чтобы обращать внимание на дорогу, по которой они шли.

Когда перед ними выросла темная громада монастыря Кающихся, Кандола стал насвистывать условленный мотив. Тотчас из-под монастырского портика, словно из черной дыры, выскочили головорезы во главе со своим предводителем и набросились на гуляющих. Трое заговорщиков мгновенно бросились наутек, в то время как несчастный Сен-Ромэн, не издав ни единого стона и даже толком не поняв, что происходит, пал под кинжалами убийц. Бандиты действовали наверняка — они нанесли Сен-Ромэну семнадцать ударов, а затем разбежались в разные стороны.

Тем временем Гэро и его сообщники вернулись в город и поздравили друг друга с удачным завершением предприятия.

— На этот раз мы можем быть спокойны, — произнес судья. — Через несколько дней мы все вместе отправимся к Виоланте, известим ее о том, что она вдова, и привезем ее сюда...

Однако судьба распорядилась иначе. Убегая с места преступления, Железная Рука имел несчастье угодить прямо в руки солдат городской стражи, которые, заметив на его одежде кровь, принялись его допрашивать. А так как ответы их не устроили, они задержали его и отправили в тюрьму. Когда же утром было обнаружено тело Сен-Ромэна, стражники решили, что именно он и является убийцей.

В тюрьме Шато-Бурбоннэ, куда препроводили преступника, было немало подземных камер, а тюремные палачи отлично знали свое дело. К тому же следователь, которому поручено было вести это дело, сентиментальностью не отличался и приказал подвергнуть молодчика таким изощренным пыткам, что тот, дабы положить конец своим мучениям, тут же выдал Эсбальди и Кандолу: других заговорщиков он просто не знал. Тех, на кого он указал, тотчас арестовали.

Попав на дыбу, они проявили не больше стойкости, чем их предшественник, но — один бог знает, почему — выдали одного Бюрде. Впрочем, этого имени вполне хватило, чтобы повергнуть в замешательство всех судейских. Дело стало приобретать такие масштабы, что судья де Сегла счел нужным доложить о нем Николя Вердену — председателю суда. Ведь теперь уже речь шла не о шайке презренных бандитов, не о безвестном секретаре и не о недоучившемся студенте. Однако председатель Верден положил конец сомнениям судьи:

— Друг мой, арестуйте Бюрде! Надо выяснить все до конца, сколь бы неприглядным ни казалось это дело. И если потребуется, не раздумывайте и прибегайте к пыткам.

От одного лишь вида палача несчастный Бюрде так перепугался, что тотчас выдал своего задушевного друга Франсуа де Гэро. Более того — окончательно потеряв

самообладание, дошел до того, что выложил всю историю их связи с Виолантой! В результате 18 августа был арестован судья де Гэро, а 21 августа настал черед Виоланты.

Бедная женщина, не зная, что произошло, все отрицала: как могла она, находясь в Жимоне, быть повинной в смерти своего супруга? Однако никто ей не верил, когда ее тоже подвергли пытке, она сказала все, что хотели от нее услышать...

Приговор не заставил себя ждать: всех причастных к убийству Сен-Ромэна приговорили к смерти.

15 февраля следующего года — следствие затянулось по причине высокого положения обвиняемых — Пьер Бюрде с покаянными рыданиями взобрался на эшафот, сооруженный на площади Сен-Жорж. Когда же на следующий день настала очередь Франсуа де Гэро, судья молча подставил шею под топор палача. К чему каяться? Он сам начал игру, но проиграл — теперь ему оставалось только показать своим сообщникам, как надо умирать...

Кандола и Эсбальди тоже умерли мужественно. Когда же на площадь вывели Виоланту, толпа зарыдала от жалости и возропала: девица была так молода и так красива!.. Увы, правосудие не знает жалости.

Перед смертью Виоланта дю Шато обратилась к стоящим в толпе женщинам, призывая их никогда не обманывать своих мужей. Затем, опустившись на колени на залитый кровью эшафот, она подставила шею палачу...

ТРОСТЬ АРМАТОРА

1. ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА

Когда туманным осенним вечером 1626 года руанский арматор Огюстен Мьери вернулся домой, всем показалось, что он сразу постарел лет на десять. Этот пятидесятилетний плотный мужчина с круглым и добродушным лицом больше привык улыбаться, чем хмуриться; однако когда в тот вечер он добрался до своего дома, расположенного на улице Алаж, он походил на древнего старца. Лицо его посерело и стало почти одного цвета с волосами.

Необычный вид арматора поразил слугу, открывшего ему дверь, но хозяин, не сказав ни слова, сразу удалился в свой рабочий кабинет. Вскоре туда же скользнула очаровательная молоденькая женщина с белокурыми волосами.

— Ради всего святого, скажите, друг мой, что случилось? — воскликнула юная красавица. — Вы заболели?

Огюстен Мьери, уронив голову на руки, сидел за рабочим столом, заваленным картами и реестрами. Услышав обращенный к нему вопрос, он поднял свое бледное, заострившееся лицо со следами недавних слез и рассеянным взором окинул жену.

— Боже милосердный! — воскликнула молодая женщина, заламывая руки. — У вас такой вид, будто вы столкнулись с призраком!

Мьери издал сухой смешок, более горестный, чем самое отчаянное рыдание.

— Именно его я и видел, Элен. Призрак грозящей нам нищеты! У нас больше ничего нет, мы разорены, полностью разорены!

— Разорены? Но почему? Ведь «Сен-Маклу»...

— «Сен-Маклу» с грузом сахара и рома налетел на скалистый остров Олдерни во время той грозы, что разразилась несколько дней назад. Погибло и судно, и груз.

Не в силах более сдерживать свое горе, Огюстен вновь уронил голову на заваленный бумагами стол и разрыдался, как дитя.

Элен Мьери молча смотрела на него. Если эта новость и сразила ее, то она не подала виду. Только ее тонкие руки, изящные и ухоженные, на миг сжали золотой пояс, который охватывал осиную талию и красиво сбегал на голубой бархат нарядного платья.

Элен Мьери была необычайно хороша собой. Ей было всего восемнадцать лет, и многие в Руане удивлялись такому неравному союзу. Брак этот и в самом деле был, что называется, браком по расчету — во всяком случае, для девушки. Еще год назад Элен вместе с родителями жила в ужасной нищете на одной из портовых улочек Руана. Однако красота ее и блестящие белокурые волосы быстро привлекли к ней внимание ценителей, и она наверняка пополнила бы собой рать портовых проституток, если бы не Мьери. Он влюбился в нее с первого взгляда и попросил ее руки раньше, чем она ступила на скользкую дорожку.

Для родителей семнадцатилетней девушки предложение арматора было поистине подарком судьбы, и пятидесятилетний богатый претендент тотчас получил их благословение. Справедливости ради следует сказать, что во внешности жениха не было ничего отталкивающего, репутация его была блестящей, а щедрость не имела границ.

Примечательно, что до того печального осеннего дня Элен ни разу не пожалела о том, что стала мадам Мьери. Страстно влюбленный в свою юную белокурую жену, Огюстен окружил ее роскошью. Большой дом на улице Алаж был полностью перестроен, чтобы Элен было в нем удобно; у нее было множество платьев и драгоценностей. Если в жалком домишке родителей ей, по сути, приходилось выполнять роль служанки, то здесь в ее распоряжении было несколько служанок и лакеев. Когда она шла в церковь, ее сопровождала горничная, которая несла подушечку и молитвенник; с ней здоровались самые зажиточные граждане Руана — этого крупнейшего города Нормандии.

Элен была от всей души благодарна мужу за все те прежде неведомые ей радости, которыми этот состоятельный и щедрый человек ее одаривал. Она изо всех сил старалась выказать ему признательность, и вряд ли можно было найти супругу более нежную, более покорную, более внимательную и преданную, чем Элен Мьери. И хотя, надо признать, поклонников у Элен хватало, она одним словом умела поставить любого из них на место, а чтобы отказ не выглядел оскорбительным, одаривала их при этом обворожительной улыбкой.

Разумеется, при таком положении дел супруги жили душа в душу.

Однако состояния, которые зависят от морской стихии, всегда не слишком прочны. Большая часть денег Мьери была вложена в три корабля, которые привозили для него грузы с Востока и Антильских островов. И вот случилось так, что все эти корабли погибли — один за другим. Первый, построенный в незапамятные времена и ни разу не ремонтировавшийся, налетел на скалы возле берегов Африки, второй затонул в открытом океане возле берегов Индии. Как погиб третий, «Сен-Маклу», мы уже сообщили. В результате у супругов Мьери остался только дом на улице Алаж и две фермы в Ко, которые они сдавали в аренду.

Разумеется, узнав о том, сколь страшный удар нанесла им судьба, Элен по примеру супруга тоже могла расплакаться. Однако она этого не сделала. Эта женщина отнюдь не являлась неженкой, а потому первым ее побуждением было утешить мужа — она понимала, что необходимо прежде всего вернуть Огюстену мужество, помочь ему преодолеть обрушившееся на них несчастье.

Приблизившись к мужу, она нежно погладила его по голове:

— Не стоит так сильно убиваться, друг мой. На вас это не похоже. Я не сомневаюсь, что рано или поздно состояние непременно вернется к вам...

— Но как? Каким образом? У меня больше ничего нет...

— Вы ошибаетесь! У вас есть фермы, которые вы можете продать, у вас есть мои драгоценности, наконец! Мы уволим слуг, и это сэкономит нам массу денег. Я уверена, что вы сможете купить новый корабль.

Арматор повернул к жене свое изможденное лицо; в глазах его читалось смятение: он не ожидал от нее подобных мыслей. Внезапно он вскочил и, охваченный благодарностью, заключил супругу в объятия.

— Вы лучшая из женщин, друг мой! Быть может, нам действительно удастся спустить на воду еще один корабль, если я сумею получить кредит.

— Кредит? Но зачем? У нас хватит средств...

— Какое же вы еще дитя, Элен! Судно стоит очень дорого, а товар, которым нужно будет загрузить его трюмы, еще дороже. Кроме того, пока судно находится в плавании, нам тоже надо как-то жить. И все-таки я попытаюсь — мне не хотелось бы разочаровать вас.

Огюстен Мьери действительно попытался собрать деньги, однако усилия его оказались напрасны. Несмотря на все лишения, которым подвергли себя обитатели улицы Алаж, несмотря на то, что они многое продали, арматор не смог собрать достаточной суммы, чтобы купить корабль, оснастить его и набрать экипаж. Кредита ему получить не удалось.

Другие арматоры втайне радовались, глядя, как их конкурент выходит из игры, а банкиры, всегда относившиеся к Мьери благосклонно, на этот раз проявили неуступчивость. Впрочем, тому была причина: три погибших один за другим корабля внушали самые печальные подозрения отнюдь не суеверным людям. Арматор вряд ли смог бы даже набрать экипаж для своего судна...

Огюстен повсюду наталкивался на вежливый отказ, сопровождаемый уверениями в дружеском к нему расположении. Совершенно обескураженный, с сердцем, переполненным горечью и желчью, он уже подумывал, не покончить ли ему навсегда со столь сурово обошедшейся с ним жизнью, как вдруг сам дьявол явился к нему на помощь. Он нашептал арматору столь странную, причудливую и сомнительную мысль, что он несколько дней не решался поделиться ею с женой. Наконец одним тихим зимним вечером он отважился это сделать.

— Дорогая Элен, — сказал он как-то после ужина, тяжело вздохнув, — наше положение не становится лучше. Напротив, оно все больше ухудшается, и я начинаю приходить к выводу, что у нас, в сущности, нет больше разумных способов его исправить. Если только...

— Что только?

— Если только вы мне не поможете. Осталась еще одна возможность, но сумеем ли мы ее использовать, будет зависеть только от вас.

— От меня? — удивилась молодая женщина. — Каким образом? Ведь я ничего не смыслю в делах.

Мьери изобразил на своем лице улыбку — снисходительную и сочувственную, одновременно.

— Дорогая моя, речь идет не о делах, ибо в них вы действительно ничего не понимаете. Речь идет о том... чтобы честным путем извлекать столь необходимые нам деньги из карманов наших ближних.

— Но как это сделать?

Мьери подсел поближе к Элен, которая устроилась подле камина, чтобы заштопать прохудившуюся рубаху мужа. Взяв руку жены, он принялся нежно гладить ее.

— Выслушайте меня, дитя мое, и не сердитесь на меня сразу. Сначала подумайте — потом дайте честный и правдивый ответ. Сколько мужчин, начиная со дня нашей свадьбы, пыталось соблазнить вас?

Элен ожидала чего угодно, но только не подобного вопроса. Она покраснела до самых корней своих золотистых волос.

— Но... друг мой... я не...

— Полно, полно, не волнуйтесь! Я знаю, как вы благоразумны и сколь безупречно ваше поведение. Но я также знаю, что многие из этих господ, которые сегодня отказывают мне в помощи, были готовы ради вас на любые расходы. Впрочем, все они получили от вас бесповоротный отказ, за что я вам особенно благодарен. Но некоторые до сих пор готовы были бы отдать м-м... многое, чтобы заслужить ваш благосклонный взгляд, ваше ласковое слово, вашу улыбку, наконец! Молодая и красивая женщина всегда владеет

мощным оружием, особенно когда она находится под защитой зрелого мужчины, каковым являюсь я.

Целый час Мьери излагал изумленной жене свой план. Речь шла о том, чтобы она стала оказывать знаки внимания — и весьма существенные — некоторым из ее поклонников не слишком юного возраста. Нужно было внушить им мысль, что милости юной красавицы можно заполучить, преподнеся ей более существенный подарок, нежели цветы и конфеты. Разумеется, и речи не было о том, чтобы перейти последнюю черту; нельзя было даже доводить дело до поцелуев, ибо после них все остальное случается, как правило, необычайно быстро. Но разве умная, ловкая и привлекательная женщина не владеет врожденным искусством обещать — и тут же отказывать, приближаться к опасной черте — и отступать в самый решающий момент? А поскольку Элен чрезвычайно умна и привлекательна, то почему бы ей не попробовать поиграть в эту забавную игру?

— Но... не навлеку ли я на вас бесчестие? — поразмыслив, спросила она.

— О каком бесчестии вы говорите?! Бесчестен человек, который желает заполучить то, что ему не принадлежит. Ваша же добродетель будет надежно защищена. Порядочность для женщины заключается в ее верности мужу. И тем хуже для тех, кто пытается искушать эту порядочность!

Элен еще долго колебалась, однако Мьери был настолько красноречив и убедителен, что сумел рассеять ее последние сомнения и уговорил предпринять по крайней мере одну попытку. Осталось решить, кто будет первой жертвой.

Мьери назвал несколько имен, но Элен все их отвергла. Эти люди были слишком стары и уродливы, а чтобы все поверили, будто она решила спуститься со своего пьедестала, надо было подобрать хотя бы мало-мальски сносного кандидата. И тут Мьери, воодушевленному согласием жены, пришла в голову очередная идея.

— Дорогая моя, мы ищем за морем то, что находится буквально у нас за дверью! — воскликнул он. — Мужчина, который нам нужен, — это наш сосед, мэтр Гризье!

Тридцатипятилетний Леонар Гризье, чей дом стоял рядом с домом Мьери, действительно казался подходящим кандидатом. Он был адвокатом, но огромное состояние позволяло ему не слишком обременять себя работой. Поэтому время свое Гризье предпочитал проводить в гостиных... и альковах, привлекавших его куда больше, чем пыльные коридоры Дворца правосудия. Кроме всего прочего, было известно, что он принадлежит к числу особенно пылких поклонников неприступной мадам Мьери.

— Так что вы о нем думаете? — спросил Огюстен жену.

Элен довольно долго молчала. Прикрыв глаза, она воскрешала в памяти приятное лицо, горящие глаза и светлые усы адвоката... Неожиданно молодая женщина улыбнулась.

— Что ж, попробуем... — произнесла она, вновь берясь за иголку.

На следующее утро Огюстен, уходя из дома, оставил жене подробнейшие инструкции, которые она и исполнила в точности.

У Леонара Гризье была привычка каждое утро прогуливаться под окнами соседей. Увидев, как он топчется на своем обычном месте, старательно делая вид, что просто дышит свежим воздухом, и то и дело украдкой бросает взор на ее окна, Элен надела плащ и вышла из дому, тщательно заперев за собой дверь. Быстрым шагом пройдя мимо дома соседа, она потихоньку обронила в канавку ключ и как ни в чем не бывало продолжила свой путь. Спустя несколько минут она услышала позади себя голос адвоката.

— Сударыня! — кричал Гризье, догоняя ее. — Вы уронили ключ! Позвольте мне вернуть его вам.

Разыграв удивление и смущение, Элен горячо поблагодарила соседа.

— Вы оказали мне большую услугу, сударь, — произнесла она, потупившись. — Не будь вас, мне пришлось бы целый день, до возвращения супруга, провести на улице...

— Я счастлив, что смог помочь вам. Позвольте мне немного проводить вас — мне кажется, нам по пути.

— Я не хочу показаться неблагодарной... Идемте!

Погода — особенно для декабря — была исключительная: небо ясное, воздух теплый, хотя и чуточку влажный. В конце концов Гризье заявил, что было бы просто преступно не воспользоваться столь великолепной для зимнего времени погодой. А так как к этому времени они шли уже довольно долго, он неожиданно предложил ей составить ему компанию и где-нибудь вместе позавтракать.

— Разумеется, речь идет исключительно о завтраке! — добавил Гризье. — Поверьте, сударыня, я человек чести.

— Я, собственно, шла в собор, — покраснев и потупив взор, отвечала Элен. — Я хотела помолиться, а ваше предложение, хотя и весьма соблазнительное, кажется мне суетным и, не скрою, слишком легкомысленным.

— Легкомысленным? О, вы ошибаетесь! Клянусь, во мне вы найдете самого преданного, самого покорного слугу. И даже господь не сможет вам попенять за то, что вы предпочли сотворенный им величественный купол неба серым сводам собора!

Элен улыбнулась:

— Вижу, вы весьма талантливый адвокат, сударь. Что ж, давайте созерцать творение господя. Я вверяю себя вашей порядочности.

И они отправились завтракать в сельскую таверну...

2. БРОДЯЧИЙ ТРУП

Приятные загородные прогулки вошли в привычку Элен Мьери и Леонара Гризье. Огюстен все чаще отсутствовал, а так как супруга его оставалась одна, любезный сосед счел своей обязанностью доставлять ей невинные радости, внося приятное разнообразие в ее жизнь, с недавних пор ставшую весьма суровой. Эту Парочку стали встречать на прогулках, в зале для игры в мяч, в театре; видя их вместе, почтенные руанские буржуа удовлетворенно хмыкали: они находили вполне естественным, что такой хорошенькой молоденькой женщине наскучил ее старикашка-муж.

Однако все эти развлечения никак не отражались на имущественном положении супругов Мьери, и наконец муж дал жене понять, что настала пора подумать о вещах более серьезных. На следующий день Элен явилась на свидание к Леонару с покрасневшими и опухшими глазами — ярким свидетельством недавних горьких рыданий. Разумеется, Гризье забеспокоился, даже разволновался и попросил ее поделиться с ним своими горестями.

— Ведь мы друзья, не так ли? — воскликнул он.

Элен, смутившись, заставила довольно долго себя упрашивать, но в конце концов, беспреданно вздыхая, все же рассказала ему о своих печалях. Оказывается, она была очень несчастна: Огюстен заставлял ее вести жизнь, полную лишений. Он дошел до того, что стал брать ее платья и продавать их старьевщику.

— У меня осталось единственное платье — то, в котором вы меня сейчас видите!

Возмущенный Гризье поклялся, что не позволит такой достойной женщине влачить жалкое существование. На следующий день возле двери, выходящей на задний двор — общий для домов Мьери и Гризье, — мадам Мьери обнаружила увесистый кошелек с золотом. Кошелек сопровождала записка, в которой сосед в весьма нежных выражениях сообщал ей о своей готовности сложить к ее стопам «все земные сокровища»...

Можно себе представить, с какой радостью Мьери схватил этот мешочек с золотом. Однако Элен вовсе не разделяла его энтузиазма. Навязанная роль нравилась ей все меньше и меньше — очевидно, потому, что она с каждым днем все больше привязывалась к очаровательному Леонару. К мужу же, напротив, она испытывала все большую неприязнь, которая вскоре сменилась презрением, а затем и ненавистью: считая соседа простофилей, Огюстен цинично забирал себе его щедрые дары, твердо уверенный, что супруга верна ему по-прежнему.

Никогда не следует верить женщине свои сокровенные мысли, особенно если у этой женщины есть с кем вас сравнивать. В конце концов Элен влюбилась в Леонара и в один прекрасный день решила, что ее хваленой верности пора кануть в Лету — тем более что Огюстен теперь этой верности не заслуживал. И вот, не испытывая ни малейших угрызений совести, она стала любовницей адвоката, пылкой и страстной.

Их роман продолжался все лето и всю осень. Как только Мьери выходил из дому, Элен бежала к Леонару, который раз от раза становился все щедрее. Он был столь щедр, что Элен перестала отдавать мужу все, что получала от него, и удерживала кое-что для себя: она считала, что это только справедливо.

Молодой женщине требовалось все больше и больше силы воли, чтобы сопротивляться мольбам любовника, который уговаривал ее бросить Мьери и окончательно поселиться у него. Успокаивая нетерпеливого адвоката, она без устали твердила ему, что ей нужно время, чтобы подготовить Огюстена к мысли о необходимости разлуки...

Когда настала зима и наступили холода, Леонар, не желая, чтобы его возлюбленная дрожала от холода, возымел привычку приходить к ней. Прошло достаточно много времени, и страсть окончательно заставила их позабыть об осторожности.

Однажды вечером Огюстен почувствовал себя плохо и решил вернуться домой раньше обычного: ему хотелось поскорее лечь спать. Увы, именно в эти минуты Элен и Леонар в супружеской спальне Мьери пылко доказывали друг другу свою любовь и не слышали, как вернулся муж. Они не подозревали о его приходе до тех пор, пока дверь не открылась и у застывшего на пороге Огюстена не осталось ни малейших сомнений в своем несчастье...

В глазах у Мьери потемнело, с воплями ярости набросился он на парочку. Элен завизжала от ужаса, а арматор, взмахнув своей тяжелой тростью, нанес сопернику сильнейший удар по голове, и тот с раскроенным черепом рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть.

Вид крови отрезвил Мьери. Гризье не шевелился, он явно был мертв... Арматора охватил неопишуемый страх: он понял, что если это дело выплывет наружу, его повесят! Надо было срочно что-то придумать. Забыв о недомогании, он схватил за плечи рыдающую на кровати жену и начал ее трясти.

— Если вы скажете кому-нибудь хоть слово, вас ждет та же участь! — грозно заявил он. — Сейчас я пойду и уберу труп: никто не должен догадаться, что адвокат нашел свою смерть у нас в доме.

— Как вы могли убить его?! — воскликнула молодая женщина, которой горе вернуло мужество. — То, что вы сейчас видели, случилось по вашей вине! Зачем вы заставляли меня улыбаться ему? Я влюбилась в него, потому что он заслуживал любви гораздо больше, чем вы! Раньше мне было жалко вас, теперь же я вас ненавижу!

— Об этом мы поговорим позже, А сейчас я запрещаю вам покидать эту комнату — вы не должны знать, куда я спрячу труп.

Вытащив убитого из спальни, Мьери обыскал его карманы, нашел ключ и, взвалив тело на плечи, вышел во двор. Он решил отнести Гризье к нему домой и там бросить его у подножия лестницы, чтобы все решили, что адвокат упал с самого верха и раскроил себе череп.

Проникнув в дом с черного хода, Мьери свалил труп возле нижней ступени лестницы. Затем, глубоко вздохнув, словно с плеч у него свалилась огромная гора, он вернулся к себе, убежденный, что, когда утром покойника обнаружат, никто не додумается обвинить в его гибели соседа...

Но все повернулось совершенно иначе! Хотя Мьери старался не шуметь, лакей Гризье, Мартен, услышал его шаги и пробудился. Этот Мартен был пуглив, как заяц, и очень плохо спал в отсутствие хозяина.

Дрожа, как осиновый лист, Мартен, вооружившись подсвечником, покинул чердак и отправился посмотреть, что творится внизу. Представьте себе его ужас, когда он увидел

своего хозяина, лежащего мертвым у подножия лестницы! Воображение его разыгралось, он вконец перетрусил. А вдруг его обвинят в убийстве адвоката?! Такое отнюдь не исключалось: правосудию, как известно, свойственно ошибаться, но ошибки его уже не исправишь...

Мартен представил себе, как его арестовывают, допрашивают, пытаются, он признается во всем, что ему прикажут, и его ведут на эшафот. А может, ему уготована смерть на колесе?.. Подобная перспектива могла напугать и более отважного человека, да и мысль о том, что ему придется провести ночь в одном доме с трупом, радости Мартену не прибавляла... Желая избежать сей трагической участи, он принял единственно правильное, на его взгляд, решение: как можно скорее избавиться от покойного хозяина.

Проще всего было подбросить покойника к дверям соседнего дома: разгуливать по улицам с трупом на плечах Мартен не собирался. Люди, которые утром обнаружат его, подумают, что адвокат сломал себе шею, упав с каменной лестницы арматора. Как видите, одна лестница вполне стоила другой!

Мартен тотчас привел замысел в исполнение — бросил тело перед дверью Мьери. Улица была пустынна, и никто, даже Огюстен, не слышал, как парень выносил труп из дома.

Однако Мьери в ту ночь не спалось. Отворив окно, он высунулся наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха, и увидел покойника, словно по волшебству очутившегося у его дверей. Огюстен пришел в ужас. Неужели это Высший судья желает покарать его?! Но Мьери не привык долго предаваться страхам. Божье то правосудие или нет, он знал одно: ему надо немедленно избавиться от упрямого покойника. Лучше всего было бросить его в Сену, которая, к счастью, протекала совсем рядом.

Снова взвалив Гризье на плечи, Огюстен пустился в путь по извилистым улочкам. Но пройдя сотню метров, он неожиданно замер, а потом шмыгнул в дверную арку и с бешено колотящимся сердцем прижался к стене: до слуха его доносились чьи-то тяжелые шаги!

Вскоре на улице появились двое: они тащили большой мешок, который, судя по всему, был изрядно тяжел. Так тяжел, что они остановились передохнуть всего в нескольких шагах от дрожащего от страха убийцы.

— Вряд ли мы сможем далеко унести этот мешок, — произнес один из неизвестных. — Гораздо тяжелее, чем мы предполагали. С таким грузом не побегаешь!

— Хорошо бы продать его прямо сейчас.

— В такое время?

— А почему бы и нет? Я знаком с хозяином трактира «Золотое яблоко». Уверен, он купит наше сало и не станет задавать нам лишних вопросов. Ему нет дела до того, откуда мы его взяли.

Надо сказать, эти двое были ворами, только что обокравшими мясную лавку. Именно там они и раздобыли этот громоздкий мешок с салом.

Мьери сразу понял, в чем дело. Когда воры отправились дальше, его словно что-то подтолкнуло, и он крадучись пошел за ними. Мошенники остановились неподалеку от маленького, плохо освещенного трактира, где в этот поздний час веселились явно не слишком порядочные клиенты. Воры вошли в трактир, оставив мешок на улице.

Едва дверь за ними закрылась, Мьери помчался за своим покойником, притащил его, вытряхнул из мешка сало, а на его место засунул беднягу Гризье. «Как же мне повезло!» — думал он по дороге домой. Найти таких козлов отпущения, как эти двое воришек, он мог только мечтать. Даже если их повесят — что ж, невелика потеря...

Завершив торг и выпив по стаканчику в честь заключенной сделки, воры вместе с хозяином вышли на улицу: прежде, чем платить, хозяин пожелал взглянуть на товар. Увидев содержимое мешка, он сначала оторопел, а потом пришел в ярость.

— Так вот что вы хотели мне подсунуть? — вскричал он, в то время как оба мошенника стояли как громом пораженные, не в силах вымолвить ни слова в свою защиту. — Советую вам сматываться, да поживее, если не хотите, чтобы я вызвал стражу!

Идите и отнесите ваше «сало» туда, где вы его взяли, а сюда и носа совать не смейте! Я не стану на вас доносить, но собственная голова мне дороже.

Он вернулся в трактир и плотно прикрыл за собой дверь, оставив воров в полной растерянности. Однако времени для размышлений у них не было: они прекрасно знали, что если их схватят с этим мешком, им конец.

— Что же нам делать? — развел руками первый.

— Последовать совету хозяина трактира: отнести мешок к мяснику. Я не желаю выяснять, как этот жмурик в него попал. Тут явно не обошлось без нечистого!

Через несколько минут мешок с телом адвоката Гризье занял свое прежнее место на крюке в подвале мясной лавки, а оба мошенника, чтобы оправиться от пережитых волнений, пошли выпить по кружечке сидра в кабачок, расположенный на противоположном конце города.

Тем временем злоключения покойника продолжались. Судьбе было угодно наделить подручного мясника бессонницей, во время которой у него всегда обострялся голод. А поскольку хозяин щедростью не отличался и кормил своих работников весьма скудно, иногда по ночам парень лазил в подвал и вознаграждал себя дополнительным куском мяса за долгие полуголодные дни. Вот и в эту ночь, едва лишь воры успели скрыться, он отправился в подвал, вспомнив, что сегодня утром в него спустили мешок совершенно свежего сала.

Неслышно пробравшись в подвал, парень открыл мешок... и испустил такой вопль, что перебудил весь дом. Прибежавшие на крик мясник с женой увидели, что их подручный, полумертвый от страха, стоит на коленях возле труп.

Разумеется, прежде всего мясник набросился на парня, но, увидев, как тот в ужасе стучит зубами, понял, что помощник его явно не виновен в убийстве. Однако медлить было нельзя.

— Неважно, откуда взялось здесь это тело, — заявил мясник и, подняв с пола парнишку, как следует его встряхнул. — Главное для нас — избавиться от него, и как можно скорее!

Поскольку несчастный подмастерье был так напуган, что напрочь утратил способность мыслить, пришлось думать самому хозяину. В конце концов ему в голову пришла весьма нелепая идея. У него в конюшне стоял строптивый мул, коего из-за его неукротимости боялись все соседи. Было решено привязать труп на спину мула и выгнать скотину в поле. Мясник не сомневался, что разъяренное животное бросится бежать куда глаза глядят, а если потом и упадет от усталости, то это случится уже далеко от города. Во всяком случае, лучше пожертвовать мулом, чем угодить на допрос к прево.

Так и сделали. Обремененный трупом, мул помчался стрелой, однако, выбежав за городские стены, споткнулся о кучу камней и сломал себе ногу. Крики мула привлекли внимание людей. Его нашли лежащим на груде щебня, дышающего и с трупом на спине...

Осла прикончили, покойника отвязали. Кто-то узнал в нем мэтра Гризье...

К несчастью для Мьери, любовная связь его жены наделала больше шума, чем он мог предположить. Смерть адвоката развязала языки, и Огюстен, и Элен были арестованы.

Разумеется, под пыткой арматор во всем признался. Элен же была так красива и плакала так безутешно, что сумела смягчить сердца судей. Они поверили в невиновность очаровательной юной женщины и полностью ее оправдали. Зато Мьери сполна заплатил за свое преступление. 19 апреля 1628 года он был повешен на площади Старого Рынка, где некогда сожгли Жанну д'Арк. Оставшись одна, Элен преисполнилась отвращением к миру и ушла в монастырь, чтобы оплакивать там человека, которого она мечтала любить всю жизнь...

СТРЯПНЯ ГОСПОДИНА ЖИРУ

В начале 1638 года ни одна из дам города Дижона не могла сравниться красотой и очарованием с восхитительной супругой президента Счетной палаты. Несмотря на свои сорок лет, Мари Байе — женщина небольшого роста, рыжая, с молочно-белой кожей и зелеными глазами — сумела сохранить столь безупречный цвет лица и такую великолепную фигуру, что ей завидовали даже молоденькие девушки.

Мари знала, что красива, не отказывала себе в удовольствии пострелять глазками, и ни один дижонский судейский не стал бы заключать пари на ее добродетель. Более того, все прекрасно знали, что у нее есть любовник, и этим любовником был не кто-нибудь, а сам председатель суда — грозный Филипп Жиру. Этот высокопоставленный чиновник магистрата обладал такой репутацией, что умел заставить замолчать самых дерзких сплетников и самых неугомонных кумушек. Никто не рискнул бы сообщить президенту Байе о его несчастье — даже члены могущественного семейства Фио, к которому принадлежала президентша Байе, — поскольку все знали, что Жиру всегда находит способ избавиться от врагов. Да и стоит ли жалеть мужа, который старше своей очаровательной жены на целых пятнадцать лет, а с виду и того больше?

Роман между Филиппом Жиру и Мари Фио начался давно. Будучи дальними родственниками, они знали друг друга с детства, и Филипп, сколько себя помнил, всегда обожал свою кузину. Прозорливые вдовушки, сидевшие в гостиных и ежедневно измерявшие накал страстей в высшем свете Дижона, утверждали, что именно из-за этой любви, несчастной с самого ее зарождения, Филипп Жиру в юности совершил массу безумств...

Действительно, репутация у этого красивого, бесстрашного и обольстительного мужчины была ужасна. Прикрываясь добрым именем отца, который до него был председателем суда, Филипп вел жизнь во всех отношениях предосудительную... Некоторые даже склонны были обвинять его во всех мыслимых преступлениях. Он играл, волочился за женщинами, посещал сомнительные притоны, после чего весь город только и говорил, что об учиненных им дебошах. Ходили и еще более ужасные слухи: считали, что по ночам он вместе с другими подобными молодчиками надевал маску и выходил на большую дорогу, где нападал на путешественников, грабил их и даже отправлял к праотцам. Стоило Филиппу счесть кого-то своим врагом, этот человек вскоре отдавал богу душу при весьма загадочных обстоятельствах.

Как бы то ни было, в конце концов многие жители Дижона пришли к выводу, что Филипп Жиру давно заключил договор с самим дьяволом. Вдовушки качали головами и, склоняясь над своими вышивками, хмуро повторяли:

— Если бы Мари Фио в свое время вышла за него замуж... Как знать, быть может, он стал бы вполне достойным человеком!

Скорее всего они были правы, ибо поступки, порочащие его честь, Филипп начал совершать только после свадьбы Мари, а до этого он был просто шалопаем, как большинство молодых людей. К сожалению, когда настало время выдавать Мари замуж, семейство Фио отвергло буйного транжиру-кузена, предпочтя ему почтенного, уважаемого, а главное, — очень богатого президента Счетной палаты. А шалопай Филипп Жиру с тех пор стал для семейства своего рода пугалом...

Когда в начале 1632 года отец Филиппа отказался от поста председателя суда в пользу сына, возмущению судейских чиновников не было предела. Выразителем их гнева стал энергичный советник суда по имени Сомез де Шассан.

— Я считаю Филиппа Жиру виновным в лихоимстве, убийствах и грабежах на большой дороге, в отравлении и колдовстве! — заявил он на памятном для всех заседании. — Неужели мы вложим меч правосудия в десницу человека, гораздо более виновного, чем те, кого ему предстоит судить?

Но вопрос его остался без ответа, поскольку у нового председателя суда всегда было множество могущественных союзников. А еще больше их стало после того, как он

заклучил брак с Луизой Леге де Бершер, отец которой был тесно связан с самим кардиналом Ришелье, и это ни для кого не являлось секретом.

Итак, Филипп Жиру занял место отца, и никто, кроме Сомеза, не посмел открыто выступить против его кандидатуры. Разумеется, Филипп запомнил и советника, и его выступление; он занес Сомеза в свои черные списки, чтобы при случае избавиться от него.

Для начала Жиру обвинил Сомеза де Шассана во лжи и клевете и еще до суда лишил его всех привилегий, которыми тот располагал в силу своей должности. Однако когда Шассан предстал перед судом, судьи постарались благо разумно выпутаться из этого дела. Они лишь запретили Сомезу в течение полугода исполнять свою должность, но при этом постановили, что председатель суда Жиру «является человеком порядочным и неповинным в тех преступлениях, которые ему были несправедливо вменены...»

Недовольный подобным решением, «порядочный человек» решил показать своему противнику, на что он способен. А способен он был на многое.

Жиру устроил Шассану поистине дьявольскую ловушку. Среди его слуг был кучер по имени Моро, который являлся счастливым отцом одиннадцатилетней девчушки — эдакой маленькой чертовочки, ловкой, хитрой и преждевременно развращенной. Несмотря на юный возраст, Илария Моро была такой шустрой и так хорошо понимала свою выгоду, что никто не сомневался: она далеко пойдет. Сначала она, недолго думая, прыгнула в постель красавца Филиппа, а затем с восторгом согласилась поучаствовать в задуманной им комбинации — в обмен на звонкие блестящие эю.

И вот в один прекрасный день беднягу Сомеза вызвали в суд для дачи объяснений: девица Илария подала на него жалобу, обвиняя его в соращении и растлении. Она клялась всеми святыми календаря, что Сомез де Шассан выкрал ее из родного дома, запер на ключ, силой принудил сожителем с ним и развратил ее.

Когда так называемый виновный явился, никто из членов суда не дал бы за его жизнь и ломаного гроша. Ему грозил даже не топор палача: его ждала виселица — обычное наказание за такого рода преступления. Илария исполнила свою роль с истинным пафосом трагической актрисы. Она плакала, рыдала, бросалась на колени и заклинала судей вернуть ей честь, а ее душе покой; в это время за дверями зала толпились подкупленные Жиру свидетели, готовые утверждать, что Шассан является самым отъявленным мошенником и развратником, когда-либо существовавшим на этой земле...

Но, видимо, глас невиновного все же иногда способен заставить к себе прислушаться и разрушить даже самые коварные западни. Сомез защищал себя сам — сам задавал вопросы девице и свидетелям. И вопросы его были столь обдуманно и точными, что постепенно обвинение рассыпалось само собой. Илария вновь расплакалась — теперь уже в подтверждение того, что она никогда в жизни не видела Сомеза де Шассана. Что же касается «многочисленных свидетелей», все они путались в показаниях и постепенно отпали один за другим. Сомез был оправдан.

Однако Жиру не понес наказания, поскольку его сообщники предусмотрительно не назвали его имя. Не желая сдаваться, он через некоторое время приказал арестовать двух сыновей Сомеза, обвинив их в попытке покушения на его собственную персону. Молодые люди угодили в тюрьму, где им пришлось чрезвычайно долго ожидать суда, потому что никто не торопился начинать дознание. Быть может, их там забыли бы вовсе, если бы не последующие трагические события, выставившие их обвинителя в поистине зловещем свете.

Желание отомстить Сомезу де Шассану было не единственной страстью Филиппа Жиру: грозный председатель суда всю свою жизнь любил одну женщину — Мари Байе. Со временем любовь эта превратилась в неизлечимую страсть, которую, впрочем, его красавица-кузина умела держать в узде. Однако в конце концов она уступила мольбам Филиппа, а также — если признаться честно — стремлению собственного сердца.

К сожалению, в провинциальном городе, а тем более в узком кругу судейских чиновников сохранить подобный роман в тайне чрезвычайно трудно. Для этого надо

обладать скромностью, осмотрительностью и благоразумием, а также не встречаться слишком часто... Но Филипп хотел, чтобы Мари принадлежала только ему, и желание это возрастало день ото дня. Вскоре оно стало столь острым, что просто не могло не повлечь за собой новые безумства и преступления.

Случилось так, что, когда Филипп в очередной раз поносил председателя Байе и проклинал неудобства, которые из-за него приходилось терпеть влюбленным, красавица Мари с улыбкой произнесла:

— Неужели вы действительно верите, что мы станем счастливыми и свободными, если избавимся от моего супруга? Разве вы забыли, Филипп, что у вас тоже есть жена, и муж мой является не единственным препятствием на пути к нашей любви?

В тот день участь несчастной супруги Филиппа была решена.

Луиза Жиру заболела — не тяжело, просто простудилась. Однако вместо того, чтобы, как обычно, позвать доктора Сино, который уже давно был домашним врачом семейства Жиру, Филипп объявил, что Сино стареет и пора его заменить кем-нибудь помоложе. Несмотря на протесты Луизы, был вызван некий Родо, алчный коновал, не слишком сведущий в лечении людей, зато великий знаток способов отправления их в мир иной — причем кратчайшим путем. Этот человек не мог ни в чем отказать Жиру, который уже не раз вытягивал его из дурных историй.

Итак, Родо явился в роскошный особняк супругов Жиру, располагавшийся в квартале Нотр-Дам. Результат этого визита не замедлил сказаться: спустя неделю бедняжка Луиза отдала богу свою невинную душу.

Скоропостижная смерть Луизы взволновала ее семью, и к смертному одру усопшей был призван доктор Сино. Дотошный Сино облазил всю спальню Луизы, туалетную комнату, повсюду шарил, везде совал свой нос, в том числе и в пузырьки с лекарствами — особенно с теми, которые видел впервые. Однако никто так и не узнал, обнаружил ли он что-нибудь подозрительное, поскольку, совершив столь тщательное обследование, доктор принял приглашение на ужин от безутешного вдовца. Очевидно, повар председателя суда оказался не на высоте, а может, просто продукты были не слишком свежие... Так или иначе, в тот же вечер Сино почувствовал страшные колики в желудке, лег в кровать и уже не встал.

— Вот видите, — сказал Жиру своей очаровательной кухне, — отныне только ваш супруг препятствует нашему счастью. Неужели нам никогда не удастся от него избавиться?

Мари, надо сказать, давно мечтала стать вдовой: она плохо ладила с супругом, который слишком часто пребывал в дурном настроении. При этом он был всего лишь на пять-шесть лет старше Филиппа, а в те беспокойные времена никто не смог бы точно сказать, кто из них двоих первым отойдет в лучший мир. Разумеется, прекрасной мадам Байе очень хотелось беспрепятственно предаваться своей страсти, однако она прекрасно знала, что правосудие беспощадно к женщинам, желавшим ускорить кончину своих супругов.

Тем временем положение становилось все более напряженным. Однажды вечером, когда все общество собралось в салоне мадам де Виньи для игры в карты, Байе, игравший вместе с женой в фараон, внезапно разгневался на Мари и назвал ее непроходимой дурой. Гости с трудом сумели помешать Филиппу вцепиться сопернику в глотку.

Председателя суда вывели из-за карточного стола, но многие отчетливо слышали, как тот процедил сквозь зубы:

— Неужели никто не избавит меня от этого сморчка? Неужели этот Байе будет жить вечно?

Его уговорили замолчать, успокоили, однако никто не предложил оказать ему услугу, о которой он столь недвусмысленно и цинично просил. Через несколько дней Жиру повторил свой вопрос в коридорах Дворца правосудия, но все напрасно: результата не последовало. Из всеобщего молчания он сделал вывод, что никто не намеревается ему помогать, и снова придется все делать одному — или почти одному...

Вечером 8 сентября 1638 года президент Байе, несмотря на напряженные отношения, отправился к кузену жены. Впрочем, визит был отнюдь не дружеский, а деловой: утром Жиру должен был ехать в Ренн, где слушалось дело, интересовавшее их обоих.

В крошечной тьме Байе в сопровождении своего слуги Франсуа Нежо прибыл к роскошному дому председателя суда. Было холодно и сыро: в начале осени такая погода редка. Всю дорогу Байе ворчал и проклинал погоду, свой ревматизм и злосчастный процесс. Он недолюбливал Филиппа Жиру, и только дело чрезвычайной важности заставило его отправиться к нему в такой поздний час. Приветливая служанка по имени Одинель открыла дверь, ведущую в просторный, хорошо освещенный вестибюль, обставленный дорогой мебелью.

— Где ваш хозяин? — недовольно спросил Байе.

— Он здесь, — с поклоном ответила девушка. — Хозяин ждет господина президента у себя в кабинете. А ваш слуга пока может пройти на кухню и подкрепиться.

Дверь за гостями закрылась, и с тех пор никто больше не видел ни Байе, ни его слуги, хотя официально об их исчезновении было объявлено только спустя несколько месяцев.

На следующее утро Филипп Жиру, как и было договорено, отправился в Ренн. Но, к всеобщему удивлению, по дороге он заехал к Мари Байе, она села к нему в экипаж и как ни в чем не бывало проехала вместе с ним не меньше двадцати лье. Кучер Жиру потом рассказывал, что всю дорогу президентша и ее кузен вели приглушенную, но весьма оживленную беседу. Когда показался Авалон, Мари Байе приказала завести ее к родственнице, у которой она собиралась погостить.

Вернувшись через три дня в Дижон, президентша зажила по-прежнему, нисколько не тревожась из-за отсутствия супруга. Она говорила всем, что ее муж отправился в длительное путешествие, связанное с делами.

Но прошло два месяца, а Пьер Байе не появлялся. Его друзья забеспокоились: они не могли понять, что случилось с дражайшим председателем.

— Мой муж никогда не посвящает меня в свои дела, — отвечала Мари на все вопросы, кокетливо помахивая веером. — Может быть, он застрял где-нибудь на охоте... Не вижу в этом никакой беды! Даже когда он был здесь, меня мало интересовало, чем он занимается, тем более я не собираюсь беспокоиться о нем сейчас.

Надо сказать, кое у кого столь прискорбное легкомыслие и беспечность породили некоторые подозрения...

Теперь Филипп Жиру ежедневно приходил в дом на улице Фокон, принадлежавший семейству Байе. Мари вела себя так, словно супруг ее исчез навеки. Филипп теперь жил с ней открыто, на глазах у всех.

Подобное положение вещей не могло не вызвать толков. В декабре стали поговаривать, что президент Байе был убит при таинственных обстоятельствах — действительно, более трех месяцев никто не имел о нем никаких известий. Слухи ползли, ширились, выплеснулись из города и докатились до Парижа. Приблизительно в то же время туда прибыли обеспокоенные чиновники из Дижона, и история эта достигла ушей принца Конде — тогдашнего правителя Бургундии.

Президент Счетной компании Байе был слишком важной персоной, чтобы принц мог оставить без внимания жалобу дижонцев. Он приказал провести тщательное расследование, но при этом держать его в строгой тайне: шум в таком деликатном деле бьи бы только помехой, и Филипп Жиру сразу бы догадался, что его собираются обвинить в убийстве мужа любовницы. Во избежание судебной ошибки и крупного скандала решено было сначала все как следует проверить.

Однако агенты Конде нисколько не продвинули расследование. Страх связывал языки, прятал свидетелей: никто не осмеливался в открытую обвинять грозного Жиру. Возмущенный Конде передал дело в руки полицейского следователя, приказав тому любой ценой прояснить все обстоятельства исчезновения Байе, отменяя слухи и невзирая на лица. Одновременно Конде обратился к церкви, и в Дижон тотчас было направлено

одно из знаменитых «Увещеваний», в котором всех призывали содействовать расследованию и не скрывать ничего, что могло бы помочь отыскать истину. Тем, кто отказывался говорить правду, грозили отлучением.

Результат не замедлил сказаться. Один из свидетелей сообщил, что вечером 8 сентября в гостиной мадам де Виньи опять играли в карты. Ближе к полуночи туда прибыл Филипп Жиру, необычайно веселый. Подойдя к Мари Байе, он поцеловал ей руку и шутливо произнес:

— Дело сделано, прекрасная Хлорида!

Вскоре к следователю явился сапожник Блез Бур и сообщил еще один весьма любопытный факт. Его невестка Элеонора Кордые, белошвейка председателя Жиру, в день отъезда хозяина в Ренн получила от него тщательно запертый деревянный чемодан. Этот чемодан он поручил ей зарыть среди каменистой осыпи Комб-о-Фе, что находится неподалеку от города.

Ведущие дознание полицейские под предводительством Элеоноры направились в указанное ею место, извлекли из-под камней чемодан, взломали замок и открыли его. Там лежали сломанная шпага, нож и шляпа, запятнанная кровью. Шляпа и шпага принадлежали президенту Байе, нож — его слуге...

В тот же вечер Филипп Жиру был арестован и, несмотря на яростное сопротивление, препровожден в тюрьму Дворца правосудия. Против него было выдвинуто обвинение в убийстве.

Следствие продолжалось три года, и все три года обвиняемый ожесточенно защищался. Чего только не делал Жиру: неожиданно взрывался гневом, бил свидетелей, грозился убить их, пытался набрасываться на судейских чиновников и даже нанес себе несколько ножевых ран, а потом кричал на всю тюрьму, что его хотели убить. Он так бушевал, что во Дворце правосудия никто, даже привратник, больше не чувствовал себя в безопасности. По приказу короля его перевели в старый, построенный еще во времена Людовика X крепостной замок, расположенный возле одной из городских застав. Это была настоящая средневековая крепость, мрачная и неудобная, однако стены ее были толсты, а двери прочны. Председатель Жиру мог вопить там сколько угодно...

Пока Жиру сидел в крепости, правосудие, к несчастью для него, неумолимо двигалось своим путем. Были допрошены слуги Жиру, некоторых даже подвергли пытке. Двое из них признались, что вскоре после исчезновения Байе они отнесли в дом мадам де Виньи-старшей, которая приходилась крестной матерью Филиппу Жиру, огромный бочонок. Когда бочонок вскрыли, все увидели его страшное содержимое: кости, сгнившая одежда, обувь... все, что осталось от президента Байе и его слуги. Останки эти плавали в рассоле.

Между тем Мари Байе, прекрасная вдова, не покинула в беде возлюбленного, совершившего ради нее преступление. С энергией, обычно несвойственной этой беспечной и кокетливой женщине, она без счета тратила деньги и изобретала способы спасения, вполне достойные Филиппа Жиру. Для начала Мари подкупила нескольких стражников в крепости, а потом ей изготовили несколько подложных приказов, присланных якобы из королевской канцелярии. Согласно этим приказам, ее возлюбленного надлежало перевезти в По: она надеялась, что по дороге ему удастся бежать.

К сожалению, план Мари провалился, однако она не утомилась и предприняла кое-какие шаги, в результате которых стали исчезать свидетели. В Дижоне буквально разразилась эпидемия внезапных смертей, жертвой которой пали двенадцать человек. Среди них были два бывших лакея Мари, белошвейка Элеонора, ее приятельница и даже несколько членов дижонской прокуратуры.

Все оказалось напрасно — ничто больше не могло спасти Филиппа Жиру. 8 мая 1643 года Большая палата дижонского судебного парламента приговорила его к отсечению головы, приговор должен был быть исполнен в тот же день, после покаяния преступника. Кстати, некоторым из бывших соратников председателя суда такой приговор показался

слишком мягким — любя ближнего, они жаждали более зрелищной казни: к примеру, колесования или сожжения на костре.

Следуя решению суда, в пять часов вечера приговоренный двинулся в свой последний путь. Пока над городом плыл похоронный звон, преступника привели к часовне Дворца правосудия и, вручив ему восковую свечу, предложили покаяться. Однако Жиру не пожелал признать ни свою вину, ни вину президентши. Впрочем, когда ему предложили попросить прощения у Сомеза и двух его сыновей, которых он хотел погубить, это он сделал добровольно.

— Признаю, — произнес Жиру, — я хотел опозорить этих людей, и теперь прошу их простить меня, дабы Отец наш Небесный, которого мне вскоре предстоит лицезреть, также простил меня...

Затем Жиру твердым шагом направился к месту казни; по дороге он часто останавливался, преклонял колени и просил прощения у господ, короля и своего отца.

Эшафот был воздвигнут на площади Моримон, где обычно проводились казни. Вокруг уже собралась толпа, а на зловещем помосте приговоренного ожидал палач Гаспар Перье.

Надо сказать, палач чувствовал себя неважно. До последнего времени у него в подручных была жена, но недавно король издал указ, согласно которому помогать палачу могли только особы мужского пола. Этим указом супругам наносился существенный ущерб: теперь им предстояло делиться одеждой и вещами казненного с каким-то чужаком. К тому же палачу требовалась поддержка... Словом, голова Филиппа Жиру была первой, которую ему предстояло отсечь без супружеской помощи, и палача это не слишком радовало.

Когда Жиру возвели на эшафот, советник Дешам еще раз попытался побудить его покаяться:

— Признаете ли вы, что убили президента Байе? И признаете ли, что помощь в этом убийстве вам оказала мадам Байе?

Жиру гордо вскинул голову и улыбнулся:

— Я сказал все, что должен был сказать. Мне нечего добавить.

Он не дрогнул, когда с него снимали судейские знаки отличия, спокойно взял протянутое ему священником распятие и, опустившись на колени, в последний раз принялся читать молитву. Тогда Гаспар Перье поднял свой меч...

Однако палач был так взволнован, что первый удар пришелся по эшафоту; ему понадобилось еще пять ударов, чтобы голова приговоренного наконец рассталась с телом. Зрители, пришедшие в волнение после первой неудачи, теперь выкрикивали угрозы в адрес палача, и если бы не кордон из солдат, несчастного палача, несомненно, растерзали бы на месте. Любая толпа изменчива, и люди, только что проклинавшие преступника, теперь готовы были жалеть его и обратить свой гнев против его гонителей.

К различным наказаниям были приговорены еще двенадцать сообщников Жиру. Среди них был отравитель Родо, которого по необъяснимой снисходительности судей всего-навсего отправили на галеры. Однако Мари Байе по-прежнему оставалась на свободе, хотя в ее виновности никто не сомневался.

Когда настал день казни Филиппа Жиру, она, облачившись в траурное платье, заперлась у себя, но глаза ее были сухи. Сначала Мари слышала, как звенели над городом похоронные колокола, потом до ушей ее донеслась отдаленная барабанная дробь, означавшая, что возлюбленного ее более нет в живых. Она была уверена, что он не выдал ее, а теперь и вовсе ничего никогда не скажет: за корсажем из черного бархата, на груди, лежала последняя записка, которую ему удалось передать ей.

«Беги... — писал Филипп. — Спасайся, иначе они тебя убьют, и смерть моя лишится всякого смысла. Я люблю тебя еще больше, чем любил всегда...»

На следующий же день, не дожидаясь, пока за ней придут, Мари Байе покинула Дижон и добралась до Парижа, где вскоре вышла замуж за некоего Робера де Робине. Безумно в нее влюбленный, де Робине сделал все возможное, чтобы спасти ее от правосудия. Когда

8 августа 1646 года вдова президента Байе была все-таки приговорена к смерти, он добился отправки дела в Королевский кассационный суд. Дело пересмотрели, и мадам де Робине, бывшая Мари Байе, была приговорена... всего лишь к семнадцати годам ссылки.

Однако мадам де Робине, ставшей вдовой во второй раз, более не существовало: теперь ее звали мадам дю Кудрэ. Ей было около шестидесяти, однако это не мешало мужчинам по-прежнему считать ее прекрасной...

ПРЕКРАСНАЯ ОБМАНЩИЦА И МЕСЬЕ ФЮАЛЬДЕС

Утром 26 марта 1817 года несколько родезских прачек пришли, как обычно, на берег Аверона полоскать белье и неподалеку от места, где они всегда стирали, обнаружили труп. Он колыхался на воде среди густых речных трав, у него было перерезано горло.

Что и говорить, женщины пережили неприятные минуты: одна упала в обморок, другая с воплем убежала, третью начало рвать. Остальные, менее впечатлительные, стояли на месте и широко раскрытыми от ужаса глазами глядели на одетого с иголки покойника. Вдруг одна из прачек воскликнула:

— Но... Это же месье Фюальдес! Боже милосердный!.. Его убили!

И она без промедления помчалась в город предупредить полицию, забыв от волнения на берегу корзины с бельем.

Прибывшие на место полицейские констатировали, что колыхавшееся на волнах тело, облаченное в элегантный костюм, действительно принадлежало Жозефу-Бернардену-Антуану Фюальдесу — одному из самых уважаемых, однако далеко не самых уважаемых людей Родеза.

Месье Фюальдес, родившийся пятьдесят шесть лет назад в Мюр-ле-Барез, вел весьма беспокойную жизнь, хотя начиналось все как нельзя более банально. Выросший в семье судейских крючкотворов, он естественным образом избрал для себя судейское поприще: стал адвокатом, членом коллегии адвокатов Тулузы — города, где он учился и женился. Это был весьма представительный мужчина — высокий, с большим орлиным носом, черными глазами и черной шевелюрой, способный в любую минуту держать речь о чем угодно. Фюальдес был человеком властным и в то же время обаятельным. Среди его пристрастий на первом месте стояли деньги, на втором — женщины, у которых он пользовался определенным успехом.

Надо сказать, большой нос месье Фюальдеса всегда чуял, куда дует ветер. Стоило ветру задуть в сторону перемен, как он тотчас оказался в числе приветствующих революцию и даже составил так называемые «наказы третьего сословия» города Тулузы, снискав тем самым известность и уважение во всем Руэрге. Впоследствии его назначили администратором вновь образованного департамента Аверон, и он завел себе друзей среди новых сиюминутных правителей — главным образом из окружения Робеспьера. Кончилось тем, что в один прекрасный день Фюальдес угодил в присяжные революционного трибунала и удостоился сомнительной чести стать одним из тех, кто отправил на эшафот Шарлотту Кордэ.

Однако Фюальдес был слишком осторожен, чтобы находить удовольствие в кровавых оргиях. Когда начался террор, он устроил себе назначение мировым судьей в Родез: в магистратуре родного края было не в пример спокойнее и безопаснее, чем в Париже.

Вскоре к власти пришел император, и Фюальдес, разумеется, стал бонапартистом. Он столь яростно славил новый режим, что в 1811 году получил должность прокурора Империи. Увы, ненадолго. Наступил 1815 год, и король Людовик XVIII, не питавший симпатии к подобного рода людям, отправил его в отставку. Оказавшись не у дел, он обрадовался, что легко отделался: забвение его отнюдь не тяготило.

Потеряв службу, Фюальдес пустился в амурные авантюры, в основном с доступными дамочками, а чтобы зарабатывать деньги, избрал поприще ростовщика — похоже, именно оно его и погубило...

Сразу следует сказать, что смерть Фюальдеса так и осталась загадкой — по крайней мере, ее причины, поскольку убийц отыскивали без труда: никогда еще преступники не вели себя столь беспечно и неосторожно.

На грязной улочке, известной под названием Эбдо-мадье, напротив еще более грязного дома некоего Банкаля, который пользовался отвратительной репутацией, была найдена трость жертвы. Владельцы дома, супруги Банкаль, занимали первый этаж, на втором этаже находились две темные комнатки, которые они сдавали мужчинам и девушкам, прибывавшим в город на заработки. Одна комнатка была сдана испанскому поденщику, а вторая — девице Бенуа, которая жила там вместе с отставным солдатом по имени Колар. Основным занятием девицы было обслуживание клиентов вполне определенного рода.

Оброненная тросточка, словно визитная карточка, указывала на дом Банкаля, и ничего удивительного, что месье Тела, которому было поручено расследование этого дела, в первую очередь отправился именно туда. Ему ничего не стоило собрать свидетельства соседей, проживавших на улице Эбдомадье: все они вечером слышали страшные крики, доносившиеся из вышеуказанного неприятного дома. Крики были столь громкими, что их не смогла заглушить даже шарманка, которая не умолкала допоздна.

На основании показаний соседей были арестованы супруги Банкаль, девица Бенуа и ее сожитель Колар, затем некий Бускье, нанятый убийцами для того, чтобы стоять на страже, и, наконец, городской дурачок по имени Миссонье, которому было поручено весь вечер играть на шарманке.

Чтобы отвести от себя вину, Банкаль тут же стал давать показания, и постепенно картина преступления прояснилась. Судя по всему, главных виновников было двое: некий Жозион, банкир с сомнительной репутацией, занимавший у Фюальдеса большие суммы, и его свояк Венсан Бастид, транжира и мот, любитель выпить и поволочиться за каждой юбкой. Когда Жозион описал свояку, в каком отчаянном положении находится, прибавив, что Фюальдес пообещал убить его, если он с ним не расплатится, именно Венсан Бастид взялся все устроить. Ему был известен дом Банкаля, и он был уверен, что завлечь туда Фюальдеса труда не составит... однако Банкаль не смог сообщить, с помощью какой приманки Бастиду это удалось.

Ясно было одно: 19 марта, в восемь часов вечера, то есть когда уже стемнело, Фюальдес направился на улицу Эбдомадье. Пятеро молодчиков затащили его в дом Банкаля, и шарманщик принялся наигрывать свою заунывную мелодию. Тросточка осталась лежать посреди дороги, и никто, включая шарманщика, не удосужился ее подобрать.

В доме Фюальдеса заставили подписать дюжину векселей, а когда он собрался уходить, Бастид захохотал:

— Думаешь, подписал и отделался? Нет, теперь мы тебя убьем!

Началась отчаянная борьба, жуткие крики разносились по всей улице. Но напрасно несчастный пытался вырваться из рук своих палачей — швырнув Фюальдеса на стол, они крепко прижали его к столешнице, и Бастид кухонным ножом перерезал ему горло.

Когда дело было сделано, бандиты поделили деньги, найденные в карманах Фюальдеса, завернули тело в холстину, свалили на носилки, и зловецкий кортеж проследовал к реке. Убийцы совершенно не заботились о том, что еще нет десяти и на своем пути они вполне могут встретить припозднившихся прохожих. Между тем несколько человек видели их и подтвердили показания Банкаля.

Итак, под замком оказалось девять человек: Жозион, Бастид, Банкаль и его жена, девица Бенуа и ее любовник Колар, стоявший на страже Бускье, дурачок Миссонье и некая мадам Гатье. Эта дама являлась сестрой Бастида, а арестовали ее потому, что пошел слух, будто какая-то женщина, переодетая мужчиной, ждала Фюальдеса в доме Банкаля; возможно, именно эта женщина и была приманкой. Однако мадам Гатье быстро отпустили: у нее оказалось поистине железное алиби, и держать ее в тюрьме оснований не было.

Собрав всех участников преступления в одном месте, месье Тела приступил к допросам и был несколько удивлен, что не сумел получить ни одного признания. Кроме Бускье, стоявшего на страже, и Банкаля, который клялся, что единственным виновником является Бастид, все остальные яростно отрицали свое участие в убийстве, и практически было невозможно установить точную степень виновности каждого.

Вот тут-то и появилась очаровательная мадам Мансон.

Расставшись с мужем, Кларисса Мансон была изгнана из благородного общества Родеза, хотя и происходила из прекрасной семьи: отец ее был судьей в отставке. Вместе с шестилетней дочерью мадам Мансон вела вполне скромную жизнь. В свои тридцать два года она отличалась неброской красотой, обладала неизъяснимым шармом, одевалась с большим вкусом и была не чужда кокетства, отчего никогда не испытывала недостатка в поклонниках. Самым постоянным из них являлся офицер местного гарнизона Клемандо, которому она иногда разрешала сопровождать ее в театр.

Однажды вечером после представления Клемандо провожал прекрасную Клариссу домой. Они долго беседовали, и офицер неожиданно сказал своей очаровательной подруге фразу, довольно необычную для влюбленного:

— Говорят, что, когда в доме Банкаля убивали господина Фюальдеса, там присутствовала одна дама... и этой дамой были вы. Что вы на это скажете?

Любая другая женщина немедленно дала бы наглему пощечину, в крайнем случае, возмутилась бы или рассердилась. Но Кларисса просто улыбнулась:

— Все это правда. Я действительно была там. И все видела!

Спустя два дня месье Тела вызвал мадам Мансон к себе в кабинет. Она пришла, одетая еще более изысканно, чем всегда, в шляпке, украшенной султаном, надушенная, и с первых же слов следователя расхохоталась:

— Месье Клемандо — ничтожество, мне просто хотелось посмеяться над ним! Разумеется, я никогда не входила в этот ужасный дом, более того, я никогда не была на улице Эбдомадье.

Следователю оставалось только извиниться и проводить прекрасную посетительницу до дверей. Однако кое-какие из ходивших по городу слухов казались ему подозрительными, кроме того, ответ Клариссы офицеру повторяли на всех углах; скандал разгорался. Тела отправился к префекту, господину д'Эстурнелю, и тот вызвал к себе мадам Мансон.

Красавица опять все отрицала, но в тот же вечер, случайно встретив префекта в доме своего отца, неожиданно призналась, что действительно пряталась в одной из комнат дома Банкаля, но причины, заставившие ее оказаться там, никак не связаны с этим делом. Когда Бас-тид обнаружил ее, он захотел убрать неудобного свидетеля, и своим спасением она обязана исключительно месье Жозиону. Рассказ сопровождался слезами, отчаянными возгласами и завершился глубоким обмороком, после чего все бросились приводить ее в чувство. С этого дня мадам Мансон стала главным свидетелем по делу.

Однако это был странный свидетель: она меняла свои показания в зависимости от собственного настроения, от дня недели или личности допрашивающего. Когда жители Родеза окончательно запутались в ее показаниях и никто уже не знал, что и думать о Клариссе, делом заинтересовались в Париже. Из столицы были присланы журналисты, чтобы освещать процесс; они-то и дали ей прозвище «мадам Ложь».

Все с нетерпением ждали начала суда. Процесс начался 18 августа, состоялось двадцать заседаний, за время которых было опрошено около трехсот свидетелей. Главным свидетелем по-прежнему оставалась мадам Мансон, и от ее выступления зависело многое.

Наконец она выступила — но совсем не так, как от нее ожидали. Едва заняв место свидетельницы, Кларисса весьма картинно упала в обморок, а когда ее привели в чувство, усадили в кресло и председатель открыл рот, снова потеряла сознание. После третьего обморока она резко поднялась, обвела блуждающим взором зал, трагически протянула руку в сторону Бастида и воскликнула:

— Признайся же, несчастный! — Затем, обернувшись к изумленно взирающему на нее председателю, она печально произнесла:

— Нет, я никогда не была в доме Банкаля... — И потеряла сознание.

Клариссу унесли, а отчаявшийся председатель решил продолжать процесс, не прибегая более к помощи сей «странной особы». Приговор был суров: Жозиона, Бастида, Банкаля, Колара и Бускье приговорили к смерти, а жену Банкаля и девуцу Бенуа — к каторжным работам.

На этом можно было и завершить дело, однако адвокаты нашли грубые нарушения процедуры, обжаловали приговор, и процесс возобновился, только уже в другом суде — суде города Альби. На этот раз к группе обвиняемых присоединили еще один любопытный персонаж — прекрасную мадам Мансон, ареста которой потребовал лично королевский прокурор. Высший судебный чиновник был глубоко возмущен и шокирован той комедией, которую Кларисса разыграла в суде, и приказал отправить ее в тюрьму Альби как одну из подозреваемых. Однако если остальные обвиняемые совершали путешествие в водруженных на телеги железных клетках, то молодая женщина ехала верхом в элегантной амазонке, сопровождаемая семью жандармами, тремя офицерами и всей золотой молодежью города Родеза, любимицей которой она стала.

Такое положение дел многих удивляло — тем более что триумфальное турне получило свое продолжение в тюрьме города Альби, где Клариссу баловали и лелеяли. Она принимала посетителей, подарки, цветы и даже благодаря префекту однажды получила разрешение отправиться на бал в префектуру! О таком заключении можно было только мечтать...

25 марта 1818 года суд присяжных департамента Тарн возобновил слушания по делу — и возобновились обмороки Клариссы. Похоже, в зале суда железное здоровье мадам Мансон мгновенно расшатывалось, ибо в иных местах она сознание не теряла. Однако в промежутке между обмороками она успела бросить Бастиду:

— Несчастный! Ты хотел убить меня!

Больше от нее ничего не добились. Тем не менее процесс надо было кончать, и суд присяжных, отчаявшись, приговорил к смерти троих: Жозиона, Бастида и Колара. Впрочем, Бастид сам нашел способ выйти из игры: он отравился в тюрьме ярью-медянкой. Две женщины были отправлены на каторгу, Миссонье (одному богу известно, почему) получил два месяца тюрьмы... а загадочная мадам Мансон была полностью оправдана!

Все трое преступников были казнены 3 июля в Родезе. Перед казнью Колар плакал, Жозион уверял всех в своей невиновности.

Таков был финал этой драмы. Обычно завершенное дело и его участники вскоре перестают занимать общество, однако разговоры о мадам Мансон не прекращались. Через год она обвинила еще трех человек в причастности к убийству Фюальдеса, среди них был и комиссар полиции. К счастью, у всех троих было неопровержимое алиби, и дело заглохло. Но мадам Мансон попросили покинуть Родез: ее талантам явно было тесно в этом маленьком провинциальном городке.

Кларисса прибыла в Париж, где рассчитывала стяжать славу, написав мемуары. Однако кто же станет верить женщине, прозвище которой — «мадам Ложь»? Между тем жизнь Клариссы была вполне комфортабельной благодаря солидному пенсиону, который выплачивался ей до самой смерти... королевским правительством! Умерла она в 1835 году в Версале.

Еще при жизни Клариссы многие задавались вопросом, а не было ли ее странное поведение тщательно продуманным, не шла ли тут речь о мести некой августейшей особы? Кем были на самом деле Кларисса Мансон и месье Фюальдес? На эти вопросы ответов нет по-прежнему. Кое-кто полагает, что загадка сия теснейшим образом связана с тайной Людовика XVII...

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОШЕННИКИ

ВИНО ЛОНДОНСКОЙ КРАСАВИЦЫ

1. ПРИКЛЮЧЕНИЕ НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Юный Луи де Сент-Андре скучал. Две недели назад он прибыл в Англию улаживать дела с наследством матери, урожденной англичанки, и хотя знал английский язык с детства и не испытывал тех трудностей, которые обычно возникают у прибывших на остров французов, тем не менее английский образ жизни не пришелся ему по душе. К счастью, его пребывание здесь заканчивалось, и это радовало Луи.

Лондонские развлечения показались юному утонченному французу несколько грубоватыми, а манеры островитян, на его взгляд, оставляли желать лучшего. Но все же город можно было извинить: два года назад почти половина его населения погибла во время эпидемии чумы, а год назад случился большой пожар. Поэтому все, кому удалось пережить эти бедствия, обладали неумной страстью к удовольствиям, и чем грубее они были, тем с большим увлечением лондонцы им предавались.

Правящий тогда король Карл II, сын несчастного Карла I, обезглавленного по приказу Оливера Кромвеля, был, без сомнения, человеком очаровательным, однако излишне склонным к распутству. Видимо, он унаследовал эту страсть от деда, беарнца Генриха IV, и его гораздо больше интересовали собственные любовницы, нежели война с Голландией.

Привыкнув к элегантности, царившей в салонах жеманниц парижского квартала Марэ, Сент-Андре находил англичан неотесанными, а покрытый строительными лесами Лондон уродливым. Его последний день на острове был заполнен приятными мыслями о том, как завтра прилив мягко подхватит его корабль — а на это вполне можно было надеяться, поскольку на дворе стоял май, — и он помчится к парижским чаровницам.

Луи уже предвкушал, как в своих рассказах иронически изобразит картину времяпрепровождения английской аристократии, не признающей никаких напитков, кроме пива, и радостно орущей на всякого рода состязаниях, в которых она находила особое удовольствие.

Увы, он сознавал, что его описание английского света не будет полным, и это, по правде говоря, несколько его смущало. Дело в том, что Сент-Андре не мог похвастаться ни одной интрижкой с прекрасной англичанкой, хотя, несмотря на грубость нравов, женщины в Англии были в основном красивы. Однако то, что не удалось сделать за две недели, вряд ли можно восполнить за одну ночь. Луи смирился с тем, что свести более тесное знакомство с британским прекрасным полом он уже не успеет.

Ему оставалось убить еще несколько часов, и наш парижанин решил отправиться в Тауэр, чтобы в последний раз взглянуть на львов. Спустившись на берег Темзы, он отыскал среди скользивших по реке лодок свободную и поднял руку. Тотчас легкая лодочка, управляемая одним гребцом, причалила к берегу.

— Что угодно, сэр? — спросил лодочник.

— Отвези меня в Тауэр, но не торопись. Я просто хочу подышать воздухом.

Лодочник кивнул, помог Сент-Андре забраться в лодку и направил свой челн в сторону Тауэра. В те времена Темза была главной связующей артерией Лондона, можно даже сказать — его главной улицей, и движение по ней было не в пример оживленнее, чем в узких немощенных и заваленных отбросами улочках Сити. Яркое зрелище снующих по Темзе лодок заслуживало особого внимания и радовало глаз.

Мимо медленно проплывали берега; Луи де Сент-Андре смотрел по сторонам и разглядывал пассажиров лодок и челноков, скользивших вокруг него по волнам.

Внезапно он вздрогнул. Его лодка обогнала маленькое изящное суденышко, выложенное изнутри бархатными подушками, на которых полулежала очаровательнейшая женщина. Ей было года двадцать два — двадцать три, она обладала прелестным цветом лица, являвшим великолепный контраст с огромными черными глазами и густыми светло-серебристыми волосами. На ней было роскошное черное бархатное платье с глубоким

вырезом, дерзко выставлявшим напоказ великолепные плечи и круглую упругую грудь, украшенную дорогим жемчужным ожерельем.

Столь великолепные создания встречались нечасто, и Сент-Андре тотчас подумал, что это, вероятно, одна из любовниц короля. Все знали, что Карл II, имея вполне официальную фаворитку Барбару Палмер, герцогиню Каслмейн, никогда не пропускает ни одной красотки.

Ослепленный и завороженный, молодой француз с трудом оторвал взгляд от прекрасной незнакомки. Когда же Луи вновь обернулся, чтобы еще раз полюбоваться ею, он с замиранием сердца заметил, что она тоже смотрит на него и улыбается. Улыбка была недвусмысленная, настойчивая и позволяла восхититься белоснежными зубками красавицы.

Сент-Андре мгновенно проглотил наживку. Повернувшись к гребцу, он сказал:

— Остановитесь на минуту! Позвольте вон той лодке догнать нас, а потом, когда она нас обгонит, следуйте за ней.

Лодочник подчинился, и его утлое суденышко последовало за роскошной лодкой незнакомки. По дороге Сент-Андре спросил:

— Ты случайно не знаешь, кто эта дама? Наверняка она из очень знатного рода!

Лодочник попытался уклониться от ответа, но так как пассажир настаивал, пожал плечами и весьма нелюбезно буркнул:

— Ее прозвали Лондонской Красавицей, потому что, говорят, она самая красивая женщина во всем городе. Что же касается ее знатности... Я только знаю, что ее зовут Молли Сиблис.

— Но она, по крайней мере, из благородной семьи?

— Она так говорит... Но лучше спросите у нее сами!

И лодочник столь гадко ухмыльнулся, что молодой барон не стал более расспрашивать грубияна. Впрочем, того, что он узнал, ему было вполне достаточно. Теперь оставалось только следовать за лодкой этой очаровательной женщины, а когда она сойдет на берег, попытаться завязать с ней беседу.

Возбужденный обольстительной улыбкой Лондонской Красавицы, Сент-Андре преисполнился решимости не отплывать из Англии до тех пор, пока не познакомится поближе со столь обворожительным созданием.

Они плыли почти вплотную друг за другом, но когда лодка красавицы повернула к берегу напротив Тауэра, Сент-Андре приказал своему гребцу опередить ее, чтобы первым очутиться на суше. Сей ловкий маневр позволил ему предложить руку красавице Молли, когда та отважилась ступить своей крошечной ножкой на твердую землю. Затем, отвесив ей такой поклон, словно перед ним была сама королева, Луи заговорил:

— Мадам, простите мне мою дерзость, но, увидев вас однажды, я не устоял перед искушением еще раз взглянуть на вас...

Красавица вновь удостоила его своей призывной улыбкой, и Сент-Андре почувствовал, как сердце его тает.

— Мне не в чем вас упрекнуть, сударь, потому что я сама не смогла сдержаться и улыбнулась вам. Вы ведь француз, не так ли?

— Вы правы, мадам, и я готов служить вам! Но как вы догадались...

— У вас французский акцент. Мне нравятся французы. Всегда нравились... Раз вы столь любезно предлагаете свои услуги, позвольте мне опереться на вашу руку и проводите меня домой. Это недалеко отсюда, на набережной. Но скажите, как вас зовут? Мне кажется, вам пора представиться...

Краснея от смущения, Сент-Андре назвал себя; в ответ он услышал, что красавицу зовут леди Сиблис и она вдова. Покончив к обоюдному удовольствию со светскими церемониями, они направились к сумрачному с виду дому — одному из тех немногих, которые не пострадали во время пожара на этой улице. Дом был добротный, каменный, с толстыми решетками на окнах первого этажа.

— Мой дом выглядит не слишком веселым, — заметила Молли Сиблис, — но он служил мне прекрасной защитой во время недавних стихийных бедствий, и я люблю его. А если вам будет угодно зайти ко мне, вы сможете убедиться, что внутри он гораздо более приветлив, чем снаружи.

Француз с радостью принял любезное приглашение, поскольку сгорал от желания ближе познакомиться с этой обольстительной женщиной, чей голос, низкий и чуть хрипловатый, кружил ему голову так же, как и ее улыбка.

Внутри дом действительно оказался весьма уютным. Он был превосходно, даже изысканно обставлен: мебель исключительно дорогая, зеркала венецианские, ковры привезены с Востока, серебряная посуда изготовлена лучшими мастерами.

Учитывая небольшие размеры жилища, прислуги в нем было мало: пожилая служанка, которую мадам Сиблис представила как миссис Токер, и хорошенькая молоденькая девушка, темноволосая, с томным взором; ее звали Кейт, и она была горничной мадам Сиблис. Ни лакея, ни привратника, ни одного слуги мужского пола. Предупреждая удивление гостя, Лондонская Красавица объяснила это своим недавним вдовством:

— Мой дядя со стороны мужа — человек на редкость строгих нравов. Он приглядывает за мной и требует, чтобы я жила как можно более тихо и скромно. А от лакеев, сами знаете, столько шума и суеты... Но позже, полагаю, я их заведу!

Объяснение было не слишком убедительным, однако Сент-Андре, в сущности, пропустил его мимо ушей, пребывая в совершеннейшем восхищении от приглашения на ужин, который хозяйка тотчас распорядилась подать.

К великому изумлению француза, ужин оказался превосходным: блюда изысканные, вина тонкие — и ни одного кувшина с пивом на столе. И если бы прислуживала им не миссис Токер, то лучшей обстановки и желать было нельзя. Не то чтобы служанка плохо справлялась со своими обязанностями — просто она, проходя мимо молодого человека, каждый раз глядела на него столь печально, что в конце концов ему стало не по себе. Луи вздохнул с облегчением, когда по окончании ужина Молли отпустила и служанку, и горничную, заявив, что они ей больше не понадобятся.

Оставшись одни, новые друзья продолжили разговор, не забывая при этом пить испанское вино. Молодая женщина ловко выпросила своего гостя о целях его путешествия, о его занятиях, его семье, его связях. Вино ударило в голову Сент-Андре и сделало его особенно разговорчивым, а волнующее соседство красавицы опьяняло еще сильнее.

Дерзость француза все возрастала, а сопротивление Молли Сиблис, напротив, ослабевало с каждой минутой. Наконец собеседники умолкли: уста их слились в продолжительном поцелуе. Когда же они оторвались друг от друга, Молли еле слышным шепотом объяснила молодому человеку, где находится ее спальня... и, как вы догадываетесь, дважды ей объяснять не пришлось.

В объятиях этой англичанки Луи Сент-Андре пережил одну из тех ночей, которые мужчины обычно запоминают надолго, иногда на всю жизнь. Молли оказалась пылкой, сладострастной и изобретательной любовницей, так что уснул молодой человек только на заре, не заметив, как за окном занимался новый день. Но долго спать ему не пришлось.

С трудом открыв глаза, Луи увидел, что уже утро, а над ним склонилась Молли и отнюдь не нежно трясет его за плечо.

— Быстрее, быстрее! Вставайте! Пора уходить.

— Как? Так быстро? Но почему?

— Из-за дяди! Я же говорила вам, по утрам он иногда навещает меня, и я боюсь, что он придет именно сегодня. А предчувствия меня никогда не обманывают... Умоляю вас, уходите! Если он встретит вас здесь, мы погибли...

— Что за глупость! У меня есть шпага, и я сумею защитить нас обоих. К тому же я хочу еще раз встретиться с вами!

— Вы можете прийти сегодня, когда стемнеет. А пока уходите, заклинаю вас!

Она была в таком ужасе, что Луи не стал настаивать. Быстро одевшись, он последний раз поцеловал ее, а потом сбежал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки сразу.

В доме было тихо, и Луи не сомневался, что все спят. Однако, к великому своему удивлению, в передней он увидел служанку, которая показалась ему еще более печальной, чем вчера.

Сент-Андре приказал ей отпереть дверь, но вместо этого она неожиданно приложила палец к губам и зашептала, то и дело бросая испуганные взгляды на верхнюю площадку лестницы:

— Сударь, ради бога и ради спасения вашей души, умоляю вас, не приходите больше в этот дом! С вами случится несчастье!

— Несчастье? Что за ерунда! С чего вы это взяли, почтеннейшая?

— Больше я не могу вам ничего сказать. Вы ведь, кажется, должны были отплыть во Францию сегодня, когда начнется прилив? Вот и прекрасно, отплывайте! Отплывайте — и даже не думайте сюда возвращаться, постарайтесь поскорей забыть и этот дом, и эту женщину!

— Эту женщину? Вашу хозяйку? Как вы странно о ней говорите!

— О, сударь, вы ее не знаете! Предупредив вас, я подвергла себя большой опасности, и...

— Да кто она такая, черт побери?! Сам дьявол?

— Не спрашивайте меня! Я могу только повторить: уезжайте — и как можно скорее!

Служанка почти насильно вытолкнула молодого человека из дома и старательно заперла за ним дверь.

Очувшись на улице, Сент-Андре немного постоял, поеживаясь от утреннего тумана и пытаясь понять, что же с ним произошло. Он провел дивную ночь... однако тон пожилой служанки заставил его содрогнуться. Не в силах объяснить, почему, он вдруг почувствовал жгучее желание последовать ее совету, сесть на корабль и, как собирался прежде, немедленно отплыть во Францию.

Однако Луи был молод, влюблен, а воспоминания о ночи безумств были слишком свежи и горячи, чтобы он мог найти в себе мужество более сюда не возвращаться — хотя бы еще один раз.

«Еще одна ночь, всего лишь одна ночь, а потом я уеду, — твердил он себе. — Что может случиться за одну ночь?»

Укрепившись в этом решении, Луи отправился в комфортабельную гостиницу «Сомон», где он проживал с первого дня своего прибытия в Лондон, и уведомил хозяина, что желает остаться еще на один день.

2. МЕСТЬ

Когда настал вечер и ночной сумрак опустился на Лондон, Луи де Сент-Андре вышел из гостиницы, предупредив, что вернется не раньше утра; он нанял лодку и, как вчера, приказал везти себя к Тауэру. Ночь была теплая и безмятежная, самая подходящая для любви, и молодой человек, подставляя лицо ночному ветерку, с радостью предвкушал ожидающие его ласки.

Отослав лодочника, Луи бодрым шагом направился к дому Лондонской Красавицы, и, подойдя к двери, постучал условленным стуком.

Открыла ему, как и следовало ожидать, миссис Токер. При виде молодого человека служанка побледнела и горестно покачала головой.

— Ах, сударь, — зашептала она, — как вы неразумны! Почему вы не уехали? Я же умоляла вас уехать!

Сент-Андре не удостоил ее ответом. Впрочем, у него уже не было выбора: на верхней площадке широкой дубовой лестницы появилась Молли в ослепительном домашнем платье из белого шелка. Улыбнувшись, она протянула к нему руки, и молодой человек

совершенно потерял голову. Забыв о предостережении почтенной миссис Токер, он устремился к чаровнице...

Эта ночь была еще более упоительной, чем предыдущая, и когда на заре Луи вернулся к себе в гостиницу, он был влюблен бесповоротно и столь же бесповоротно решил на время остаться в Англии: как можно покидать обретенный рай! В одно мгновение Англия стала для него поистине землей обетованной...

Затем последовали еще десять упоительных ночей, но теперь уже, являясь к заветной двери, Сент-Андре всякий раз приносил с собой подарок. Красавица Молли обладала подлинным талантом принимать подарки — очаровательные и ужасно дорогие безделушки, а Сент-Андре, влюбляясь все больше и больше, старался предугадать все ее желания. Тем более что благодарность за эти подарки была столь сладостна...

Надо сказать, что печальная миссис Токер, которая каждое утро выпроваживала Луи за дверь, продолжала заклинять его бежать, пока еще есть время. В конце концов он решил, что пожилая служанка просто-напросто повредила умом, и на ее предупреждения отвечал усмешкой.

Однако кое-что все же беспокоило его. Юная Кейт, горничная Молли, оказавшаяся дочерью миссис Токер, ни разу не заговорила с ним, но при этом порой бросала на него красноречивые взгляды, в которых странным образом смешались страх, любовь и тоска. Казалось, она испытывает те же опасения, что и ее безумная матушка...

Решив во всем этом разобраться, Сент-Андре стал потихоньку собирать сведения о привычках обитательниц дома, куда приходил только по ночам. Он узнал, что после полудня Молли обычно сопровождала на прогулку своего сурового дядюшку; следовательно, это был самый удобный момент, чтобы немного поболтать с прислугой. И вот однажды молодой человек постучал в уже хорошо знакомую ему дверь в три часа пополудни.

Ему открыла Кейт. Узнав его, она вскрикнула от страха и попыталась захлопнуть дверь, однако Сент-Андре успел вставить в щель ногу.

— Не бойся, — сказал он девушке. — Я не желаю тебе зла, дитя мое. Позволь мне войти.

— Но дома никого нет, и это будет неприлично! Матушка пошла за покупками...

— Вот и прекрасно! Именно с тобой я и хотел поговорить.

— Со мной?! Почему со мной?..

— А почему бы и нет? Ты такая хорошенькая, мне уже давно хочется познакомиться с тобой поближе.

Француз умел разговаривать с женщинами, и на этот раз он попал в самую точку. Светлые глаза девушки выдали ему тайну ее простодушного сердца: Луи сразу понял, что Кейт готова исполнить любое его желание. После первой же мимолетной ласки она проводила красавчика-француза к себе в комнатку, расположенную под самой крышей дома.

Любовные игры с юной Кейт были приятны, но Сент-Андре пришел вовсе не ради них. Он хотел выяснить, что же на самом деле представляет собой та женщина, в которую он столь безоглядно и неосмотрительно влюбился, а также узнать, о какой таинственной опасности неумоимо твердит миссис Токер.

Кейт не стала охранять не только собственную добродетель, но и секреты своей хозяйки. Молодой человек услышал то, что хотел: правду о Молли Сиблис. И правда оказалась далеко не столь приглядной, какой она выглядела в рассказах Лондонской Красавицы.

Молли Сиблис родилась отнюдь не в шелках и бархате — она была дочерью простого ирландского крестьянина. Природа наделила ее дивной красотой, забыв при этом дать ей совесть и душу, однако красота, как известно, всегда являлась грозным оружием, и с его помощью девушка быстро сумела изменить свое жалкое положение.

Родители отдали Молли в работницы к богатому фермеру; там она начала с того, что соблазнила старшего слугу, а потом уговорила его убить их хозяина. Поскольку слуга был первым, кто воспользовался прелестями очаровательной служанки, то он, растрогавшись, сообщил ей по секрету, где хозяин прятал деньги. Молли забрала деньги и тут же выдала своего дружка полиции. Прежде чем несчастный парень сообразил, отчего с ним случилось это несчастье, его уже вздернули на виселице.

Не оставив свидетелей и запасшись деньгами, Молли направилась в Лондон, где ее красота сразу привлекла внимание мужчин. Выбирая себе в любовники людей известных и со вкусом, она постепенно приобрела репутацию женщины изысканной и со временем сумела проникнуть в аристократические и финансовые круги.

Однако всем сановникам, которые, как правило, пребывали в возрасте почтенном и внешность имели далеко не соблазнительную, Молли втайне предпочитала молодых иностранцев — богатых и красивых. К несчастью, все иностранцы, вкусив прелестей Лондонской Красавицы, таинственным образом исчезали, и Молли отправлялась на поиски следующего.

— И в чем же тут тайна? — произнес Сент-Андре, хотя, надо признать, рассказ этот неприятно поразил его. — Раз речь идет об иностранцах, наверное, они всего-навсего уезжали к себе на родину. А если их больше никто не видел, значит, они просто никогда не возвращались сюда...

— Их видели! — испуганно прошептала Кейт. — Видели... когда Темза выбрасывала на берег их тела. Но никто не знает, как они попали в реку...

Сент-Андре молчал. Ему не хотелось верить словам девушки, но внутренний голос шептал ему, что она говорит правду. Чтобы сменить тему разговора, он сказал:

— Твоя хозяйка выдает себя за вдову. Она и вправду вдова?

— Да. Она соблазнила старого финансиста из Сити, который женился на ней, однако насладиться своим счастьем не успел. Он скоропостижно скончался почти сразу после свадьбы, и никто даже не попытался выяснить, отчего. Впрочем, этому не следует удивляться: ведь у хозяйки обширные связи, в том числе и в полиции.

— А знаменитый дядюшка?

На этот вопрос Кейт не ответила. Соскочив с кровати, она стала умолять своего любовника уйти, ибо вскоре должна была вернуться хозяйка. Не желая столкнуться с Молли нос к носу, Сент-Андре решил

продолжить расспросы в следующий раз, хотя, в сущности, он узнал все, что требовалось.

Помогая Луи одеться, Кейт умоляла его последовать советам ее матушки и поскорее отплыть во Францию, лучше всего — если это возможно — прямо сегодня вечером.

— Я знаю, что потеряю вас, — сказала девушка. — Но если вы погибнете, я тем более вас потеряю — и уже навсегда. И мне будет очень горько...

Спускаясь по лестнице, молодой человек уже твердо знал, что нужно немедленно уезжать. Он даже решил по дороге в гостиницу завернуть в порт и справиться о корабле, отплывающем во Францию.

— Послушай, — обратился он к Кейт, — сегодня вечером я сюда не приду. Но я предлагаю тебе завтра же разыскать меня в гостинице «Сомон» — и мы уедем вместе. Если твоя матушка пожелает, бери и ее с собой, во Франции я о вас позабочусь. Вы не сможете долго оставаться в этом доме...

Кейт не успела дать ответ: едва они подошли к двери, как она распахнулась, и на пороге появилась Молли Сиблис.

Холодным взглядом Лондонская Красавица окинула сначала Сент-Андре, который, несмотря на все свое самообладание, слегка покраснел, а потом Кейт, которая, не сдержавшись, испуганно вскрикнула.

— Скажите, друг мой, что вы здесь делаете в этот час? Я не привыкла к неожиданным визитам...

— Я знаю, но меня вынудили к этому обстоятельства чрезвычайные. Дело в том, что я пришел попроситься. Семья отзывает меня во Францию... и торопит, поэтому, к великому своему сожалению, я должен отплыть сегодня вечером. Я так расстроился, что решил прийти пораньше, надеясь застать вас дома.

Подозрительное выражение тотчас исчезло с лица Молли, и она лучезарно улыбнулась. Красавица нежно взяла молодого человека за руку.

— Вы правильно сделали, друг мой, и справедливо решили, что я бы не простила вас, если бы вы уехали не попрощавшись. Ах, как мне не хочется так быстро расставаться с вами! Однако, надеюсь, у вас еще найдется для меня несколько минут? Почему бы нам не поужинать вместе в последний раз? Кейт! Быстро все приготовь: господин барон покидает нас сегодня вечером.

Дрожащая девушка молча поклонилась и убежала исполнять приказание. Молли с улыбкой посмотрела ей вслед.

— Идемте, друг мой, — произнесла она, увлекая молодого человека за собой. — Наш последний ужин мы устроим у меня в спальне.

Сент-Андре недолго колебался. В конце концов, именно этой женщине он был обязан дивными часами любви, было бы просто неприлично и грубо вот так, не попрощавшись, расстаться с ней. Главное, чтобы она ни в чем не заподозрила Кейт — а завтра они оба будут уже далеко.

Молли в этот вечер была нежна и ласкова, как никогда, и никогда еще она не была так красива. К ужину она облачилась в платье из дорогих кружев, напоминавшее роскошный ларец для драгоценностей, а драгоценностью было ее восхитительное тело; густые золотистые волосы свободно рассыпались по плечам красавицы.

Она была так прекрасна, что Сент-Андре вновь позволил страсти одержать над ним верх; все предупреждения и все тревоги Кейт были отброшены за ненужностью.

«Она просто клеветает на нее из ревности! — подумал он. — Разумеется, Кейт миленькая, но она наверняка знает, что не может сравниться со своей хозяйкой, и поэтому злится».

— Сегодня вы так угрюмы и задумчивы, друг мой! — вздохнула Молли. — Что заставляет вас печалиться?

— Мне жаль расставаться с вами, любовь моя.

— Не грустите. Вы вернетесь... Подождите! — вдруг воскликнула она, вставая. — Сейчас я верну вам бодрость: у меня есть восхитительное вино — специально для опечаленных сердец.

Молли открыла шкафчик и вынула оттуда бутылку с золотистой жидкостью и два стакана. Наполнив стаканы, она протянула один из них молодому человеку.

— Выпьем за нашу любовь! — торжественно произнесла она, беря другой стакан, и сделала вид, что пьет. Спустя несколько мгновений Луи де Сент-Андре действительно покинул Англию... и этот мир. Он лежал на постели своей любовницы, холодный и недвижимый, а Молли, бросив на него последний взгляд и опустошив его карманы, отправилась будить миссис Токер. Она велела ей сходить в ближайшую таверну и позвать человека, который отзывался на весьма распространенное имя Джек.

Миссис Токер молча встала с кровати и принялась одеваться; взглянув на спавшую вместе с ней Кейт, она увидела, что девушка проснулась и лицо ее посерело от страха.

— Хозяйка опять за свое! — тихо вздохнула миссис Токер. — Молодой француз наверняка уже мертв... Почему, ну почему он меня не послушался?! Но... что с тобой?

Этот возглас относился к Кейт, которая внезапно вскочила и теперь поспешно натягивала на себя платье.

— Мне тоже нужно идти. Обещай мне, что не отыщешь Джека раньше чем через час!

— Что ты хочешь сделать? Предупредить полицию? Ты прекрасно знаешь, что это ни к чему не приведет. У мадам полно друзей в полиции.

— Там, куда я пойду, у нее нет друзей! И я не оставлю это преступление безнаказанным. Молодой француз любил меня, он хотел увезти нас с собой... Я хочу отомстить!

Не желая ничего слушать, Кейт стрелой помчалась к французскому посланнику и все ему рассказала; голос ее звучал так убедительно, что ей сразу поверили. Спустя час в дом к Молли Сиблис явились с охраной служащие посольства и обнаружили там остывший труп несчастного Сент-Андре.

Убийцу мгновенно арестовали. Кейт была права: там, куда она обратилась, у Лондонской Красавицы друзей не было...

Подвергнутая пытке, Молли быстро созналась во всех своих преступлениях. Похоже, ей даже доставляло удовольствие перечислять их и подробно расписывать, как умирали ее жертвы; особенно охотно она рассказывала о смерти своего супруга.

Королевский суд приговорил Молли Сиблис к повешению, однако ей не довелось подняться на Тайбернский холм, где высилась виселица. У нее действительно повсюду были друзья, которые предупредили короля, что собираются повесить самую красивую женщину Лондона. И Карл II, великий ценитель женской красоты, заменил смертную казнь ссылкой на Антильские острова. Молли препроводили на корабль, который должен был отплыть на заре; но вечером на корабль явились люди в масках, забрали ее и увели в неизвестном направлении. Спустя сутки, ночью, легкая фелука доставила Молли во Францию. Считают, что эти сутки Лондонская Красавица провела в постели Карла II, пожелавшего лично убедиться, действительно ли эта женщина столь прекрасна, как говорили.

В Париже, где Молли обосновалась под чужим именем, она продолжила свои подвиги. Однако Франция — не Англия. Кроме того, Молли допустила роковую неосторожность: она сделала своим любовником лейтенанта полиции, который оказался нечувствительным к некоторым проявлениям английского юмора. Кончилось тем, что в один прекрасный вечер, при свете факелов, месье де Рени попросту отправил Молли Сиблис на эшафот...

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА ЛЕЗЮРКА (Дело о лионской почте)

Страшная Революция окончилась, и гражданин Жозеф Лезюрк, сумевший пережить ее без единой неприятности, мог считать себя человеком счастливым. Это был высокий малый тридцати трех лет от роду, с приятным лицом, обрамленным льняными волосами, которые нередко встречаются у уроженцев северных провинций. У него была очаровательная жена, красивая, нежная и добрая, которой очень подходило ее имя Жанна-Эме. Она и трое детей составляли все счастье Лезюрка. Денежные дела его не беспокоили совершенно, поскольку в смутное время он сумел совершить ряд удачных спекуляций с национальным имуществом и тем самым сколотить себе изрядный капитал. Теперь он до самой смерти мог безбедно жить на ренту с этих денег. Не так плохо для тридцати трех лет!

Утром 11 мая 1796 года жизнь, как никогда, улыбалась Лезюрку. Погода была великолепная, и лотки цветочниц на Новом мосту, где он имел обыкновение прогуливаться, расцветали всеми красками весны. Здесь же гомонили разносчики, придававшие празднующейся по знаменитому мосту толпе живости и веселья. Синее небо отражалось в водах Сены, и казалось, будто реку только что выкрасили ярко-голубой краской.

Действительно, более удачной погоды для прогулки выбрать было просто невозможно, и Лезюрк, гордый своей новой фракной парой орехового цвета, которую вчера принес ему портной, не спешил вернуться к себе на улицу Монторгей. Все было прекрасно, и единственное, чего не хватало Лезюрку, — это приятеля, с которым можно было бы поболтать, прогуливаясь среди многочисленных лотков торговцев, лодочников и просто

зевак. Когда ты счастлив и светит солнышко, так и хочется поделиться своим счастьем со всеми на свете!

И вожделенный приятель появился — из-за спины торговки вафлями неожиданно вынырнул некий Гено, подрядчик, занимавшийся армейскими перевозками. Родом он, как и Лезюрк, был из Дуэ, но приятели долго не виделись, поскольку Гено в силу своих занятий никогда не засиживался на одном месте.

Мужчины от души обнялись и расцеловались.

— Так, значит, ты в Париже? — воскликнул Лезюрк. — А я думал, ты еще в Шато-Тъери.

— Я только что приехал! — воскликнул Гено. — Меня вызвали во Дворец правосудия. Ты, наверное, знаешь, что один из убийц, проходящих по делу о лионской почте, был задержан именно в Шато-Тъери — в том самом пансионе, где остановился и я. Так вот, в момент ареста полиция изъяла все найденные в доме бумаги, в том числе и мои. Естественно, я потребовал их вернуть! И теперь меня вызвали во Дворец правосудия — видимо, чтобы вернуть мне мои бумаги. Я как раз туда направляюсь и поэтому, к моему великому сожалению, вынужден тебя покинуть, иначе я рискую опоздать.

— Ну нет, я не согласен! Ты же знаешь, у меня масса времени, и если ты не возражаешь, я пойду с тобой. Мы поболтаем по дороге.

И мужчины направились к Дворцу правосудия, чьи средневековые башенки щедро золотило утреннее солнце. Они и не подозревали, что их уже ведет рука судьбы.

Дело о лионской почте обсуждалось в Париже на всех углах. Несколькими неделями раньше, 27 апреля, или, как тогда говорили, 8 флореаля, почтовая карета из Лиона загружалась во дворе «Пла д'Этен» на улице Сен-Мартен, где были расположены конторы почтовых перевозок. Груз был очень ответственный: в лионскую почтовую карету загрузили не только мешки с письмами, но и семь миллионов ассигнациями. Это было жалованье для солдат Итальянской армии, которой командовал некий Бонапарт, почему-то постоянно одерживавший самые неожиданные победы.

Почтовую карету, представлявшую собой длинный ивовый возок, запряженный тремя могучими першеронами, сопровождали кучер Эскофон и фореитор Оде-бер. Мест для пассажиров в возке не было, кроме одного — на облучке, рядом с кучером. Обычно за приличное вознаграждение оба сопровождающих позволяли себя уговорить и брали одного пассажира, не боявшегося непогоды.

На этот раз пассажиром стал Пьер Лаборд, виноторговец из Тур-де-Пен, который попросил довезти его до самого Лиона. Паспорт у Лаборда был в порядке, за место он заплатил, и никто, глядя на него, не заметил ничего необычного. Напротив, необычным работники почты сочли тот факт, что карету, доверху набитую деньгами, отправляют по дороге, кишашей разбойниками, без всякого эскорта.

— Такие деньги — и всего два человека! Ну три, вместе с пассажиром... Маловато для подобного груза, — говорили они. — Директория могла бы послать вместе с вами хотя бы взвод жандармов.

— У жандармов и без нас есть чем заняться, — отшучивался Эскофон. — Мы с Одебером лучше всяких жандармов защитим нашу повозку от разбойников. Дорогу мы хорошо знаем, спешить не будем и к черту в пасть не полезем.

Засим тяжелая повозка тронулась с места, под звон бубенцов выехала со двора «Пла д'Этен» и по бульварам покатила в Шарантон. Там, сменив лошадей, кучер взял направление на Мелен, оттуда было уже сравнительно недалеко до Лиона. Но меленский почтмейстер напрасно ждал прибытия лионской почты...

Однажды утром примерно в лье от Мелена, на перекрестке, перепуганные крестьяне обнаружили тело Одебера — исеченное сабельными ударами, оно валялось в канаве. Немного подальше с перерезанным горлом лежал Эскофон. Две выпряженные из кареты лошади были заботливо привязаны к дереву — их ржание и привлекло крестьян к месту трагедии. Почтовый возок, стоявший немного поодаль, был пуст, рядом с ним валялись

почтовые мешки, содержимое которых — письма и мелкие пакеты — было рассыпано по полю. Виноторговец по имени Пьер Ааборд исчез.

Едва жандармерия начала расследование, как от свидетелей не стало отбоя: бандиты были настолько неловки, что совершили злодеяние чуть ли не у всех на глазах. Небывалый случай! Тотчас стало известно, что помимо Пьера Лаборда, чье участие в ограблении ни у кого сомнений не вызывало, преступников было четверо. Свидетели в один голос твердили, что на участке дороги между Шарантоном и Меленом несколько дней подряд курсировали четыре всадника с весьма подозрительными физиономиями. В Шарантоне эти люди зашли в кабачок Шатлена пропустить по стаканчику, и хотя вели они себя тихо, две служанки, гражданка Гростет и гражданка Сотой, прекрасно их запомнили. То же произошло и в Мелене, где у одного из всадников отлетела шпора и он попросил веревочку, чтобы подвязать ее. Наконец ближе к вечеру накануне рокового дня разбойники остановили крестьянина и спросили у него, в котором часу почтовая карета на Лион обычно проезжает через лес. Словом, в искусстве оставлять после себя следы преступники могли бы поспорить с самим Мальчиком с пальчик.

Третий першерон из тех, что были запряжены в почтовую карету, покорно вернулся к себе в конюшню; еще одну лошадь, явно принадлежащую бандитам, нашли на улице Парижа. Отыскать барышника, снабдившего конями четверых преступников, труда не составило. Барышника звали Бернар; его запугали, и он указал на человека по имени Этьен Куриоль, с которым вел переговоры о найме лошадей. Этого-то Куриоля и арестовали в Шато-Тъери. При нем были найдены толстая пачка ассигнаций из лионской почты и кое-какие бумаги, которые были тут же конфискованы, — а заодно с ними и бумаги Гено.

Когда Лезюрк и Гено прибыли в обитель правосудия, им предложили подождать в просторной передней, где на скамьях уже сидело множество людей. Напротив них расположились две женщины крестьянского вида; пристально посмотрев на обоих друзей, они неожиданно пришли в неопишное волнение. Как потом выяснилось, это были гражданки Сотой и Гростет, служанки из кабачка в Монжероне: они прибыли сюда, чтобы вторично свои показания перед судьей Добетоном, которому было поручено вести расследование по делу о лионской почте. Служанки так яростно перешептывались, глядя на Лезюрка, что тот, раздраженный, повернулся к ним спиной. Впрочем, вскоре женщины исчезли за дверью кабинета судьи.

Они оставались там довольно долго. Лезюрк и Гено уже готовы были возмутиться затянувшимся ожиданием, как вдруг к ним подошел жандарм и заявил, что судья ждет их.

— Нет, мне к судье не надо, — рассмеялся Лезюрк. — Это у моего друга дела с правосудием.

— Судья приказал привести вас обоих! Вы должны идти вдвоем.

Решив, что жандарм ошибся, Лезюрк пожал плечами и последовал за приятелем к судье. Там его ждал неприятный сюрприз: его обвинили в том, что он — один из участников банды, ограбившей лионскую почтовую карету!

— Это точно он! — взволнованно говорила гражданка Сотой. — Я его узнала! Подумайте сами — такие волосы нечасто встретишь.

— Вы... меня узнали?! — в изумлении выдавил из себя Лезюрк. — Но где вы могли меня видеть?

— Да у нас в трактире, в Шарантоне, где же еще? Вы с приятелями зашли выпить по стаканчику, я видела вас собственными глазами, и гражданка Гростет — тоже. И этот, второй, гражданин тоже там был, клянусь!

— Я?! — изумился Гено. — Господин судья, да они обе просто с ума сошли!

— А это мы еще посмотрим, — отрезал судья и обратился к жандарму:

— Идите и приведите заключенных.

В Консьержери уже было двое узников, проходивших по делу о лионской почте: Куриоль и его приятель по имени Ришар, который хотел помочь другу бежать, однако сам

был задержан. Служанки тотчас опознали и Куриоля, и его приятеля, поэтому у судьи не было оснований сомневаться в их правдивости относительно Лезюрка. Тем более что «карточка благонадежности», которую он предъявил, желая доказать свою лояльность, оказалась фальшивой... Вдобавок судьба зло посмеялась над друзьями: Гено, как оказалось, был знаком с Куриолем, которого он встречал в Шато-Тьери, а Лезюрк — с Ришаром, у которого он несколько раз обедал. Итак, день этот, начавшийся для молодого рантье столь счастливо, завершился для него мрачно и печально — в тюремной камере, в каменных стенах Консьержери.

Сорок восемь часов несчастная Жанна-Эме не знала, что случилось с ее мужем. В отчаянии она искала его повсюду, не зная, какому святому молиться, и дрожа от страха — она боялась, не случилось ли с ним что-нибудь ужасное. На третий день к ней нагрянули жандармы; они перевернули вверх дном ее жилище, пытаясь отыскать улики, и вскользь сообщили ей, что муж ее обвинен в убийстве: он причастен к делу о лионской почте.

Жанна-Эме помчалась в тюрьму, захватив с собой, как ей посоветовали, немного белья, одежды и денег. Как ни странно, свидание тотчас разрешили, и, упав на грудь к мужу, она разрыдалась.

— Жозеф! Ведь это невозможно! Скажи мне, что это не правда!

— Ну как же это может быть правдой, Эме? Ты прекрасно знаешь, что в этот день я не покидал Парижа. Я обедал у приятелей, и они могут это подтвердить. Не волнуйся: это ошибка, и она скоро разъяснится.

— А эти женщины, которые тебя обвинили?

— Именно они и ошибаются — очевидно, я стал жертвой случайного сходства. Не переживай. Верь мне и ничего не бойся. Я скоро вернусь домой.

Лезюрк и в самом деле в этом не сомневался: у него было неопровержимое алиби и множество свидетелей. К несчастью, судья отнесся к нему предвзято: он почему-то свято уверовал в показания служанок. По мнению Добетона, свидетельства друзей Лезюрка могли быть только ложными, и он не желал тратить время на их заслушивание до начала процесса. Впрочем, ждать пришлось недолго: в те времена суд был скорый и не слишком отличался от суда во времена Террора.

Процесс начался 2 августа. Лезюрк ждал его с нетерпением, уверенный, что на суде ему дадут слово, выслушают и, наконец, позволят объяснить присяжным и зрителям, что произошло.

В зале стояла страшная жара. Взволнованная толпа никак не могла угомониться, а когда ввели пятерых обвиняемых, по рядам зрителей пробежал ропот. Обвиняемыми были Лезюрк, Гено, Куриоль, Ришар и Бернар, барышник.

Когда Лезюрку дали слово, он встал и громко заявил о своей невинности, заверив суд, что ночь, когда произошло ограбление, провел у себя дома, на улице Монторгей. Однако присяжные слушали его вполуха: всем не терпелось выслушать основных свидетелей — двух служанок, кабатчика, крестьянина из Мелена и конюхов. Все эти люди, без исключения, опознали Лезюрка! Как ни странно, каждый из них обратил особое внимание на его волосы.

— Но у меня же есть не только волосы! У меня еще есть лицо! — стонал несчастный. — Посмотрите повнимательнее, разве вы его узнаете?

— Черт возьми! — вскричала, распалившись, Сотон. — Да это точно он, я его видела!

Переубедить ее было невозможно.

— Все они ошибаются! — в отчаянии воскликнул Лезюрк, обратившись к присяжным. — Клянусь, они принимают меня за другого. Я стал жертвой роковой ошибки!

Он чуть не расплакался, но сумел взять себя в руки: долгие дни, проведенные в тюрьме, научили его мужеству. Он не переставал надеяться, что, когда выслушают его свидетелей, все прояснится.

Первым свидетелем был друг Лезюрка, ювелир Легран, державший лавочку в Пале-Рояле. Лезюрк любил забежать к нему в лавку и, устроившись в уголке, поболтать с

клиентами. 8 флореаля он, как обычно, зашел к Леграну, но на этот раз не просто посидел у него, а сделал покупку: приобрел серебряное колечко для жены. Покупку эту Легран, как всегда, занес в свой реестр.

— Я принес реестр с собой, гражданин судья! Вы можете сами убедиться, что вот тут стоит дата: 8 флореаля IV года.

Председатель суда взглянул на толстый реестр в черной обложке и внезапно покраснел от гнева.

— Свидетель Легран! — воскликнул он. — Вы солгали! Дата 8 флореаля вписана позже, это очевидно! Вы лжесвидетель!

И несчастного ювелира тотчас арестовали.

Коварной судьбе было угодно, чтобы дата 8 флореаля действительно была вписана позже, однако причиной тому было отнюдь не желание ввести в заблуждение правосудие, а простая забывчивость. Увы! Судьи усмотрели в этом злой умысел.

После этого свидетели, сменяя друг друга, могли говорить все, что угодно: например, что они в этот день обедали с Лезюрком или видели, что в этот день Ле-зюрк был у Леграна и на их глазах купил серебряное колечко... их больше никто не слушал. В глазах суда все они были лжесвидетелями.

Приговор не заставил себя ожидать: Лезюрк, Куриоль и Бернар были осуждены на смерть, Ришара приговорили к двадцати годам каторги. И только Гено был оправдан — неизвестно почему. Когда приговор огласили, раздался голос Куриоля: услышав страшное решение суда, он понял, что терять ему больше нечего.

— Лезюрк и Бернар невиновны! — воскликнул он. — Бернар только дал нам лошадей. Что же касается Лезюрка, то он вообще не участвовал в деле!

Его голос потонул в невообразимом шуме. Однако на следующий день, в тюрьме, он повторил свое заявление и потребовал, чтобы его выслушал судья. На этот раз Куриоль рассказал все, что знал:

— Нас было пятеро, это правда, но тех, кому вы, господин судья, вынесли приговор, среди нас не было. Согласен, я принимал участие в этом деле. Я влип и готов заплатить за свое преступление. Но и другие тоже должны получить свое! Сообщников моих зовут Дюбоск, Видадь, Дюроша и Русси. Дюроша под именем Пьера Лаборда ехал вместе с почтовой каретой. Это он ударил кучера, когда мы на них напали.

— Но как случилось, что все свидетели опознали Лезюрка?

— Дюбоск немного похож на него. К тому же Дюбоск решил скрыть свои черные волосы и натянул на себя белокурый парик.

— А вы тоже были в парике?

— Нет. Надо сказать, что Дюбоск был самым хитрым из нас. Но он не настолько хитер, чтобы избежать наказания, если вы его арестуете. Я могу сказать вам, где он скрывается.

И тут события стали принимать поистине загадочный оборот. Несмотря на явно искренние признания Куриоля, судебные советники просто не обратили на них внимания, решив, что таким образом осужденные хотят отсрочить исполнение приговора. Все складывалось не в пользу несчастных: кассационный суд отказал в пересмотре дела, Директория отказала в помиловании... Исполнение приговора было назначено на 31 октября.

В то утро было холодно и сыро. Эшафот воздвигли у заставы Анфер; когда показалась повозка с приговоренными, толпа, окружавшая место казни, почтительно умолкла. Лезюрк, одетый в белое, вел себя спокойно и с достоинством. Накануне он простился со своей обожаемой Жанной-Эме и с детьми. Он привел в порядок все свои дела и примирился с судьбой.

Бернар, казалось, вообще ничего не чувствовал — можно было подумать, что он уже не принадлежит этому миру. Куриоль же до последней минуты не уставал кричать:

— Я виноват, но Лезюрк невиновен!

Невиновен! Это слово произнес и Лезюрк — перед самой смертью. Он умер последним, со спокойным достоинством. Благородное поведение осужденного перед смертью подействовало на судью Добетона больше, чем уверения Лезюрка в его непричастности к преступлению или же признания Куриоля. Он стал опасаться, не была ли действительно совершена жесточайшая судебная ошибка. Желая успокоить собственную совесть, Добетон — с непростительным опозданием — возобновил расследование.

Первым, кого ему удалось отыскать, был мнимый Пьер Лаборт, человек, купивший право ехать на единственном свободном месте почтовой кареты. Как и говорил Куриоль, на самом деле его звали Дюроша. Когда его арестовали, он не заставил себя долго упрашивать и во всем признался. Дюроша также описал приметы своих сообщников — Дюбоска, Видаля и Русси. И заявил о невинности Лезюрка.

Так как его арестовали одного, судили его тоже одного и одного же отправили на эшафот 21 августа 1797 года. Впрочем, Видаля и Русси тоже вскоре схватили, осудили и 19 октября 1798 года казнили. Зато поиски Дюбоска, который действительно оказался самым хитрым из преступников, заняли два года.

Через два года в Версале снова собрался суд присяжных, однако новый обвиняемый оказался крепким орешком. Он совершенно не боялся судей, вины своей не признавал, а так как кожа у него была смуглая, а волосы черные, то все те же Сотон, Гростет и другие свидетели отказались признать его. Они в один голос продолжали утверждать, что среди бандитов видели несчастного Лезюрка.

Развязка наступила неожиданно. Жанна-Эме, вдова Лезюрка, страстно желала, чтобы истинные виновники преступления были наказаны. У версальского парикмахера она заказала парик с белокурыми золотистыми волосами, какие были у ее мужа. Парикмахер сделал парик, явился с ним в суд и передал его председателю.

Несмотря на яростные протесты Дюбоска, ему на голову надели парик. Тотчас даже самые упрямые свидетели признали его. Дюбоск взошел на эшафот 24 февраля 1801 года. Прежде чем умереть, он во всеуслышание заявил, что Лезюрк невиновен.

И все же, несмотря на все усилия Жанны-Эме, а потом и детей Лезюрка, дело так и не было пересмотрено. Первое прошение несчастная женщина подала в 1804 году, но ей отказали. Лишь в 1821 году семье удалось добиться частичного возвращения конфискованного имущества, однако Лезюрк так и не был оправдан. Безутешная и неуспокоившаяся Жанна-Эме, не выдержав борьбы, умерла; сын Лезюрка, не успев отомстить за отца, погиб в России. В конце концов кассационный суд признал приговор «окончательным и не подлежащим обжалованию».

В этом непонятном упорстве Фемиды было нечто странное, отчего многие стали думать, что за нападением на лионскую почту крылось еще что-то, к чему Лезюрк мог быть причастен. Слишком уж загадочное стечение обстоятельств, приведшее Лезюрка прямиком на виселицу, напоминало сговор, за которым крылась отнюдь не рука судьбы, а какая-то иная сила. Но если не судьба дергала за ниточки марионеток, разыгравших эту драму, тогда кто же?..

КРОВАВАЯ ГОСТИНИЦА В ПЕЙРЕВЕЛЕ

Крестьяне, приехавшие в октябре 1834 года на ярмарку в Виварэ, толпились вокруг шарманщика и слушали, как он, поворачивая ручку своего инструмента, заунывным голосом напевает известную в тех краях балладу. Этот печальный распев облетел всю провинцию, его исполняли на ярмарках, на ассамблеях, и местные жители не уставали его слушать, потому что он напоминал им об одной ужасной... поистине невероятной истории.

Эту балладу сложили три года назад — после того как в гостинице Мартена, расположенной на продуваемом ледяными ветрами плато, разыгралась последняя драма, которая положила конец череде преступлений, совершенных в ее стенах. С тех пор

строение это пришло в запустение: оно почернело, стекла в окнах были выбиты, дверь слетела с петель. Жуткая репутация, которую снискала гостиница, заставляла путешественников уже издали сворачивать в сторону: хотя дом давно опустел, его зловещие черные стены хранили память о свершенных здесь злодеяниях. Говорят, что в заброшенную гостиницу слетались призраки — души невинных жертв и души их палачей. Воистину место это было проклято!

Совсем рядом с шарманщиком стоял старик-нищий; покачивая головой в такт мелодии, он слушал песню и иногда, в особенно драматических местах, потихоньку подпевал. Было очевидно, что он прекрасно знал ее содержание. К нему подошел молодой крестьянин и вложил ему в руку монетку, хотя в эту минуту нищий так заслушался, что даже не просил подаяния. Молодой человек рассмеялся:

— Эта баллада по-прежнему завораживает вас, папаша Шаз! Хотя вам-то наверняка не слишком приятно вспоминать о тех событиях. Вы же сами чуть не сложили голову в гостинице Мартена.

Старик хмуро взглянул на говорившего, но потом узнал местного жителя, во дворе которого он всегда получал миску супа и охапку соломы для ночлега.

— Эх, Режис, что правда, то правда. Признаться, я ни разу в жизни так не пугался, как в тот раз. Но со злом покончено, так что теперь не грех и вспомнить о тех днях — особенно если сам помогал разоблачать злодеев.

— Согласен. Только скажите все же, какой черт понес вас в тот день в гостиницу Мартена? Ведь уже тогда в округе о ней начали ходить дурные слухи.

Старик пожал плечами:

— Когда ты нищ, тебе нечего бояться — ночной холод для тебя страшнее волка. А в тот вечер была ужасная погода, дул ледяной ветер, моросил дождь. Идти было трудно, и я припозднился — до наступления темноты не успел добраться до Кюкюрона. Ночь застала меня недалеко от гостиницы Мартена, а мне надо было найти пристанище. Слухи до меня, конечно, доходили, но, честно говоря, я им не очень-то верил. У этого Мартена была такая добродушная физиономия.

Надо сказать, Пьера Мартена все считали отличным парнем — с тех самых пор, как он с женой Мари-Брес, коровой и козой обосновался в Пейребеле. Раньше Мартен показывал животных на ярмарках и сумел накопить немного деньжонок. Их хватило, чтобы купить ферму Рено, которую хозяин давно хотел продать. Расположилась она на обширном нагорье, продуваемом ледяными ветрами в любое время года, зато с этой высоты открывался чудеснейший вид.

Никто никогда не говорил о Мартене дурного слова. Внешность у него была самая что ни на есть благообразная, он был добрым соседом, охотно жертвовал на церковь и всегда был готов подать стакан воды идущему мимо его дома путнику. Жена Мартена, Мари-Брес, была маленькая, сухонькая, черноволосая; улыбалась она редко, однако всегда была в курсе всех сплетен и обладала талантом выслушивать тех, кому не терпелось излить душу. Она прекрасно готовила, и когда Мартен приглашал кого-нибудь к столу, гость с радостью соглашался, заранее предвкушая, как он отведаст кушаний, приготовленных Мари-Брес.

Дела на ферме шли неплохо, однако работать супругам приходилось от зари до зари: кроме них, на ферме трудился всего один работник, который, впрочем, стоил десятерых. Этот простодушный Геркулес был родом из Мазана, что неподалеку от Пейребеля, и его звали Жан Рошет.

Упорным трудом супругам удалось заработать довольно много денег. А поскольку нрав у Мартена был приветливый и хозяйка его великолепно готовила, никто не удивился, когда супруги решили построить неподалеку от своей фермы гостиницу. Эта мысль пришла Мартену в голову после того, как он окончательно убедился, что дорога, проходившая через обширное безлюдное нагорье, не такая уж заброшенная. Каждый день

несколько путников непременно проходили по этой дороге, а передохнуть в пути им было негде.

Он продал ферму и неподалеку от своего хутора, ближе к дороге, начал строить гостиницу.

Разумеется, эта гостиница была не из тех, которые строились в больших городах. Здесь, на краю обширного плоскогорья, вокруг которого высились горы Арде-ша, гостиницей именовалось низкое, приземистое строение с толстыми серыми стенами и крохотными окнами. На первом этаже окна были расположены так высоко, что приходилось вставать на скамеечку, чтобы достать до них, а на втором они были узкими, как бойницы. Надо признаться, в целом постройка слегка напоминала тюрьму. Однако Мартен на все недоуменные вопросы отвечал, что маленькие окна и толстые стены приходится делать по необходимости: ведь они должны защищать людей от холода, яростных ветров, волков, а также разбойников, которые, судя по слухам, иногда появлялись в окрестных дремучих лесах.

Внутри гостиница также не отличалась излишней роскошью. Внизу было три помещения: просторная кухня с огромным очагом, общий зал для клиентов, пришедших выпить рюмочку, и третья комната непонятного назначения, большую часть которой занимала огромная печь.

На второй этаж вела крутая лестница, узкая и небезопасная, поскольку прямо над ней выступала толстая потолочная балка, о которую, забывшись, легко можно было стукнуться головой. Наверху располагалось пять крохотных спален со скудной мебелью; в одной из них стены были выкрашены в кроваво-красный цвет, отчего она выглядела поистине зловеще. В конце коридора находился сеновал.

Надо сказать, местные жители охотно посещали пейребельскую гостиницу, а лучшими ее клиентами стали жандармы. Объезжая вверенные им территории, они охотно останавливались здесь, чтобы пропустить стаканчик доброго винца, за которое ловкий Мартен очень редко брал с них плату. С жандармами лучше всегда находиться в дружбе. Солдаты из окружного гарнизона также охотно заезжали в гостиницу в Пейребеле, болтали с Мари, выпивали по стаканчику вместе с Марتنем, а потом обсуждали последние новости. Мартен часто сетовал на то, как плохо охраняются в округе дороги, и на опасности, подстерегающие путешественников за каждым кустом...

Так продолжалось двадцать лет, и за эти двадцать лет в окрестностях пропало немало путешественников. Чаще всего они исчезали без следа, но иногда их трупы, ограбленные и окровавленные, находили в горных ущельях, особенно по весне, когда начинали таять снега. Виновниками их гибели обычно считали волков или пришлых разбойников, о которых любил распространяться Мартен; даже жандармы, начав следствие, чаще всего на этом и успокаивались.

Но постепенно о гостинице Мартена поползли страшные слухи. Говорили, что неподалеку от гостиницы несколько раз видели израненных путешественников, буквально обезумевших от ужаса. Однако эти самые

путешественники упорно отказывались объяснять, что же с ними произошло. Также говорили, что иногда ветер — знаменитый ветер Пейребеля — приносит со стороны гостиницы странные запахи и тошнотворный дым... Но к супругам Мартен все относились с такой симпатией, что никому даже в голову не пришло подозревать их в тех чудовищных злодеяниях, о которых судачили деревенские женщины и старики. Мало ли что может случиться на высоком нагорье с одиноким заплутавшимся странником? Все вновь вспоминали старые истории об оборотнях.

Наконец, настал памятный вечер 12 октября 1831 года.

Старый нищий Лоран Шаз, которого сумерки застали в пути, неслышно проскользнул на сеновал супругов Мартен. О том, чтобы постучать в дверь и попросить ужин и ночлег, речи идти не могло: сума его была пуста. Проникнув в гостиницу через черный ход, он

поднялся по лестнице, с удобством устроился на сене и, съев сухую корку, завалившуюся у него в мешке, отошел ко сну.

В тот же вечер в гостиницу зашел пожилой крестьянин из соседней деревни. Его звали Антуан Анжоль-рас, он возвращался с ярмарки, проходившей в Сен-Сирге, и вел с собой купленную корову. Остановиться в Пейребеле его, как и Шаза, вынудила непогода: путь до дома был недалек. К тому же, как он сказал нескольким приятелям в Сен-Сирге, ему с Мартеном надо было уладить кое-какие дела.

Итак, он прибыл в гостиницу, его прекрасно встретили, он получил лучшее вино и лучшую комнату... разумеется, красную. Завершив трапезу, гость пожелал хозяевам доброй ночи и со свечой в руке поднялся вверх. Старик Шаз сквозь сено совершенно отчетливо видел, как Анжольрас вошел в комнату. В гостинице воцарилась тишина.

Ближе к полуночи старик-нищий проснулся от яркого света. По коридору, куда выходили двери комнат и который вел напрямик к нему на сеновал, двигалась странная процессия.

Проделав в сене дырку, чтобы удобнее было наблюдать, Шаз широко раскрытыми глазами взирал на идущую впереди всех Мари-Брес: в руках она держала фонарь, освещая дорогу мужу и Рошету, который сжимал в руках топор-колун. Женщина осторожно открыла дверь в красную комнату, и все трое бесшумно вошли в нее... В следующее мгновение до Шаза донесся глухой удар обуха, обрушившегося на череп, и предсмертные хрипы, затем мужчины вышли из комнаты, унося с собой неподвижное тело. Тут Шаз услышал, как женщина, теперь уже не считая нужным говорить тихо, во весь голос произнесла:

— Сегодня ночью мы заработали сто экю!

Нечего и говорить, что нищий больше не думал ни о ночлеге, ни о холоде, ни даже о волках. Как только свет в конце коридора исчез, он буквально скатился по лестнице вниз, выбрался на улицу и, обезумев от страха, помчался прочь.

Покинув страшную гостиницу, старик сначала решил немедленно сообщить обо всем жандармам. Однако что-то его удержало — то самое «что-то», которое вот уже несколько лет держало на замке рот тех, кто вплотную приблизился к тайне Мартенов: они опасались, что им рассмеются в лицо. К тому же у Шаза не было доказательств злодеяния, а пока жандармы доберутся до гостиницы, хозяева наверняка успеют спрятать концы в воду. Кроме того, поскольку Мартен был человеком уважаемым, а Шаз — всего лишь нищим бродягой, он не сомневался, что его просто не станут слушать. И, опечаленный, старик-нищий решил молчать...

Однако убийство Антуана Анжольраса все-таки стало последним преступлением супругов Мартен. Когда Ан-жольрас не вернулся, его родственники подняли шум, их поддержали те, кто не советовал старику останавливаться по дороге в гостинице, и мировому судье из Кюкюрона пришлось назначить комиссию по расследованию. Избрав жертвой окрестного жителя, убийцы совершили большую ошибку; обычно столь осторожные, здесь они просчитались — видимо, золото затмило им разум.

На следующий день в скалах, на берегу реки Алье, было найдено тело несчастного. Те, кто его туда положил, несомненно, надеялись, что гибель его припишут нечаянному падению со скалы. Однако на этот раз им не повезло: в случайное падение никто не поверил еще и потому, что Мартены вытащили у убитого кошелек, а также забрали себе его корову.

Поздним вечером 1 ноября в гостиницу прибыли жандармы из Ланарса. Они разбудили обоих супругов и, старательно обыскав весь дом, нашли на подушке в красной комнате следы крови, а в печи, что стояла на первом этаже, — обуглившиеся человеческие кости, которые, впрочем, обгорели уже давно. На рассвете жандармы отправились обратно; позади, связанные, шли супруги Мартен.

Рошета в ту ночь не было дома, но на свободе он оставался недолго: злосчастная судьба сама привела его в руки правосудия. Возвращаясь домой, парень встретил

жандармов, позади которых плелись его хозяева. Он бросился бежать, однако было поздно — через несколько минут убийца, ударивший обухом старика Анжольраса, был связан и доставлен в ближайшую тюрьму.

Арест супругов Мартен наделал много шума, зато многие вздохнули с облегчением. Как бы то ни было, языки развязались, и Лоран Шаз первым рассказал о том, что он видел. Гостиницу тем временем еще раз подвергли самому тщательнейшему обыску. Следы человеческой крови были обнаружены повсюду, подозрительные бурые пятна были и на колонне Рошета. А еще нашли сваленные в кучу вещи: чемоданы, дорожные мешки, плащи, походные ботинки — словом, все, что осталось от несчастных убитых и ограбленных путников.

К судье Ларжаньеру, которому было поручено ведение этого дела, свидетели шли непрекращающимся потоком. Среди них была вдова Бастидон. Однажды ночь застала ее рядом с гостиницей Мартена; она уже готова была постучать в ее дверь, чтобы попросить ночлега, как вдруг услышала возглас хозяина:

— Куда бы нам его оттащить? Канавы вокруг дома уже переполнены, надо закопать его где-нибудь подальше... Мари-Брес, посмотри, сколько у него там в кошельке. А ты, Рошет, в следующий раз действуй осторожнее: слишком много крови.

Перепуганная женщина убежала, но так и не решилась донести на владельцев гостиницы.

Явился также и чудом спасшийся Андре Пейр из Лафайета: когда его собрались убивать, к хозяевам неожиданно прибыли новые постояльцы. Пейр бежал, оставив в гостинице все свои деньги.

Пришел и Мишель Югон. Этот человек однажды задержался в гостинице выпить стаканчик, а потом пошел дальше — по дороге, указанной Мари-Брес. На него напали, и он спасся только благодаря собственной силе.

Все, кто чудом вырвался из лап преступников, почему-то предпочли промолчать и никому не рассказали, что с ними произошло.

Следствие велось одиннадцать месяцев. Слушание дела в суде присяжных города Прива было назначено на 18 июня 1833 года.

Система защиты, избранная супругами Мартен, была проста: они отрицали все и утверждали, что ни в чем не повинны, их просто оклеветали завистники. Даже самые вопиющие улики их не смутили, а уж тем более рассказ старика Шаз, которого пригласили в суд для дачи показаний. И только одной женщине удалось поколебать невозмутимость преступной пары.

Среди разложенных на огромном столе вещественных доказательств некая мадам Венсан узнала большой синий плащ: эта удобная накидка, подбитая мехом, некогда принадлежала ее супругу, исчезнувшему прошлой зимой. Мартен, недоумевающе глядя на нее, заявил, что путешественник, очевидно, забыл свой плащ у него в гостинице.

— Забыть свой плащ в разгар зимы — да еще с тем, что было зашито у него за подкладкой?! — воскликнула мадам Венсан.

И она рассказала, как перед отъездом мужа зашила в плащ большую часть их состояния: тридцать тысяч франков в векселях на предъявителя. Разумеется, судья приказал немедленно принести ножницы, вспороли подкладку и нашли векселя. Увидев их, Мари-Брес потеряла сознание.

Однако обморок с ней случился вовсе не от напоминания о совершенном ею злодеянии. Она не могла себе простить, что столько времени, сама того не зная, спала рядом с целым состоянием! Даже смертный приговор не произвел на нее столь сильного впечатления.

25 июня 1833 года, в полночь, присяжные вынесли свой вердикт и были на редкость единодушны. Супругов Мартен и Рошета приговорили к смерти; казнь должна была состояться там, где они совершали свои преступления.

Кассационная жалоба была отвергнута; преступники воззвали также к милости короля — безуспешно. И вот 1 октября в пять часов утра выложенная соломой телега в

сопровождении жандармов со всего департамента подъехала к зданию тюрьмы, чтобы забрать троих осужденных.

Путь преступников к смерти занял два дня. Всю дорогу Мартен и Рошет бормотали молитвы, но Мари-Брес не молилась и не плакала. Полным бессильной ярости взором смотрела она на толпы людей, выбегавших навстречу телеге в каждой деревне. А по мере того, как они приближались к Пейребелю, народу становилось все больше. Супругам Мартен не могли простить не только совершенные ими убийства, но и беспримерное лицемерие, и бессердечную ложь: они сумели обвести вокруг пальца целую округу! Люди считали, что таким преступникам место только в аду — не нужно им ни причастия, ни покаяния.

Было решено заночевать в Мере, в пяти лье от Пей-ребеля. приговоренных разместили в одном из залов мэрии и дали им ужин, однако мужчины не смогли проглотить ни куска. Только Мари-Брес согласилась поужинать и сделала это с большим аппетитом.

На следующий день в пять утра телега вновь тронулась в путь; последний его участок пролегал по горным тропам, поэтому для преодоления расстояния всего в пять лье понадобилось целых шесть часов.

Проезжая через деревню Шавад, Рошет отдал свой плащ нищему:

— Возьми, он мне больше не нужен. Только помолись за меня!

Даже стальные нервы Мари-Брес не выдержали. Упав на высланное соломой дно телеги, она разразилась истерическими рыданиями, и успокоить ее было невозможно.

Наконец на краю нагорья показалась гостиница; сейчас, когда перед ней вытянула вверх свои красные руки гильотина, она казалась еще более мрачной и зловещей. Вокруг уже стояла толпа. Никогда еще в этом пустынном и уединенном уголке не собиралось столько народу.

Мартен, с самого утра пребывавший в глубоком оцепенении, наконец очнулся и перестал бормотать молитвы.

— А вот и наша смерть! — произнес он.

Солдаты окружили эшафот, и к гильотине подошли братья Рош, один из которых был палачом в Ардеше, а другой — палачом в Лозере.

Преступников высадили из телеги. Первой предстояло умереть Мари-Брес. К этой минуте она уже успокоилась, и когда священник, кюре из Тюе, протянул ей распятие, она отвернулась и умерла без покаяния.

Мартен умер последним, а через два часа кровавая гостиница опустела. Отныне это безлюдное место было проклято навсегда.

КОГДА НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ДЕТИ. ВЕСЕЛЫЕ САЛЕМСКИЕ ДЕВЧУШКИ...

Салем был обозначен на всех картах штата Массачусетс, однако никто не решился бы назвать его городом или даже деревней. Окруженные густым лесом фермы отстояли далеко друг от друга, ядро же Салема составляли четыре дома: ратуша, жилище пастора Парриса, дом начальника местного ополчения Джонатана Уолкота и, наконец, трактир, который держал помощник пастора Натаниэль Ингерсол. Изю всех щелей салеМСких домиков сочилась скука: здесь никогда ничего не происходило. Все жители как на подбор ходили в черном, все волей-неволей были набожны и исповедовали принципы суровой добродетели. Таков был Салем в 1692 году: замкнутый мирок богобоязненных людей, слепо верящих в дьявола и прочую чертовщину...

Пастырем этого унылого стада был Самюэль Паррис — человек не слишком богатый и обратившийся к Библии отнюдь не по велению души, а исключительно в результате краха своих торговых авантюр на Карибских островах. От тамошней жизни у него остались чрезвычайно приятные воспоминания, которые он тщательно скрывал, и двое рабов —

чернокожие Джон и Титюба, оба уроженцы Барбадоса. Салемская жизнь ничуть не напоминала жизнь на Карибах...

Самюэль Паррис жил тихо, стараясь ни в чем не перечить собственной супруге, властной Элизабет, и во всем потакая собственной пастве: жители Салема до его приезда уже выгнали двух пасторов. Постоянно помня о судьбе своих предшественников, Джеймса Бейли и Джорджа Барроу, Паррис просил супругу только об одном: не распускать свой острый язычок, который являлся главным недостатком этой особы.

— Подумайте только, друг мой, — часто говорил он ей, — если эти люди прогонят нас отсюда, куда мы пойдем и как сможем заработать на достойную жизнь для нас и наших детей?

А надо сказать, что в семье пастора росли две девочки: его собственная дочь, девятилетняя Элизабет, и племянница Абигайль Вильяме, которой уже исполнилось двенадцать.

Если бы бедняга пастор мог догадаться, какие мысли роились в белокурых головках этих с виду невинных девчушек, он бы без промедления собрал вещички и бежал бы из Салема куда глаза глядят, поскольку дьявол, не спросив у него позволения, уже поселился в его доме. И, надо сказать, язычок миссис Паррис к этому был несколько не причастен — опасным оказался язык Титюбы...

Кузины вместе с двумя задушевными подружками Энн Патнем и Мэри Уолкот часто приходили на кухню в отсутствие хозяйки, чтобы послушать таинственные истории, которые рассказывала негритянка, выуживая их из неисчерпаемого источника своей памяти.

— Когда на небе появляется луна, в густой лесной чаще просыпается Великий дух. Он вселяется в людей, которые туда забредают, и тогда перед ними открывается таинственный мир...

Четыре пары глаз завороченно впивались в широкое лицо рассказчицы, которая то приглушала, то, наоборот, заставляла звучать громче свой глубокий бархатный голос, словно обволакивая им своих слушательниц. Глаза их жадно блестели — особенно глазки чрезвычайно впечатлительной Энн Патнем, а также Мэри Уолкот, которая в свои четырнадцать лет мечтала о жизни гораздо менее суровой. Ей хотелось носить яркие платья из шелка и бархата и жить в городе среди множества людей и развлечений.

В этом краю, где, казалось, каждый камень источал скуку, Титюба являлась для четырех девочек единственным источником впечатлений — вдобавок тайным, а потому особенно ценным.

В рассказах негритянки древние африканские предания причудливо сплетались с описаниями загадочных обрядов. Шурша юбками, она выдавала девочкам обрывочные сведения из африканской магии, а когда чего-нибудь не знала, призывала на помощь свою богатую фантазию, несколько не заботясь о том, какое воздействие оказывают ее рассказы на юные создания. Титюба приоткрыла им завесу над весьма двусмысленными обрядами жителей африканской саванны, чем до крайности распалила воображение девочек.

Рассказы негритянки, фантастические и чаще всего жуткие, в конце концов довели Энн Патнем до нервных припадков, во время которых она падала на пол, кричала и билась в конвульсиях. Девочки чрезвычайно заинтересовались этой особенностью своей подруги, а однажды такой припадок застал сам Самюэль Паррис, и вскоре Энн оказалась в центре внимания всего селения. Когда у нее начинался припадок, все окружали ее, пытаясь осмыслить произносимые ею бессвязные слова, а когда она стихала, все бросались ухаживать за ней. В скором времени Энн стала самой почитаемой обитательницей Салема — столь сильное впечатление производила на окружающих ее болезнь, доселе невиданная в этих краях.

Теперь подруги откровенно завидовали Энн.

— Чем я хуже ее? — как-то раз сказала Абигайль своей кузине. — Пожалуй, я тоже попробую!

И вот однажды вечером она тоже попыталась покататься по земле; нетрудно догадаться, что ее примеру тотчас последовали остальные девочки...

Жители селения растерялись, а Натаниэль Ингер-сол, помощник пастора и по совместительству трактирщик, уверенно заявил, что все четыре девочки наверняка одержимы дьяволом.

— Дьявол явился в Салем! — замогильным голосом провозгласил он. — Нужно отобрать у него добычу!

Все поддержали его: простые и необразованные жители Салема, разумеется, не могли отличить медицинских симптомов истерии от случаев симуляции этой болезни. Для них было ясно только одно — дьявол явился, и его надо изгнать. И они принялись за дело...

Разумеется, прежде всего допросили Титюбу. Допрос происходил в трактире Натаниэля, временно превращенном в зал суда. Негритянка, как могла, защищалась от предъявленных ей обвинений и, стремясь спасти свою шею от веревки, в свою очередь, обвинила в колдовстве двух бедных женщин, проживавших в жалких хижинах неподалеку от фермы Патнемов, родителей Энн.

Это были две старушки, совершенно безобидные и уже наполовину выжившие из ума: Сара Гуд и Сара Осборн. Четыре девочки с радостью подтвердили слова Титюбы: им совершенно не хотелось лишаться своего лучшего развлечения. С редкостным единодушием они катались по полу и вопили о том, что несчастные старушки хотели затащить их на шабаш и заставляли подписать договор с дьяволом. После таких убедительных свидетельств обе Сары были отправлены в старый форт, который когда-то был возведен для защиты от индейцев, но недавно его решили переоборудовать в тюрьму.

Однако Титюбу это не спасло: оказавшись в центре внимания, негритянка заявила, что ее покойная матушка была лучшей колдуньей Барбадоса. Стоит ли говорить, что ей тут же пришлось составить компанию двум своим жертвам.

И все-таки не все в Салеме были одурачены четырьмя девчонками. Среди тех, кто находил их поведение более чем странным, была Марта Кори — состоятельная фермерша, снискавшая всеобщее уважение.

— Мне кажется, что лучшим лекарством для наших одержимых является пучок свежих розог, — как-то сказала она.

О, неосмотрительная Марта! В следующее воскресенье, прямо посреди проповеди, Абигаиль грохнулась на пол между рядами скамей и завизжала, чтобы от нее убрали эту гадкую фермершу Кори, поскольку из-за нее она терпит страшные муки. С громкими воплями она утверждала, что на голове Марты Кори сидит страшная желтая птица, и когда Абигаиль проходит мимо, слетает и клюет ее.

Несмотря на все свои протесты, Марта Кори присоединилась к трем узникам форта...

Тем временем Самюэль Паррис чувствовал себя крайне неудобно, поскольку сознавал, что является ответственным за разыгравшуюся драму: ведь именно он привез в эту глушь Титюбу. Со своей кафедры он пытался успокоить распаленные умы паствы — однако паства совершенно не желала успокаиваться. Более всех разошелся помощник пастыря, видевший во всем случившемся руку Сатаны и с жаром вещавший об этом за стойкой своего трактира при большом стечении окрестных любителей пропустить стаканчик.

Дело в том, что не так давно Натаниэль пристально следил за судом над ведьмами, проходившим в Бостоне, столице штата. Героем суда стал преподобный Коттон Мэзер — великий охотник на ведьм; сей ревнитель веры господней произвел на кабатчика неизгладимое впечатление. Коттон Мэзер, личность весьма мрачная и крайне ограниченная, не раз участвовал в подобных процессах в Европе. Прибыв в Америку, он поспешил предоставить своим новым согражданам возможность воспользоваться его еще не остывшим опытом.

В конце концов Натаниэль Ингерсол решил, что пастор Паррис совершенно не соответствует занимаемой им должности, и, взяв свое лучшее перо, написал Мэзеру

письмо, в котором приглашал его в Салем и подробно расписывал сложившееся положение.

Получив такое послание, Коттон Мэзер не стал терять ни минуты. Собрав свой скудный скарб, он сел на лошадь и прискакал в Салем, дабы взять на себя роль высшего судьи и верховного жреца.

Многие жители Салема были наслышаны о преподобном Мэзере, и после его приезда дела пошли как по маслу. С удовольствием гурмана он принялся изучать юных одержимых, которые, польщенные вниманием столь избранной публики, изощрялись как могли. Началось настоящее соревнование, кто больше обвинит народа и на кого охота окажется интереснее.

Через два дня в форт заключили семидесятилетнюю Ребекку Норс — богатую и чрезвычайно набожную фермершу — только потому, что Абигаиль заявила, будто видела у нее на плече черненького человечка. В апреле арестовали Джона и Элизабет Проктор, Джорджа Джейкобса, Джона Вилларда, осмелившегося заявить, что судьи попросту сошли с ума, и еще дюжину других жителей Салема. Ничто уже не могло защитить людей от ярости юных фурий: ни репутация, ни возраст, ни добрососедские отношения. Узники теснились в помещениях бывшего форта, однако казнить их пока не решались, ожидая завершения процесса, конца которому все еще не было видно.

В это время в Бостон прибыл новый губернатор, сэр Вильям Фипс. Бывший искатель приключений, он разбогател за счет сокровищ, которые поднял с испанского галеона, затонувшего возле Пуэрто-де-ла-Плата, так что дворянство его, равно как и назначение на пост губернатора, было недавнего происхождения.

Как только сэру Вильяму стало известно о салем-ских ведьмах, он нахмурился. Подобные дела обычно являлись ловушками для неопытных губернаторов, куда те незамедлительно попадали и ломали себе шею. А посему он поспешно вызвал к себе в резиденцию главного специалиста по данному вопросу — а именно достойного Коттона Мэзера, который тотчас приехал.

Распоряжения сэра Вильяма были кратки:

— Как можно скорее покончить с бандой приспешников Сатаны и любыми средствами навести в Салеме порядок!

— Покончить с приспешниками Сатаны можно только одним способом: покарать их без всякой жалости, — отвечал Коттон Мэзер. — Но для этого нужен профессиональный судья, который бы составил постановление по каждому случаю в отдельности и утвердил приговоры, выносить которые будут нотабли Салема и я сам.

Решив не замечать, что собеседник его не отличается большим умом, сэр Вильям нашел его ответ справедливым и незамедлительно назначил комиссию — настоящий верховный суд по делу о колдовстве. Главой комиссии был утвержден вице-губернатор Стоутон, столь же человечный, как и Коттон Мэзер, и обладающий такими же умственными способностями. И вот эта парочка, Стоутон и Мэзер, сопровождаемые судьями Хауторном и Корвином, отправились в Салем творить свое «доброе дело».

Прибыв на место, они первым делом занялись поисками палача. Выбор их пал на Самюэля Валлингтона, исполнявшего в Салеме не самые приятные обязанности ассенизатора и живодера. Судьи не без основания решили, что не слишком деликатный Самюэль вполне справится и с этой обязанностью. На единственной площади Салема возвели новую красивую виселицу и начали поставлять палачу работу.

Суд прошел очень быстро, и 19 июля Самюэль Валлингтон повесил Сару Гуд, Сару Осборн, Марту Корн, Титюбу, Джона Вилларда и Ребекку Норс. Правда, старая Ребекка благодаря своим многочисленным заслугам чуть было не избежала веревки. Но Абигаиль, узнав об этом, мгновенно выдала такой буйный, с пеной у рта, припадок, что в конце концов судьи постановили: старушка будет повешена вместе с остальными.

Через две недели подоспела новая партия обвиняемых, на этот раз из пятнадцати человек. Все они были людьми весьма почтенными, но все-таки не сумели опровергнуть

последние выдумки Абигаиль Вильяме, самой извращенной и самой изобретательной из всех четырех девиц. Кстати, прежний местный пастор, Джордж Барроу, в свое время был изгнан паствой именно за нападки на Абигаиль, чье поведение — принимая во внимание ее юный возраст — показалось ему нескромным. Он нашел убежище в Мейне, где вел спокойную и тихую жизнь. Но после того, как его бывшей «жертве» было видение, Стоутон добился выдачи преподобного отца, и его, растерянного и недоумевающего, в кандалах доставили в Салем. Заперев преподобного в темницу, кандалы с него не сняли, поскольку Барроу обладал поистине геркулесовой силой, которая, по утверждению высокоумного Коттона Мэзера, могла быть только сатанинской.

На суде главные обвинительницы впали в иступленный раж. Мэри Уолкот вменила Барроу в вину невинную привычку класть в корзиночку еду и уходить завтракать на природу. Из этого Мэзер сделал вывод: подобное пристрастие к пикникам можно объяснить только подготовкой ритуального пиршества, которое ведьмы обычно устраивают во время шабаша. Барроу был женат дважды, и оба раза счастливо, однако тут же вспомнили, что его вторая жена перед смертью долго мучилась...

Преподобный отец яростно защищался. В конце концов он выложил трибуналу начистоту все, что о нем думает. Естественно, его приговорили к смерти.

В день казни Джорджа Барроу все жители Салема, точнее, те, что еще остались в живых, собрались перед виселицей, для которой Валлингтон потребовал купить новую веревку. Когда пастора подвели к виселице, воцарилась мертвая тишина: все чего-то ждали... Внезапно силач Барроу напряг мускулы и разорвал свои путы. Толпа охнула и принялась креститься, ожидая худшего, но приговоренный всего лишь хотел умереть свободным. Медленно и прочувствованно он принялся читать «Отче наш»; голос его долетал до самого леса, слова молитвы эхом звучали в сердцах потрясенных зрителей. Поднялся возмущенный ропот, кое-где даже раздались крики, подстрекавшие к мятежу. Откуда-то раздался возглас: «Помиловать!» — и тотчас Коттон Мэзер грозно нахмурился. Но тут раздался пронзительный, истерический вопль Абигаиль: она увидела за спиной осужденного демона с крыльями, как у летучей мыши...

Через несколько минут Барроу простился с жизнью, а потрясенные и вконец запуганные жители Салема разошлись по домам.

Чтобы сгладить тягостное впечатление от смерти пастора, судьи поторопились казнить двух записных колдуний: Сюзанну Карьер и ее дочь Сару... восьми лет от роду! Эта казнь была объяснена тем, что обе они во всем сознались...

Тем временем в форте вместе с остальными узниками находился человек весьма примечательный: старый Джил Кори, чью жену повесили одной из первых. Это был необычайно мужественный старик. Стоя возле окна камеры, он выкрикивал оскорбления в адрес судей, а также заявлял, что если и есть в Салеме приспешники Сатаны, то их следует искать среди членов трибунала.

Возмущенный Коттон Мэзер решил умертвить его более оригинальным и более жестоким способом, нежели казнь через повешение — в Англии этот способ именовался «суровым наказанием тяжестью»...

Джил Кори был приведен на площадь, где его уложили на землю, а затем стали класть ему на грудь одну за другой тяжелые каменные плиты. Плит было так много, что под их тяжестью он вскоре задохнулся. Признание вины могло бы облегчить участь мученика, но Кори до последнего мгновения обличал нечестивых судей и грозил им судом Всевышнего. Разъяренный Стоутон схватил трость и, подбежав к мученику, вонзил ему в рот ее острый конец...

Этот отвратительный поступок переполнил чашу всеобщего терпения. О нем было доложено губернатору, который наконец соизволил выразить свое возмущение. Более того, губернатор задумался: процесс в Салеме не только не положил конец делу о колдовстве, но, наоборот, подлил масла в огонь. То тут, то там стали объявляться ведьмы...

Случилось так, что как раз в то время в недавно основанном Гарвардском университете несколько истинно просвещенных мужей распространили протест против несправедливых гонений и призвали всех добропорядочных граждан поддержать их требования. Не желая прослыть невеждой, сэр Вильям направил в Салем весьма резкий приказ: трибунал прекращает свое существование, узники выпускаются на свободу. Возмущенные Стоутон и Мэзер восприняли это распоряжение как личное оскорбление и мгновенно покинули Салем...

Вот уж действительно бедный Салем! Половина его жителей погибла, оставшиеся попрятались по углам и зорко следили друг за другом, готовые в любую минуту донести на своего ближнего, лишь бы самому не угодить под топор палача. От бывшего процветания края не осталось и следа. Поля не возделывались, земля была не ухожена, зимой, принесшей с собой лютые морозы, начался голод.

Однако постепенно жители Салема начали вылезать из своих нор. Моргая, словно стяхивая с ресниц дурной сон, они оглядывались вокруг и видели собственную нищету и разорение. Надо было как можно скорее избавиться от кошмара, взяться за лопату, топор и плуг и возродить жизнь в опустошенном великим страхом селении. Сообща, приучаясь вновь глядеть друг другу в глаза, жители Салема принялись за работу — среди них было сто пятьдесят бывших узников, которых наконец выпустили из старого форта.

Четверо главных героинь этой ужасной истории остались на свободе, но судьба позаботилась о том, чтобы они искупили свои грехи. Энн Патнем сошла с ума и остаток жизни провела взаперти в сумасшедшем доме. Мэри Уолкот, мечтавшая поскорее покинуть Салем, вышла замуж за пьяницу, который увез ее на Юг; муж так часто и так сильно колотил ее, что она не выдержала побоев и умерла.

Когда совет старейшин изгнал пастора Парриса из Салема, запретив при этом взять с собой что-либо из имущества, Абигайль Вильяме и Элизабет Паррис разделили судьбу семьи и кончили дни в нищете.

С пагубным влиянием Коттона Мазера и его подручных было покончено навсегда. Спустя два года сэр Вильям Фипс вынужден был подать в отставку. Новая Англия наконец смогла вздохнуть свободно...

БЛАГОРОДНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

СКАЗАНИЕ О КУМЕ ГИЙЕРИ

В незапамятные времена неподалеку от Ренна жили трое братьев: старшего из них звали Филипп, среднего — Матюрен, а младшего — Гийом. Говорят, они родились в Бретани — или в Вандее, — в благородной семье, родового имени которой история не сохранила. Оно скрылось под именем, которое принял Филипп, когда решил резко изменить свой образ жизни; под своим новым именем Филипп и взошел на эшафот. Ну а прежнее имя исчезло вместе с отцом троих молодых людей, скончавшимся от горя в своем полуразвалившемся Замке. Зато предания о его сыновьях живы до сих пор.

Семья была небогата. От прежней роскоши осталось только имя, которое в глазах мальчиков мало что значило: ведь у них не было средств, чтобы достойно его нести. Когда Филиппу исполнилось восемнадцать лет, он решил покинуть родные края и отправиться на поиски удачи. Король Генрих IV тогда собирал войско для завоевания маркизата Салуццо, принадлежащего герцогу Савойскому, и Филипп решил, что, вступив в армию, он получит шанс изменить свою судьбу.

Итак, утром 1600 года он пешком ушел из дома, так как сборщики налогов при поддержке прево соседнего городка забрали из дома последнюю лошадь. Все его имущество состояло из старой отцовской шпаги и лучшего колета во всем доме, являвшего собой прочную короткую куртку из серой шерсти, прошедшую испытания временем и непогодой. Обладая счастливым характером, молодой человек не стал

огорчаться по поводу своей не слишком блистательной экипировки, а, весело напевая, отправился по дороге, ведущей в Лион.

Добравшись до Лиона, этого большого города на реке Роне, он нашел способ улучшить свое положение и раздобыл лошадь, пару пистолетов и несколько монет, благодаря которым почувствовал себя более уверенно. Возможно, способ, при помощи которого он приобрел все эти сокровища, был не слишком законным, но молодой человек исходил из принципа, что законы диктует нужда. Совесть его была спокойна: он стал солдатом удачи, а следовательно, и вел себя соответственно.

В Лионе Филипп отыскал вербовщика, собиравшего войско для командующего Крийона, и смело подошел к нему.

— Твое имя? — спросил вербовщик.

— Имя?

— Да. Как тебя зовут? Мне же надо как-то записать тебя!

Несомненно, он был прав — Филипп об этом просто не подумал. Однако, стоя перед этим солдафоном, он вдруг почувствовал, что просто не может назвать свое настоящее имя. Ведь он решил преуспеть любыми способами, включая самые неприглядные, и понимал, что, ступая на сей тернистый путь, не следует упоминать имени предков. Внезапно он вспомнил, как служанка в гостинице, которую ему удалось рассмешить, воскликнула, намекая на его небольшой рост, серый костюм и веселый нрав: «Да ты похож на воробья, путник! И чирикаешь так же хорошо... Настоящий воробышек!»

И он с улыбкой ответил офицеру:

— Меня зовут Гийери, лейтенант. Филипп Гийери.

Офицер пожал плечами и рассмеялся:

— Ты и впрямь похож на воробья. Ладно, иди, Гийери.

И новобранец с новым именем очертя голову бросился навстречу превратностям воинской судьбы. Он был отважен, ему нравилось ходить в атаку. Он проявлял чудеса храбрости, и коннетабль Ледигьер, увидев его в деле под стенами Монмельяна, доверил «капитану Гийери» командовать ротой.

Впервые в жизни Филипп увидел будущее в радужных красках. Вдохновленный первыми лаврами, он написал братьям и предложил им присоединиться к нему. Он мечтал о том, что все они отличатся на воинском поприще... но внезапно все его мечты о славе рухнули.

В тот день, когда Гийом и Матюрен прибыли в лагерь, чтобы получить свою долю риска и славы, туда же прискакал гонец и привез наихудшую новость для всякого солдата, любящего свое ремесло: противники заключили мир!

Все было кончено — герцог Савойский и король Генрих сложили оружие и приготовились подписать мир; коннетабль распускал отряды, в которых он больше не нуждался.

— Бедняги, вы прибыли слишком поздно, — сказал Филипп братьям. — Нам здесь нечего делать — мы больше не нужны...

— Ты хочешь сказать, что нам надо возвращаться домой?! — воскликнул Гийом. — Но что мы будем там делать? Прево забрал у нас последние деньги. У отца остался только дом и немного мебели. Живя с ним, мы просто умрем от голода, сойдем с ума от скуки и нищеты!

Филиппу все это было прекрасно известно. Конечно, ему выплатили его жалованье, но война была слишком короткой, и солидной суммы оно не составляло. Когда они поделили его на троих, каждому достались крохи...

Тут он вспомнил, каким образом по дороге в Лион раздобыл себе коня и другие необходимые вещи. В конце концов, если грабеж — единственное средство, за счет которого можно выжить, значит, ему придется заниматься грабежом! Однако Филипп не собирался становиться простым вором. Обуреваемый жаждой славы и величия, Гийери решил, что ему может подойти только одна роль — роль главаря шайки.

Он созвал солдат своей бывшей роты — тех, которые, как и он, были разочарованы наступившим миром и, на его взгляд, вполне могли стать грабителями с большой дороги.

— Вы все меня знаете! Знаете, что я никогда напрасно не рисковал вашими жизнями и всегда старался делать так, чтобы вам было лучше, чем другим солдатам. Я был вашим капитаном до сегодняшнего дня. Но если вы пожелаете, я могу им остаться, и мы вместе сможем обеспечить себе такую жизнь, какую поодиночке не будем иметь никогда. Хотите получить золото, женщин, хороший стол? Тогда давайте все вместе подадимся в разбойники! Да, нас ждет риск, но я считаю, что он не так страшен, как нищета. Хотите последовать за мной?

Солдат было сорок, и все сорок единодушно провозгласили капитана Гийери своим предводителем. Однако поскольку они находились на территории, кишевшей войсками, то сразу приступить к избранному занятию не могли, а потому собрали котомки и двинулись в места, менее посещаемые королевскими солдатами.

Они решили направиться в Сентонж — очевидно, по той причине, что, по свидетельству старых хроник, «тамошние жители богаты, простодушны и трусоваты». Но вероятнее всего, это просто был выбор Гийери: будучи родом из Вандеи, он прекрасно знал эти края.

Вскоре новоиспеченные разбойники стали знамениты. Слух об их похождениях распространился сначала по всей провинции, а потом и по всей Франции, устрашая одних и забавляя других: разбойник Гийери всегда ценил хорошую шутку, и его остроумие было не менее знаменито, чем его подвиги. Бедный люд обожал его, ибо этот новоявленный Робин Гуд грабил только богатых — в основном крупных торговцев. Более того, он нередко делился своей добычей с теми, кто в ней нуждался, и немало бедняков были спасены от нищеты этим разбойником с птичьим именем, которое, по слухам, скрывало имя гораздо более звучное.

На месте своих деяний Гийери имел обыкновение оставлять табличку с надписью: «Мир дворянам, смерть прево и солдатам, кошелек торговцам». Не прошло и полугода, как его щуплая фигурка, всегда в сером, замелькала и в лесах, и на болотах — словом, повсюду, и многие действительно поверили, что он вездесущ. Крестьяне с присущим им грубоватым добродушием по-свойски окрестили разбойника «кумом Гийери» и на вечерних посиделках часто рассказывали о нем разные истории. Вот одна из них.

Однажды Гийери, оставив своих людей в лесу Шатеньрэ, отправился в Ла Рошель к одной хорошенькой девице, в которую был влюблен, точнее, в то время влюблен, поскольку любовниц он менял так же часто, как рубашки. По дороге ему повстречался человек, с виду не слишком состоятельный, но Гийери признал в нем крупного торговца из Ниора. Всегда вежливый, улыбчивый и учтивый, Гийери приподнял свою серую шляпу:

— Похоже, мы направляемся в одну сторону, куманек! Мне было бы приятно составить вам компанию.

— Я иду в Ла Рошель, чтобы подать жалобу сенешалю.

— Подать жалобу сенешалю? Черт побери, дружище, чтобы жаловаться, нужны деньги.

Упоминание о деньгах посреди большой дороги обычно никого не радует, так что торговец поспешил возразить:

— Деньги? Какие деньги? У меня с собой ни лиара! Вопрос, где раздобыть денег, меня очень волнует, но пока мне ничего не приходит в голову.

— Что ж, — вновь улыбнулся Гийери, — у меня денег не больше вашего... Зато я кое-что придумал! Вон там, на перекрестке, стоит небольшое распятие. Мы преклоним перед ним колени и помолимся господу — попросим, чтобы он послал нам немного денег.

И Гийери потащил за собой торговца, который уже начал серьезно опасаться, не встретился ли он с сумасшедшим, или с кем-нибудь еще хуже. Однако он безропотно преклонил колени перед старым крестом.

— А теперь молитесь! — приказал Гийери торговцу. — Только молитесь хорошенько, иначе господь не пошлет нам желаемого.

И оба принялись усердно молиться. Случайный свидетель наверняка решил бы, что эти двое в едином порыве возносят хвалу господу, однако несчастный торговец молил бога, чтобы он избавил его от странного попутчика, под курткой которого угадывались два длинных пистолета.

Через минуту Гийери принялся шарить в карманах.

— Чудо! — внезапно воскликнул он, вытаскивая из правого кармана несколько монет. — Господь услышал нас! Посмотрите, приятель, что я нашел! Шесть су... Нужно разделить этот дар небес, вот ваша половина, — он протянул торговцу три монеты. — Но мне кажется, господь мог бы быть щедрее, поэтому давайте еще помолимся.

Во второй раз он вытащил из кармана десять су, а в третий — целый экю; все деньги были честно поделены на двоих. Торговец же по вполне понятным причинам не решался обследовать собственные карманы, и Гийери, прищурившись, посмотрел на него:

— Вы совершенно не верите в господа, друг мой! Почему бы и вам не пошарить у себя в карманах?

— Увы, я закоренелый грешник! Господь ни за что не снизойдет ко мне.

— Полно! Не скромничайте, куманек. Давайте хотя бы посмотрим — быть может, господь простил вас. Ведь милосердие Его безгранично!

И так как попутчик его по-прежнему не делал попыток исследовать собственные карманы, за дело взялся Гийери, а вконец перепуганный торговец даже не подумал ему противиться. Долго искать Гийери не пришлось: он быстро извлек на свет кошель с округлыми боками и, встряхнув его хорошенько, сунул под нос своей жертве.

— Ну, что я вам говорил? Господь не только вас простил, но еще и оказал вам великую милость! Вернувшись к себе, я поставлю Ему сразу три свечи — ведь вы, разумеется, поделите сей дар пополам, как я поделил ниспосланный мне дар небес!

Гийери с радостным видом извлек из кошелька сто луидоров, остальные деньги вернул торговцу и вежливо с ним распрощался, сказав, что теперь ему уже нечего делать в Ла Рошели — он лучше вернется домой и пойдет в церковь возносить хвалы Всевышнему.

Торговец вздохнул с облегчением, а Гийери, свернув на другую дорогу, все-таки отправился в Ла Ро-шель и по пути купил своей Мари-Жанне подарок — роскошное ожерелье.

Присутствие шайки Гийери в лесу Шатеньрэ чрезвычайно раздражало власти, особенно ниорского прево господина де Ла Рош-Буассо. Он посулил золотые горы тому, кто принесет ему голову веселого разбойника, и некий крестьянин, прельстившийся кругленькой суммой, сообщил Ла Рош-Буассо, что разбойники разбили лагерь на восточной окраине леса.

Обрадованный прево решил захватить Гийери, однако ему показалось, что сил для этого у него маловато, и он отправил гонца в Аа Рошель, к тамошнему прево, чтобы попросить у него подмоги. К несчастью, гонец наткнулся прямо на Гийери: тот с ружьем за спиной охотился напоблизу от дороги.

Увидев человека в ливрее, Гийери решил на всякий случай захватить его, и после непродолжительных, но весьма энергичных уговоров гонец рассказал о доверенном ему поручении: прево Ниора приглашал прево Ла Рошели в свой замок Ла Рош-Буассо, что находился в нескольких лье от города.

Раздетый и связанный, посланец был поручен заботам Гийома, который препроводил его в надежное место, а Гийери, облачившись в ливрею гонца, поскакал по дороге в Ла Рошель. Прибыв в город, он направился к особняку прево и передал ему письмо де Ла Рош-Буассо.

Не теряя времени, прево Ла Рошели вскочил на коня, взяв с собой дюжину солдат, и отряд, возглавляемый мнимым гонцом, двинулся в сторону Ла Шатеньрэ. Однако в условленном месте их ждали отнюдь не те, кого они рассчитывали встретить, а люди Гийери, впрочем, оказавшие им весьма достойный прием. Пока Филипп Гийери разбирался с пленниками, Матюрен Гийери с дюжиной разбойников, переодетыхся

солдатами, отправились к господину де Ла Рош-Буассо; роль посланца прево Ла Рошели Матюрен взял на себя.

Спустя два часа оба прево вместе со всеми стражниками были полностью избавлены от одежды, иначе говоря, остались голыми как ладонь. В таком виде их привязали к деревьям возле большой прогалины, и Гийери обратился к ним с речью — наполовину шутовской, наполовину серьезной:

— Пусть этот случай, господа, послужит вам уроком! Не стоит ссориться с честными разбойниками вроде нас. Учтите: если вы еще раз попадете мне в руки, я буду менее кроток. А сейчас мы вынуждены оставить вас здесь, поскольку, сами понимаете, при таких условиях нам придется изменить свое местопребывание. Но, как я уже сказал, мы хотели всего лишь проучить вас, а посему мы развяжем одного из ваших людей, чтобы он мог освободить вас всех. Ваша одежда лежит вон там, в кустах... ничего не пропало, можете сами убедиться. Теперь же имею честь откланяться, господа!

Вскочив на коня, Гийери развернул его и вместе со всем отрядом углубился в лес, в самую его чащу. Замыкающий перерезал веревки у одного из стражников, бросил к его ногам нож и поскакал следом за товарищами. И до тех пор, пока кони не помчались галопом, до обоих прево и их солдат доносилась насмешливая песенка разбойников, а лесное эхо вторило их веселым молодым голосам.

Гийери и его шайка расположились в замке Дезесар, неподалеку от речушки Булонь, и оттуда продолжали совершать свои грабительские налеты. Одни проклинали разбойников, другие их благословляли, поскольку, согласно своему обычаю, разбойники частенько отдавали добычу самым нуждающимся. К тому же, несмотря на устрашающие таблички, развешанные по всему лесу, никто из них по неписаному закону никогда никого не убивал. Они имели право убивать, только защищая собственную жизнь, ради грабежа и забавы убийство было запрещено. Один из разбойников, рискнувший нарушить этот закон, не успел даже покаяться: Гийери мгновенно вздернул его на толстом суку старого дуба.

К несчастью, у повешенного разбойника был брат, и этот брат, желая отомстить, отправился в Ниор к господину де Ла Рош-Буассо и донес на Гийери. На рассвете замок Дезесар был окружен.

— Друзья мои! — воскликнул Гийери, видя, что вырваться из лап врагов нет никакой надежды. — Пять лет мы жили весело, как хотели, но, похоже, сейчас нам придет конец. Давайте же, по крайней мере, продадим нашу жизнь дорого! У нас есть единственный шанс — сесть на коней и прорвать вражеское оцепление. Вооружимся пистолетами, и да пребудет с каждым из нас удача! Те, кому удастся вырваться из осады, должны добраться до всем нам известной пещеры. Там мы и встретимся. А теперь вперед!

Словно ураган, обрушилась шайка на оцепление и прорвала железное кольцо осады. Гийери уже был готов праздновать победу, но, собрав в пещере всех своих людей, обнаружил, что не хватает четверых. И среди этих четверых был его брат Матюрен!

Спустя несколько дней Матюрен и его приятели поднялись на эшафот в городе Сенте и умерли на колесе.

Известие об этой казни повергло Гийери в жесточайшее отчаяние. Он нежно любил брата и был потрясен его трагической кончиной. В последнем разбойничьем пристанище Гийери собрал всех своих людей и, как некогда под Монмельяном, обратился к ним с речью.

— Друзья мои, — сказал он, — видите, что ждет нас, если мы будем продолжать вести ту жизнь, которую ведем сейчас. Жестокая смерть несчастного Матю-рена должна послужить всем нам уроком... и предупреждением. Господь устал от наших грабежей. Вам известно, что ни одно злодеяние не остается безнаказанным, но зато господь дает грешникам время раскаяться. Мы не должны пренебрегать возможностью, дарованной нам самим господом! Давайте же поделим накопленные деньги и разойдемся в разные стороны — каждый отправится туда, куда сочтет нужным, и постарается начать новую жизнь. Я первый подам вам пример. И да хранит вас господь!

Взволнованные его словами, разбойники обещали покаяться; затем каждый, получив кругленькую сумму, обнял предводителя и дал обещание никогда не забывать его.

Разбойники сели на коней и поехали куда глаза глядят. Гийом уехал последним; расставались братья со слезами, но Филипп настоял, чтобы Гийом ехал один — так ему будет легче спастись.

Оставшись в одиночестве, Гийери напоследок ограбил богатого старика, забрал у него одежду и сменил свой легендарный серый наряд на роскошный костюм из голубого бархата. Водрузив на голову шляпу с пером, он положил в сумку деньги и покинул последнее пристанище разбойников. На свет родился новый Филипп, однако история умалчивает, какое он взял себе имя.

Оставив позади места своих былых походов, он направился в Бордо, а потом пересек ланды, намереваясь пробраться в Испанию и затеряться там на несколько лет. Но судьба решила иначе. Однажды Филипп остановился перекусить в маленьком городке Сен-Жюстен. Сидя в трактире и подкрепляясь, он увидел, как из церкви вышла необычайно красивая девушка — таких красавиц он еще никогда не видел. Девушка была так прекрасна, что Филипп не утерпел и спросил у трактирщика, кто она такая. Трактирщик ответил, что зовут ее Мари, она вдова вот уже три года и живет в небольшом замке неподалеку от Сен-Жюстена.

«Я хочу с ней познакомиться! — решил бывший разбойник. — Да, больше всего на свете я хочу с ней познакомиться...»

И он остался в Сен-Жюстене.

Спустя несколько дней Филипп купил в окрестностях дом, был представлен местному обществу и, разумеется, прекрасной Мари, которая отнеслась к нему чрезвычайно благосклонно. Еще бы: этот господин был обворожителен, богат, ему не было и тридцати, и он обладал массой достоинств! Через несколько месяцев Филипп женился на прекрасной вдовушке, и они стали жить в радости и покое.

Возможно, так бы и прожил он с красавицей-женой долго и счастливо, если бы не злая рука случая, которая снова столкнула его с торговцем из Бордо, некогда ставшим жертвой забавного розыгрыша кума Гийери.

Торговец удивился, порасспрашивал людей, сравнил даты... и донес на супруга прекрасной Мари.

Однажды солнечным майским утром в замок, где жила молодая пара, явились гвардейцы и потребовали хозяина. Заслышав шум и голоса, Гийери вскочил с постели и, как был, в одной рубашке, спустился посмотреть, в чем дело, по привычке прихватив с собой пистолет. Но едва он оказался возле двери, как его окружили более десятка стражников и попытались схватить его.

Однако мирная супружеская жизнь не ослабила ни бдительности Гийери, ни его ловкости. Отвесив нужное количество затрецин, он сумел вырваться из дома, не забыв при этом выстрелить в лошадь, на которой сидел командир отряда. Затем Филипп скрылся в соседнем лесу, который хорошо знал. Несмотря на все старания солдат, его так и не нашли.

К несчастью, пуля задела Гийери плечо; вдобавок он был в одной рубашке, так что вернуться домой и даже просто выйти из леса он не мог. Если бы не жена, Филипп, возможно, так и умер бы в Лесу. Однако Мари любила мужа. Даже теперь, зная, кто он такой на самом деле, она любила его по-прежнему. Обыскав весь лес, она отыскала его, принесла ему одежду, еду, деньги и, разумеется, перевязала рану.

— Не можете же вы вечно скрываться в лесу, друг мой, — сказала она. — Вам надо уехать, и как можно дальше... Когда вы будете в безопасности, вы мне напишете, и я приеду к вам.

— Правда? Вы приедете? Обещаете мне? Тогда поклянитесь, Мари, ибо без вас мне все равно не будет жизни!

— Клянусь вам! Мы слишком любим друг друга, чтобы так просто расстаться навсегда.

После долгих слез, прощаний и обещаний Гийери покинул лес, дошел до Бордо, затем добрался до Блэ и собрался берегом идти в Ла Рошель, чтобы оттуда отплыть в Америку. Но рана его нагноилась, и он понял, что, если хочет добраться до Америки живым, ему надо вылечиться.

В Руайане он постучался в монастырскую больницу, где выдал себя за подручного садовника.

Однако на судне, на котором он плыл до Блэ, его опознали. Доносчик последовал за ним и, увидев, как за Гийери закрылись ворота монастырской больницы, поспешил к ниорскому прево — теперь эту должность исполнял месье де Парабер. Через несколько дней человек, за которым безуспешно охотились прево всей округи, был арестован в монастырской больнице города Руай-ана. Под усиленным конвоем Филиппа отправили в тюрьму Ла Рошели... где он мог смотреть в окно и любоваться океаном, который ему так и не удалось пересечь.

Спустя несколько дней, 25 ноября 1608 года, кум Гийери с великим раскаянием и великим мужеством взошел на эшафот, чтобы погибнуть в неравном бою со смертью.

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ ГАСПАРА ИЗ БЕСА

1. УЩЕЛЬЕ ОЛЬЮЛЬ

Яркий солнечный луч упорно не желал покидать лицо Гаспара Буи, и тот вынужден был наконец открыть глаза. С недовольным ворчанием Гаспар привстал... и снова рухнул: голова его раскалывалась, в висках стучало так, словно рядом маршировала рота барабанщиков.

Вторая попытка имела большой успех. Гаспар сел, протер глаза, огляделся и с удивлением обнаружил, что, оказывается, заснул прямо на главной площади своей родной деревни Бес-сюр-Изоль. Но самое поразительное — он был там не один: под дарующим спасительную тень платаном среди множества валяющихся на земле пустых бутылок похрапывало никак не меньше дюжины мужчин. Среди них был и его лучший друг Санплан, местный кузнец. Санплан свернулся клубочком у подножия дерева, нежно прижимая к себе бутылку...

— Святая Дева! — пробормотал Гаспар. — Что мы здесь делаем? Что такое с нами случилось?

Несмотря на яркое солнце, час был ранний, ставни в домах еще не открывали. С трудом поднявшись на ноги, молодой человек решил отправиться домой, оставив остальных спокойно досыпать, как вдруг услышал непривычные звуки. Он остановился и прислушался: неподалеку играл военный рожок. Внезапно туман, заволакивающий разум Гаспара, рассеялся; теперь он все вспомнил...

Накануне вечером в деревню прибыл сержант-вербовщик со своим отрядом. Разодетый в парадный мундир сержант был веселый малый, он пригласил всех парней деревни в трактир, заказал им выпивку и оплатил ее, а пока парни пили, всюю расхваливал солдатское счастье. Сержант убеждал их, что каждого, кто поступит на службу к королю, ждут слава и блестящее будущее.

Выпили они, надо сказать, знатно! Сержант был щедр, жара летом 1777 года стояла изнурительная, а молодого вина с виноградников Прованса было вволю.

Но, несмотря на огромное количество выпитого, память постепенно возвращалась к Гаспару. Он вспомнил, как сержант протянул ему какой-то лист и свежееотточенное перо... Иисус милосердный! Он подписал этот лист! Подписал, что согласен десять лет служить королю. Значит, сейчас за ним придут, равно как и за всеми безмозглыми дураками, поступившими так же, как он. И ничто уже не спасет их! Если они откажутся, их ждет петля... Черт побери! Они подписали, и теперь сержант вправе распоряжаться ими; сейчас он наверняка смотрит на кучу подписанных бумаг и довольно потирает руки.

Головная боль у Гаспара тут же прошла. Жаловаться было поздно. У него еще будет время бить себя в грудь и каяться, что свалил дурака, сейчас же, если он хочет сохранить свою свободу, надо что-то делать — быстро. Очень быстро! Потому что звуки солдатского рожка означают подъем.

Гаспар принялся лихорадочно будить приятелей, однако хмель у них еще не выветрился, и ни один даже не шелохнулся. Только Санплан открыл один глаз, лицо его болезненно перекопилось, и глаз снова закрылся... А ведь солдаты будут здесь с минуты на минуту!

Разозлившись, Гаспар поднял с земли чью-то шляпу, подбежал к фонтанчику, наполнил ее водой и, вернувшись, со всего размаху вылил эту воду на лицо друга. Увидев, что Санплан встрепенулся, он быстро помог ему встать.

— Скорее, ради всего святого! — крикнул Гаспар. — Если хочешь сохранить свою свободу, следуй за мной!

— Куда это, интересно, я должен бежать? — недовольно проворчал Санплан.

— В леса Сен-Кини! Вчера вербовщик напоил нас и заставил подписать бумаги, что мы добровольно вступили в армию. Еще немного — и за нами придут солдаты! Надо бежать, и быстрее!

На этот раз Санплан все понял. Он быстро окинул взором земляков.

— А... как же эти?

— У нас нет времени! Я уже пытался их разбудить — ничего не выходит.

— Давай спасем хотя бы Бернара. Его бедная мать не переживет, если он уедет. К тому же он влюблен...

Санплан, которому было около тридцати пяти, обладал поистине геркулесовой силой. Он поднял спящего молодого человека, взвалил его на плечи и последовал за Гаспаром, который уже бежал со всех ног в направлении Сен-Кини. И как раз вовремя: барабанная дробь зазвучала совсем рядом — это шли солдаты...

Красные скалы Эстреля поросли густым лесом, состоящим в основном из сосен и пробковых дубов. Для тех, кто был хорошо знаком со здешними чащами, леса эти являлись поистине идеальным убежищем: изборожденные глубокими трещинами и заросшие кустарником скалы таили в себе немало пещер, обнаружить которые людям несведущим было невозможно. Троп в этих лесах было мало, а людей и того меньше: Гаспар Буи не ошибся, позвав туда своих приятелей. За те двадцать лет, что он прожил на свете, он столько раз там охотился, что знал, наверное, каждый кустик.

Вечер застал троих друзей в небольшой пещере; они развели костерок, на котором ушлый Санплан уже жарил пойманного в силки кролика. Он тоже хорошо знал лес, где у него везде были расставлены силки и ловушки — среди браконьеров, орудовавших в здешних лесах, соперничать с ним мог только Гаспар. Ну кто, скажите, был в состоянии отыскать их в этой чаще? Леса считались королевскими, но король там никогда не охотился.

Задумчиво глядя в огонь, Гаспар произнес:

— Вот мы и вне закона... Значит, так тому и быть!

Санплан не видел в этом больших неудобств. Ему, конечно, было немного жаль своей кузницы, но он в любом случае потерял бы ее, если бы ушел в солдаты... А о сварливой жене Паскалине и вовсе нечего было жалеть. Однако Бернар Тейсе, молодой человек, которого они, сонного, уволокли с собой, был другого мнения.

— Вне закона?! — воскликнул он. — Не хочешь ли ты сказать, что мы должны стать разбойниками?

— Не вижу в этом ничего страшного, — пожал плечами Гаспар. — Жить ведь как-то надо! Правда, Санплан?

Кузнец не ответил. Слово, которое произнес Бернар, неприятно поразило его: он помрачнел и принялся старательно размешивать угли. Когда Санплан был совсем мальчишкой, он за кражу соли угодили на галеры и провел там пять долгих лет. Стать

разбойником почти наверняка означало повторить этот путь... Но в конце-то концов, может, все еще кончится не так уж плохо!

Передернув широкими плечами, словно сбрасывая с них тяжелый груз, Санплан рассмеялся:

— Согласен, Гаспар! Жить, конечно, надо. А в окрестностях есть немало богатых торговцев и сборщиков налогов, которые вполне могут обеспечить нам сносное существование.

— А я отказываюсь! — воскликнул Бернар. — Я не вор и не хочу им становиться! Матушка мне этого не простит — и Тереза тоже... Я люблю Терезу и хочу на ней жениться!

— Как хочешь, — отвечал Гаспар. — Но все-таки ради собственной безопасности тебе стоит немного пожить с нами, пока нас не перестанут искать.

Постепенно жизнь в пещере Эстереля налаживалась. Охота была успешной, а окрестные жители охотно помогали добровольным отшельникам и рассказывали им, что происходит у них в деревне. Через две недели маленький отряд пополнился еще тремя дезертирами, которым тоже удалось удрасть от сержанта-вербовщика. В деревне им сказали, куда бежать и где отыскать Гас-пара.

Однако Бернар Тейсе по-прежнему не хотел становиться разбойником и выходить на большую дорогу. Тоскуя по своей любимой Терезе, он бродил такой хмурый и печальный, что однажды утром Гаспар посоветовал ему вернуться в деревню.

— Только постарайся, чтобы тебя не схватили, — сказал он ему на прощание. — А если у тебя будут неприятности... или ты пожалеешь, что ушел, возвращайся. Мы всегда тебя примем.

— Похоже, мы его больше не увидим, — заметил Санплан, глядя, как молодой человек пробирается сквозь кустарник.

— Он вернется! — уверенно заявил Гаспар.

И действительно, через пару дней Бернар, осунувшийся и бледный как смерть, вернулся в пещеру.

— Что случилось? — спросил его Гаспар. — За тобой гнались? Ты случайно не указал солдатам дорогу к нам?

— Нет! Никто за мной не гнался. Я вернулся, потому что...

Он помолчал, но внезапно его словно прорвало: слова так и хлынули из него бурным потоком. Ему явно хотелось выговориться, рассказать о наболевшем:

— Тереза... Моя Тереза! Серафен, сын судьи Кокареля, силой увел ее! Он держит ее взаперти у себя в доме!

— А ты уверен, что он увел ее силой?

— Как ты смеешь так говорить?! — закричал возмущенный Бернар. — Конечно, силой! Я знаю, Тереза не любит Серафена. Она всегда его боялась и просила меня защитить ее от него.

— Стало быть, она любит тебя?

— Я надеюсь... Да, несомненно, она меня любит!

Гаспар нахмурился. Его блестящие глаза внимательно разглядывали заплаканное лицо молодого человека. Некоторое время он молча размышлял, а затем спросил:

— Чего же ты хочешь от меня?

— Чтобы ты помог мне освободить ее! Я хочу отобрать Терезу у этого мерзавца!

— Ты хочешь, чтобы я напал на дом Кокареля? Но это означает, что ты пришел ко мне не только как к другу, но и как к главарю разбойников.

— Да, я согласен присоединиться к вам... если я тебе еще нужен.

— О чем разговор! Добро пожаловать, Бернар. Мы вернем тебе Терезу!

Через два дня шайка дезертиров действительно напала на дом судьи, поколотила слуг и так отделала несчастного Серафена — неудачливого похитителя красавицы Терезы, —

что тот еще долго не мог сидеть даже на мягкой кровати. Молодая девушка была торжественно доставлена в лес.

— Теперь тебе придется жить с нами, — заявил Гаспар, вводя девушку в пещеру. — Судья Кокарель непременно попытается отомстить. Надеюсь, ты не будешь возражаешь? Ведь ты остаешься здесь вместе с Бернаром.

Тереза пристально взглянула на него и улыбнулась — быть может, излишне нежно.

— Ты спас меня, Гаспар! — произнесла она. — Я этого никогда не забуду и с радостью останусь здесь.

В тот вечер Гаспар не понял, что, нисколько того не желая, похитил сердце Терезы у своего друга Бернара. К счастью, сам Бернар тоже этого не заметил...

Постепенно по всему Эстерелю поползли слухи о похождениях «шайки Гаспара». Дезертиры ограбили сборщика налогов, а затем трех богатых торговцев, следовавших из Бокэра в Геную. Но Гаспар не был доволен: он считал свою шайку слишком малочисленной для крупных дел, о которых мечтал. Этот красивый молодой человек с темными бархатными глазами грезил о славе знаменитого контрабандиста Мандрена: с самого детства он хотел походить на него. Перспектива окончить жизнь на эшафоте его не пугала — Гаспар мечтал стать некоронованным королем Прованса.

— Я хочу быть не просто разбойником, а благородным разбойником! — говорил он. — Грабить богатых, но помогать бедным и исправлять зло там, где оно уже свершилось. Не давать откупщикам душить налогами бедняков и обогащаться самим — вот чего я хочу! Но для этого нас должно быть много — а нас всего лишь горсточка...

Набрать отряд, состоящий из крепких, воинственных и не слишком щепетильных людей, было делом нелегким, однако изобретательный Санплан нашел способ.

— Скоро здесь пройдет партия каторжников: в это время их обычно гонят из Парижа в Тулон. Я знаю, когда каторжников поведут по ущелью Ольюль... а ущелье Ольюль будто специально создано для засады! Разумеется, риск большой...

Риск действительно был огромен, поскольку скованных одной цепью каторжников всегда сопровождал многочисленный конвой. Желание горстки разбойников отбить преступников откровенно папахивало безумием, но глаза Гаспара уже загорелись.

— Это мне подходит! — заявил он. — Если нам удастся провернуть это дело, мы станем сильны, как никогда, если же нет... возможно, все мы останемся лежать в ущелье. Однако попытаться стоит! Пошли, посмотрим на месте, что представляет собой ущелье Ольюль.

Путь до ущелья был недалек, но Гаспар знал все окрестные дороги как свои пять пальцев. Они шли ночью, а днем прятались в лесах и пещерах и наконец добрались до места.

Извилистое, изрытое сбегавшими с гор потоками ущелье представляло собой хаотическое нагромождение поросших мхом каменистых уступов. Такой ландшафт уравнивал шансы. Преимущество нападавших заключалось в неожиданности и великолепном знании местности, сила надзирателей — в их численности и превосходстве в вооружении.

Операция завершилась успешно. Оказавшись под круговым обстрелом и не видя своих противников, надзиратели не могли толком обороняться и сочли за Лучшее разбежаться, оставив на поле боя двенадцать трупов и троих раненых. Один из людей Гаспара по прозвищу Кривой хотел прикончить раненых, однако главарь шайки воспротивился:

— Я убиваю только в честном бою! Если смерть решила пощадить их — они свободны.

Однако раненые не спешили покидать разбойников.

— Если ты не против, приятель, — сказал один из них, — мы бы присоединились к тебе. Когда мы вернемся в Тулон после такого разгрома, у нас будут большие неприятности. Скорее всего нас тоже отправят на галеры, а уж мы-то знаем, что это значит!

— Я готов вас принять, — улыбнулся Гаспар. — Мне нужны мужественные люди.

Теперь он мог быть доволен: все пятьдесят каторжников, которых им удалось освободить, с радостью присоединились к шайке. Разумеется, среди них было несколько отпетых негодяев, отнюдь не вызывавших симпатий. Однако не мог же Гаспар набирать себе в шайку мальчиков из церковного хора! Про себя он решил, что глаз не спустит с этих мерзавцев.

Для начала Гаспар обратился к новым членам своей шайки с короткой, но вполне доходчивой и убедительной речью:

— Если вы будете мне беспрекословно подчиняться, вы получите все, что пожелаете — вас ждет безбедная и легкая жизнь. Но тот, кто осмелится оспаривать мои приказы, будет наказан: предательство карается смертью. Так что смотрите сами, устраивает ли вас такое будущее.

Пятьдесят каторжников и трое бывших надзирателей единодушно присягнули на верность главарю.

2. ЭШАФОТ В ЭКСЕ

Вскоре красивый красны камзол Гаспара и широкая треуголка с золотым галуном стали известны всему Провансу, равно как его остроумие и обаятельная улыбка. Мужчины восхищались им, женщины мечтали о его любви, хотя и таили эти мечты в самых укромных уголках своих сердец. Ему приписывали сотни любовных приключений, но ни одной серьезной связи. Немало красоток с наступлением темноты потихоньку открывали окна, с нетерпением ожидая, когда к ним явится мужчина в широкой треуголке. Однако ни одна не могла похвастаться тем, что завоевала его сердце. Каждая из них лишь тешила себя надеждой, что, быть может, он еще когда-нибудь вернется к ней... Единственной красавицей, которая всерьез терзалась отчаянной мукой неразделенной любви, была юная Тереза — невеста Бернара Тейсе, волей обстоятельств ставшего членом шайки. Бедняжка безумно влюбилась в Гаспара и ужасно страдала, причем страдания ее усугублялись тем, что она ни за что на свете не решилась бы сказать ему о своей любви.

— Он никогда не полюбит меня! Я уверена, что совсем ему не нравлюсь... — жаловалась она дону Пабло, капеллану шайки.

Надо сказать, капеллан был личностью прелюбопытнейшей. Этот испанский священник ухитрился лишиться духовного сана и угодить на каторгу, однако все разбойники относились к нему с поразительным доверием и часто поверяли ему свои тайны.

— Не в этом дело, — отвечал дон Пабло. — Даже если бы Гаспар и любил тебя, он все равно никогда не сказал бы тебе об этом.

— Но почему? Неужели из-за Бернара?

— Конечно! Разве ты забыла, что именно по просьбе Бернара Гаспар выкрал тебя из дома

Кокареля? А Гаспар никогда не предает друзей...

— Но ведь мы с Бернаром даже не обручены!

— Это верно, но все равно, лучше бы тебе поскорей выйти за него замуж. Он же прекрасно видит, как сильно ты изменилась. Боюсь, что если ты распалишь ревность Бернара, то этим навлечешь беду на голову Гаспара.

— А вы уверены, что Бернар ревнует?

— Пока нет, но скоро станет. Так что будь осторожна, крошка! Ты живешь среди волков, и не надо лишний раз напоминать им, что у них есть зубы.

Тереза вздыхала и шла чинить одежду своего героя, изодранную шипами колючих кустарников. Она утешалась тем, что Гаспар по-настоящему никого не любил и все его амурные приключения были мимолетны. Быть может, надеялась Тереза, он никогда никого не полюбит...

Однако на свое несчастье она ошибалась — любовь его уже была не за горами.

Однажды июньским вечером 1779 года Гаспар неожиданно предложил своим людям пойти на бал в замок Фон-Бланш. Замок этот принадлежал очень богатой особе по имени мадам де Гарнье; она устраивала праздник по случаю восемнадцатилетия своей дочери Сабины. Гаспар предвидел, что этот бал войдет в анналы провинциальной жизни: на него должны были прибыть все самые знатные, богатые и знаменитые люди края.

— Думаю, там будет не хватать только знаменитых разбойников. Но мы восполним этот пробел и отправимся на бал! — провозгласил Гаспар и тотчас распорядился:

— Со мной поедут двадцать человек в наших самых лучших костюмах! И разумеется, оружие тоже должно быть дорогое, красивое. Мы отправляемся в свет!

Благородные гости мадам де Гарнье испытали настоящий шок, когда посреди менуэта возле всех дверей танцевального зала неожиданно возникли богато одетые люди в черных масках и с пистолетами, которые были наставлены на танцующих. Единственный человек, у которого не было пистолета и который не счел нужным даже обнажить шпагу, вышел на середину и витиеватой речью приветствовал собравшихся:

— Прекрасные дамы и благородные сеньоры! Вы сами понимаете, что только наши суровые времена заставляют таких благородных искателей приключений, как мы, собирать дань там, где это возможно. Надеюсь, вы окажетесь столь любезны, что отдадите нам ваши украшения и ваши кошельки — тогда вам не причинят никакого зла. Поверьте, мне очень жаль...

Сквозь прорези маски двумя алмазами блестели черные глаза, улыбка открывала ослепительной белизны зубы. Глядя на этого высокого красавца в длинном камзоле из пурпурного бархата и черных шелковых панталонах до колен, женщины потихоньку вздыхали, без сомнения, считая его гораздо более обольстительным и привлекательным, нежели их собственные спутники. Гаспар же спокойно завершил свою речь:

— Я надеюсь, вы любезно вручите моему лучшему другу, шевалье Бернару, то, что мы назовем... вашими щедрыми взносами.

Сунув пистолет под мышку, Бернар в сопровождении великана Санплана начал обходить ошеломленных гостей. Золотые монеты и драгоценности дождем сыпались в его шляпу: никто не дерзнул оказать сопротивление. Мужчины краснели и бледнели в бессильной ярости, а в глазах женщин, устремленных на изящную фигуру в пурпуре, загорался странный огонек. Две или три из них упали в обморок, но не меньше дюжины украдкой улыбались.

Обход завершился. Гаспар и его люди уже собирались откланяться, как вдруг очаровательная девушка, белокурая, с сияющими глазами, в белом платье, украшенном чайными розами, подошла к молодому предводителю разбойников.

— Сударь! — звонко произнесла она, и голос ее эхом отозвался в высоких, украшенных золоченой лепниной сводах зала. — Вы называете себя благородным искателем приключений? Но благородный человек не уходит, забрав с собой столько всего и не оставив ничего взамен!

Гаспар изящно поклонился:

— Вы совершенно правы. Что я могу предложить вам, мадемуазель?

— Меня зовут Сабина де Гарнье. Этот бал устроен в мою честь. Поэтому я прошу вас, сударь, пригласить меня на танец.

Сквозь прорези в маске черные глаза Гаспара внимательно изучали девушку. Она была действительно прекрасна; обычно такая юная робкая красота, достигнув расцвета, превращается в красоту ослепительную. Девушка была хрупка, словно нимфа, и улыбалась, как ангел. Сердце под камзолом пурпурного бархата дрогнуло и забилось сильнее, чем обычно... Непринужденным движением Гаспар отбросил в угол свою треуголку, затем неторопливо снял черную маску и, склонившись перед девушкой, протянул ей руку:

— Прошу вас, мадемуазель, окажите мне честь...

Скрипки, умолкшие с приходом разбойников, вновь заиграли, словно повинуюсь невидимому знаку, и вокруг странной пары тотчас образовался круг — словно кто-то обвел их магической чертой. Сабина и Гаспар танцевали прерванный менуэт и молча смотрели друг на друга: голубые глаза не могли оторваться от черных.

Когда танец стал подходить к концу, Гаспар шепотом спросил:

— Смеет ли главарь разбойников надеяться еще раз увидеть столь благородную и прекрасную девушку?

— Все зависит от того, что главарь разбойников собирается сказать этой девушке.

— Очень многое! Это невозможно выразить в считанные секунды, но непременно нужно сказать!

Сабина ответила не сразу. Некоторое время она размышляла и наконец ослепительно улыбнулась:

— В лесу, между Колобриером и Пиньяном, есть перекресток...

— Знаю.

— Дерзните ли вы явиться туда днем... скажем, часов в пять пополудни?

— Я готов на все, мадемуазель, в надежде заслужить еще одну вашу улыбку!

— Что ж, посмотрим...

Последняя фигура танца разделила их, но Гаспар вдруг почувствовал себя безмерно счастливым. Отступив на несколько шагов, он отыскал глазами Санплана, который с блаженной физиономией держал в руках шляпу с драгоценностями. Гаспар подошел к нему, взял шляпу и вернулся к Сабине де Гарнье:

— Возьмите это, мадемуазель! Вы попросили у меня танец в уплату за целое состояние, но радость, которую вы мне доставили, несомненно, стоит гораздо больше, чем все эти безделушки. Так возьмите их обратно!

Затем, властным жестом предупредив ропот изумленных разбойников, молодой человек отвесил окружающим поклон, достойный Версальского двора.

— Продолжайте праздник! Гаспар Буи приветствует вас!

И разбойники исчезли столь же бесшумно, как появились.

Когда они добрались до леса, Санплан принялся недовольно ворчать:

— Что за муха тебя укусила?! Вернуть такую добычу! А сколько времени потеряно...

— Зато какой жест! Ты видел, как засияли голубые глаза мадемуазель де Гарнье? — мечтательно произнес Гаспар, срывая веточку с куста розмарина и принимаясь меланхолично грызть ее.

Санплан не ответил, но нахмурился — впервые в его душу закралась тревога. Сегодня вечером Гаспар первый раз позволил обокрасть самого себя, и одному богу известно, какими последствиями это обернется для шайки!

Эту ночь, а также и все следующие Тереза горько плакала. Разбойники при ней рассказали о странном вечере в замке Фон-Бланш, и девушка поняла, что ее страхи сбылись: Гаспар влюбился, и, кажется, на этот раз серьезно.

Горе ее было столь велико, что ей захотелось умереть: у нее уже не было сил терпеть эту боль. Но на помощь девушке пришел дон Пабло.

— Не спеши, — сказал он, — умереть ты успеешь всегда. Ты же сама понимаешь: между разбойником и аристократкой не может быть ничего серьезного.

— Откуда ты знаешь? Если бы я была на месте этой девушки, я бы все бросила и пошла за ним!

— Ты — да, но она... Потерпи, Тереза. Этот хорошенький цветочек еще даже не расцвел как следует. Что же касается любви... Всегда наступает момент, когда любовь остывает и угасает!

Итак, Тереза отказалась от мысли о смерти, однако каждый день приносил ей все новые и новые муки. Видя, как Гаспар в одиночестве уходит в сторону Фон-Бланш, она понимала, что он идет на свидание с Сабинной, и, естественно, догадывалась, что могло происходить во время этих свиданий.

Действительно, молодые люди полюбили друг друга искренней любовью — глубокой и страстной... Такой страстной, что девушка позабыла о строгих правилах чести. Она стала любовницей Гаспара, который не раз среди ночи дерзко проникал в окно спальни своей возлюбленной.

Однако он прекрасно понимал, что счастье его не вечно.

— Настанет день, когда тебя выдадут замуж, — говорил он Сабине, — а меня схватят и повесят. Разбойники никогда не умирают от старости!

— Я это знаю, — отвечала Сабина. — Поэтому давай же любить друг друга, пока есть время — любить крепко, любить на всю жизнь!

Зимой 1780 года мадам де Гарнье заметила, что дочь ее сильно изменилась. Когда же Сабина отвергла сразу несколько вполне приличных партий, обеспокоенная мадам де Гарнье решила отослать ее на несколько месяцев в монастырь в Эксе. Теперь, чтобы увидеть возлюбленную, Гаспару приходилось идти на еще больший риск: не в силах жить без Сабины, главарь разбойников несколько раз пробирался в город, чтобы хоть на миг увидеть ее в приемной монастыря. Он вооружился терпением, надеясь, что вскоре девушка вновь вернется в Фон-Бланш. Во всяком случае, ему хотелось так думать...

К несчастью, судьба уже отмерила влюбленным свой срок. Однажды в пещеру Мон Винэгр притащился какой-то оборванец. Он выглядел изможденным, одежда лохмотьями висела на нем. Гаспар спросил, кто он такой, и оказалось, что это известный разбойник Дьелефи, неоднократно осужденный — ему удалось бежать из тюрьмы Экса.

— Позволь мне остаться у тебя, Гаспар! — умолял Дьелефи. — Если ты не возьмешь меня к себе, я пропал!

Гаспар был великодушен, никогда и никому он не отказывал в убежище. Он принял Дьелефи в шайку и позаботился о нем. Уж лучше бы он сразу вздернул его и оставил висеть на радость воронью! На самом деле Дьелефи вовсе не бежал из тюрьмы. Совсем недавно у него состоялся разговор с губернатором Прованса маркизом де Вогюз, и губернатор обещал ему помилование, если тот выдаст ему Гаспара Буи...

Однако исполнить губернаторский приказ было не так-то легко. Пещера Мон Винэгр была практически неприступна, а шайка достаточно многочисленна, чтобы дать отпор даже хорошо вооруженному отряду солдат.

Помочь могла только хитрость, а Дьелефи был очень хитер. Став членом шайки, он быстро понял причину постоянной грусти Терезы и постарался втереться в доверие к девушке: она была одной из тех немногих, кто всегда знал, где находится главарь. К этому времени в шайке уже было так много народа, что все разбойники разбились на отдельные отряды, каждый из которых действовал на свои страх и риск и отчитывался о своих похождениях только Гаспару.

Как-то раз июньским вечером 1781 года Гаспар вместе со своими помощниками, Санпланом и Бернаром Тейсе, куда-то уехали. Вскоре из деревни примчался Дьелефи и, изображая величайшее волнение, отыскал Терезу.

— Ты знаешь, где Гаспар? — спросил он.

— Разумеется, а почему ты спрашиваешь?

— Потому что ему грозит опасность! Особенно если он отправился к своей хорошенькой подружке. Мадам де Гарнье раскрыла их связь и подала жалобу прево. Теперь солдаты повсюду ищут Гаспара. Я был в деревне и слышал, как судья Кокарель говорил об этом с кюре. Они с Санпланом, Бернаром и остальными случайно не в Фон-Бланш направились?

— Нет. Их не будет несколько дней, но они... совсем в другом месте.

— А что, если на обратном пути Гаспар решит заехать в Фон-Бланш? Ведь так может быть?

— Да, конечно... О господи, что же делать?!

Дьелефи рассмеялся:

— Все очень просто, крошка. Надо сказать мне, куда они отправились, и я предупрежу Гаспара, что ждет его в Фон-Бланш.

— А почему ты? Я могу и сама туда пойти...

— Ты? Бедняжка, как ты пройдешь через солдатские посты? Хочешь снова угодить в лапы судьи Кока-реля? Предоставь это дело мне, я знаю местность не хуже Гаспара. Я предупрежу его, он соберет всю шайку, и тогда мы сможем сами напасть на солдат. Ну же, не трусь! Скажи мне, куда они поехали.

Слова Дьелефи звучали очень убедительно, и Тереза сдалась. Она рассказала предателю все, что он хотел знать: Гаспар вместе со своими ближайшими помощниками находился в одной из таверн неподалеку от Тулона, подкарауливая богатого генуэзского купца. Дьелефи уехал, а Тереза, как обычно, принялась молить господу, чтобы Он спас любимого ею человека...

Через два дня Гаспар, Санплан, Бернар и несколько сопровождавших их разбойников попали в руки солдат прево; солдаты крепко их связали и отправили в Экс.

Процесс Гаспара Буи взбудоражил весь Прованс, однако обвиняемый был необычайно спокоен. Не строя иллюзий относительно ожидающего его приговора, он, сидя в тюрьме, принимал посетителей, главным образом женского пола, а на досуге читал «Приключения Телемаха» и «Женитьбу Фигаро».

Приговор, как и ожидалось, был суров. 23 октября главаря разбойников вывели на главную площадь Экса, где его уже ждал палач — Гаспару предстояло умереть на колесе в страшных мучениях, как и его любимому герою Мандрену. Улыбаясь солнцу и хорошеньким женщинам, Гаспар с розой в руках уверенным шагом взошел на эшафот. Казнь Санплана и Бернара должна была состояться на следующий день.

Мужественная смерть Гаспара Буи немало способствовала его посмертной славе и быстрому распространению легенд о нем. Маркиз де Вогюэ приказал прибить головы всех трех сообщников к деревьям в Эстереле, однако память о разбойнике в красном камзоле не нуждалась в столь страшных трофеях.

Тереза не смогла пережить казни любимого человека: в отчаянии она бросилась с высокой скалы и разбилась. Сабина де Гарнье вернулась в монастырь в Эксе, чтобы более не покидать его никогда.

Предатель Дьелефи не успел воспользоваться ни свободой, ни деньгами, полученными за голову Гаспара: спустя три дня после казни знаменитого разбойника на месте, где высился эшафот, было найдено тело Дьелефи — предатель был зарезан. Никто так и не узнал, кто же убил его...

ЛЕГЕНДА О БРАТЬЯХ ДЖЕЙМС

В январе 1843 года у преподобного Роберта С. Джеймса родился первенец — Фрэнк. Если бы кто-нибудь сказал тогда святому отцу, что этот мальчик, а также второй его сын, появившийся на свет спустя четыре года, станут самыми отъявленными разбойниками, какие когда-либо обитали в окрестностях Канзас-Сити, он бы крайне удивился. Но господь в милосердии своем не допустил его увидеть эти черные дни, и спустя три месяца после рождения третьего ребенка, на сей раз девочки, названной Сьюзи, он покинул нашу юдоль слез ради лучшего мира.

Впрочем, покинул он ее при весьма странных обстоятельствах, во всяком случае, необычных для слуги господу. Основав в своем краю две церкви, преподобный Джеймс, словно самый последний нечестивец, внезапно был обуян демоном наживы и, бросив жену и детей, отправился искать счастья в Калифорнию, поклявшись вернуться оттуда с карманами, набитыми золотом. Спустя три месяца он умер.

Жена его Зерельда долго плакала; однако она была молода и хороша собой, не любила одиночества, а посему спустя два года после смерти супруга решила подарить Фрэнку, Джессу и Сьюзи отчима. Она вышла замуж за состоятельного фермера по имени Симс, но

жизнь у них не сложилась. У нового мужа не было евангельского терпения преподобного отца, а ко многим его недостаткам можно было также причислить неумеренную страсть к бутылке. Так что после трех лет терпения и упреков Зерельда решила с ним расстаться. Впрочем, к этому времени она уже познакомилась с доктором Рейбеном Самюэлем, который, несомненно, подходил ей гораздо больше. Едва только судья графства Клей объявил развод совершенным, она тут же вышла замуж за доктора.

С таким почтенным и достойным отчимом юные Джеймсы могли бы жить тихо и спокойно, деля свое время между будничными трудами и воскресными проповедями. К несчастью, ни время, ни место не располагали к библейскому спокойствию и к тихим радостям жизни. С тех самых пор как Зерельда в третий раз вышла замуж, графство Клей, являвшее собой пограничную территорию между Канзасом и Миссури — иначе говоря, между Севером и Югом, — переживало беспокойные дни и еще более бурные, а иногда и кровавые ночи. Первыми признаками, предвещавшими гражданскую войну, стали дикие побоища, виновниками которых в основном бывали воинственные южане, предводительствуемые Квантрелом и Кровавым Биллом. Родной край молодых Джеймсов полнился слухами о подвигах этих бандитов, на которых жители Миссури — все как один добрые южане — смотрели как на героев. Мальчишки-подростки росли среди насилия и вооруженных налетов, свидетелями которых они постоянно являлись.

Когда война наконец разразилась, Фрэнку, старшему брату, исполнилось восемнадцать лет; он записался в армию южан и попал под командование генерала Стерлинга Прайса. Сражался он мужественно, вел себя благородно, был тяжело ранен в битве при Вильсоне Крик и после ранения вынужден был вернуться домой.

Дома дела шли не блестяще. Граница между воюющими сторонами пролегла весьма условно, северяне чуть ли не ежедневно ввязывались в стычки с южанами. Едва успевшего вернуться Фрэнка немедленно арестовали юнионисты из соседнего городка Либерти и бросили его в тюрьму.

Зерельда не стала долго размышлять: ведь арестовали ее мальчика! Она стрелой помчалась в Либерти и ураганом обрушилась на офицера, исполнявшего обязанности коменданта тюрьмы. Ей удалось быстро добиться освобождения Фрэнка, с которого, однако, взяли клятву, что он никогда больше не поднимет оружия против сторонников объединения Севера и Юга.

К несчастью, офицер, выпустивший Фрэнка из тюрьмы, вскоре был смещен, и молодой человек счел себя свободным от данной им клятвы. Впрочем, теперь он стал более осторожным, решил не задерживаться на родительской ферме и под покровом ночи присоединился к людям Квантрела.

Разумеется, властям тотчас стало известно о его побеге, и на ферму явился вооруженный отряд. Перевернув там все вверх дном и не найдя Фрэнка, солдаты схватили доктора Самюэля и потащили его к самому высокому дереву, на котором уже висела заранее заготовленная петля. А юного Джесса подвергли наказанию кнутом, чтобы он стал разговорчивее и сообщил, куда девался его брат.

Истинная южанка, Зерельда не могла спокойно взирать на все это. Словно разъяренная тигрица, налетела она на солдат, вооружившись ружьем с внушительной длины стволом. Ей удалось вырвать из жестоких лап юнионистов младшего сына и заставить этих же солдат — и очень вовремя! — вынуть из петли мужа, который уже начал задыхаться.

— Уходи! — прошептала она младшему. — Уходи с черного хода и присоединяйся к брату. Я сумею отвлечь их внимание.

Джесс долго не раздумывал: матушка его была женщиной энергичной и достойной всяческого доверия. Юноша выскочил за калитку и отправился разыскивать людей Квантрела.

— Я буду сражаться вместе с вами! — отважно заявил он, оказавшись в лагере южан.

Увы, ему было всего шестнадцать, а Квантрел не хотел связываться с такими юнцами. И несмотря на все мольбы Джесса, отослал его домой.

— Возвращайся к матери, — посоветовал ему Квантрел. — Ей ты нужен гораздо больше, чем нам.

Джесс так не думал, но уйти ему все же пришлось. Явившись домой, он узнал, что Зерельда в тюрьме, а его самого повсюду разыскивают юнионисты. Отчим, перепуганный и растерянный, порекомендовал Джессу присоединиться к другой банде мятежников, а именно к Кровавому Биллу.

Биллу были нужны люди: он хотел устроить засаду большому отряду северян. Узнав, что юный Джеймс умеет стрелять, он без рассуждений принял его к себе в банду. Легенда гласит, что именно этот молодой человек сразил из засады майора Джонсона; в тот день вместе с майором погиб и его отряд численностью в две сотни человек.

Однако вскоре северяне начали одерживать одну победу за другой. Поражение южан, вынужденных капитулировать под Аппоматтоксом, могло бы вернуть жизнь в ее естественное русло, но, к сожалению, победители-северяне отнюдь не отличались великодушием. Они то и дело провоцировали новые мятежи, которые потом жестоко подавлялись. Так, люди Кровавого Билла, направлявшиеся в Лексингтон сложить оружие, подверглись нападению группы северян, и началась страшная резня. В этой стычке Джесс был тяжело ранен; с большим трудом добрался он до родительской фермы.

Дома Джесса подлечили, а потом Зерельда, всегда игравшая в семье первую скрипку, заявила, что край этот явно вреден для ее здоровья и для здоровья мужа и детей. В один прекрасный день все семейство, собрав оружие и вещи, отправилось в Небраску, чтобы там Джесс мог окончательно оправиться от своих ран.

В повозку погрузили все, что хотели спасти от хищных лап новых хозяев жизни, затем туда усадили раненого и четверых младших детей Зерельды, последнему из которых было всего несколько месяцев. За время войны семья пережила множество испытаний, однако уезжали все с тяжелым сердцем.

По дороге они заехали в гости к семейству Мимс, которым заправляла умная и энергичная двоюродная сестра Зерельды, также обремененная многочисленным потомством. Ее старшая дочь была крестницей Зерельды и соответственно носила то же имя.

Во время пребывания в доме Мимсов на Джесса снизошло откровение: он влюбился. Предметом его страсти стала юная Зерельда; девушка не замедлила признаться ему в ответном чувстве. И когда семейная повозка уже была готова тронуться в путь, молодой человек поклялся своей кузине, что вскоре он разбогатеет настолько, что они смогут пожениться и станут жить в счастье и достатке.

Влюбленные всегда обещают что-нибудь подобное, однако Джесс принадлежал к тем людям, которые, раз поставив цель, упорно движутся к ее достижению. Но если ты еле сводишь концы с концами и впереди у тебя никаких перспектив, как в таком случае можно разбогатеть? В Небраске молодой человек много ночей предавался размышлениям, пытаясь найти ответ на этот вопрос, и неожиданно ответ пришел сам собой...

13 февраля 1866 года в городе Либерти впервые в истории Америки был совершен вооруженный налет на банк. Грабители забрали и поделили между собой кругленькую сумму в шестьдесят три миллиона долларов. В числе этих грабителей был Фрэнк.

Эта новость стала для Джесса очередным откровением. Мысль о том, что ограбление банка является деянием предосудительным, ни разу не посетила голову сына пастора Джеймса. Золото принадлежало юнионистам, следовательно, освободить их от него было делом богоугодным. Это золото надлежало использовать во благо униженных южан — особенно тех, кто подобно Джессу мечтал о шикарной жизни и совершенно не собирался складывать оружие.

Итак, Джесс покинул Небраску и отправился в Миссури; проведя по пути несколько дней в приятном обществе семейства Миме, он распрощался с родственниками и вскоре присоединился к брату.

30 октября того же года Джесс вместе с Фрэнком и несколькими приятелями сделал пока еще скромный, но вполне многообещающий шаг на поприще разбойника с большой дороги, а именно — ограбил банк города Лексингтон, взяв оттуда две тысячи пятьсот долларов. Сумма была не слишком велика, но эта операция позволила девятнадцатилетнему юноше проявить свои способности, которые, найди он им лучшее применение, могли бы обеспечить ему совершенно иную судьбу. Дело в том, что природа наделила Джесса талантом предводителя.

Ограбление банка Лексингтона стало дебютом банды, которая назвала себя «Братья Джеймс» и в течение пятнадцати лет терроризировала всю округу. К сожалению, в городе полностью отсутствовали необходимые условия для успешной борьбы с преступниками: здесь не было отважного шерифа и добропорядочных граждан, которые, разделившись на группы по пятьдесят человек, бросались бы в погоню по следам несчастного головореза. Полиции тоже не было и в помине, так что перед бандой открывался широкий простор для деятельности, и члены ее были уверены, что их никто не потревожит.

Для разнообразия налеты на банки чередовались с налетами на поезда и дилижансы. Очень скоро эти нападения перестали напоминать грабежи Робин Гуда, раздававшего, как известно, добычу нуждающимся; бандиты обирали не только северян, но с большим подъемом грабили и соотечественников, а тех, кто пытался им сопротивляться, убивали.

Начав проливать невинную кровь, Джесс Джеймс и его бандиты лишились героического ореола, их больше не ставили в пример детям, а на смену всеобщему восхищению пришел страх. Теперь, когда, пришпорив коней, банда «Братья Джеймс», выкрикивая старый призыв южан к объединению, в очередной раз мчалась на дело, добропорядочные граждане предпочитали запирались у себя в домах, нежели приветствовать их восторженными восклицаниями.

Теперь в карманах Джесса в изобилии водились доллары, что позволило ему жениться на его кузине Зерельде; случилось это спустя семь лет после их первой встречи. Родители невесты не слишком любопытствовали о происхождении неожиданного богатства жениха. Впрочем, к этому времени юный кузен Мимсов возмужал и стал красивым молодым человеком, поэтому было практически невозможно помешать Зерельде-младшей выйти за него замуж: характер у нее был не менее сильный, чем у Зерельды-старшей, и вдобавок она любила Джесса. Повзрослев, он стал представительным мужчиной, высоким, хорошо сложенным, черноволосым и голубоглазым; лицо его украшала темная бородка. Он был храбр, имя его окружал романтический ореол, о нем слагали легенды, но в сущности он был безжалостным убийцей...

Однако конец самого Джесса неумолимо приближался. Быть может, его убили бы еще раньше, если бы не неприглядная история, которая придала бандитам в глазах сограждан некий благородный блеск и вновь заставила говорить о них как о мстителях.

В марте 1874 года губернатор Сайлас Вудсон сообщил о своем намерении создать специальный полицейский корпус для поимки братьев Джеймс. На это ему была выделена сумма в десять тысяч долларов... но решение о создании корпуса почему-то так и осталось на бумаге. Вместо этого Вудсон обратился к частному полицейскому агентству Пинкертона.

Агентство Пинкертона было знаменито на всю страну; для достижения успеха его сотрудники обычно прибегали к самым жестоким методам: в почете была грубая сила, а отнюдь не хитрость. И вот темной январской ночью 1875 года агенты Пинкертона в очередной раз продемонстрировали свои таланты; последствия этой демонстрации вызвали бурю негодования со стороны общественности.

А случилось вот что. Несколько человек из вышеуказанного агентства окружили ферму Джеймсов, и, убежденные, что Джесс и Фрэнк дома, бросили внутрь самодельную бомбу, которая взорвалась прямо перед очагом. Зерельда-старшая и ее супруг были тяжело ранены, а восьмилетний Арчи убит наповал. Разумеется, ни Джесса, ни Фрэнка на ферме не было...

Сей подвиг наделал немало шума, Пинкертоны с трудом оборонялись от нападков негодующей общественности. Вскоре объявились демократы, которые неожиданно встали на сторону Джеймсов и предложили новый закон об амнистии, в результате чего между вышеуказанными демократами и их противниками-республиканцами начались столкновения. Впрочем, братья Джеймс не проявили никакого интереса к дебатлируемому закону. 1 сентября они совершили налет на банк Хантингтона в Виргинии, чтобы, как положено, отпраздновать рождение первенца Джесса — юного Джесса Эд-вардса, появившегося на свет как раз накануне налета.

Получив в результате этой операции около десяти тысяч долларов, воодушевленные братья решили начать новую кампанию, которая должна была разворачиваться в Миннесоте. Один из членов банды уверил их, что все банки этой земли обетованной ломятся от золота и, совершив несколько дерзких ограблений, можно обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

В ту пору банда была малочисленна, однако все ее члены ценились буквально на вес золота: набраны они были еще в прежние времена, и каждый пользовался неограниченным доверием главаря. Кроме Джесса и Фрэнка, в банду входили Джим и Боб Янгер, три брата Коле, Билл Чадвел, Чарльз Питт и Клел Миллер. Переодевшись в блузы торговцев скотом, все они отправились в землю обетованную.

Вероятнее всего, сказочные богатства банков Миннесоты вошли в легенду лишь потому, что тамошние жители обладали хорошей привычкой защищать их, а заодно и себя. Во всяком случае, для братьев Джеймс экспедиция в Миннесоту обернулась полным разгромом.

В Манкато бандитам попался слишком хорошо охраняемый банк, и им пришлось уносить оттуда ноги. Затем они отправились в Нортфилд, но и там их ждала неудача. Когда они проникли в банк; какой-то тип закричал «К оружию!» и стал звать на помощь. Призывы о помощи мгновенно распространились по городку, и, пока Чарльз Питт безуспешно боролся с дюжим кассиром, все жители Нортфилда были подняты на ноги. Пора было удирать. Джесс убил наглого кассира, но тут же обнаружил, что и его банда понесла невосполнимый урон: Клел Миллер и Билл Чадвел лежали на полу мертвые, а Боб Янгер и один из братьев Коле были ранены.

Лишь чудом грабителям удалось прорвать оцепление. Банда покидала город, а за ней по пятам летели, потрескивая, телеграфные сообщения, призывавшие всех людей доброй воли помочь в поисках бандитов. Вскоре по следам беглецов, у которых на шестерых осталось всего пять лошадей, отправилось не меньше двух сотен добровольцев. После нескольких столкновений у бандитов и вовсе не осталось коней, и они вынуждены были продолжать отступать пешком. Братья Янгеры и Чарльз Питт были убиты. Спаслись удалось только братьям Коле и обоим братьям Джеймс.

Разбойники получили суровый урок. Братья Джеймс мудро решили отправиться в отдаленные края и там под вымышленными именами начать жизнь, приличествующую честным и порядочным людям. Тем более что Зерельда, супруга Джесса, давно уже уговаривала мужа покончить с разбоем: она хотела спокойно воспитывать детей, которых вскоре стало двое, и надеялась, что Джесс будет ей в этом помогать.

Итак, братья Джеймс снова пустились в путь. Местом своего жительства она избрали штат Теннесси, где каждый из братьев под вымышленным именем купил себе по ферме; Джесс назвался Говардом, а Фрэнк — Вудстоном.

Спустя некоторое время Фрэнк остепенился и уже не рвался на подвиги. Отведав спокойной жизни, он вошел во вкус, а маска респектабельности вполне подошла ему. Однако Джесс все еще был одержим бесом наживы...

Устроившись на новом месте, Джесс тотчас принялся искать объекты для приложения своих неизбывных сил и энергии — жизнь фермера казалась ему пресной и скучной. Во время своих странствий он повстречался со знаменитым разбойником Билли Кидом, имя которого внушало страх мирным обывателям. Эта встреча пробудила приутихшие было

низменные инстинкты Джесса, которые, вырвавшись на свободу, теперь обуревали его с новой силой. Вернувшись домой, он решил вернуться к прежней жизни и опять заняться разбоем.

Фрэнк, разрываясь между братской любовью и домашним уютом, некоторое время сопротивлялся уговорам Джесса. Однако, когда брат написал ему, что собирается вновь сколотить банду — а вербовать людей становилось все сложнее, — Фрэнк не выдержал искушения, оседлал коня и поскакал к Джессу.

Однако удача, похоже, отвернулась от братьев Джеймс. Ночное нападение на поезд из Уинстона принесло всего шестьсот долларов... и два трупа железнодорожников; налет на поезд из Блю Кэт дал двенадцать сотен долларов — и гневное возмущение окрестного населения. А когда губернатор Томас Т. Криттенден назначил награду в десять тысяч долларов тому, кто захватит живым или убьет одного из братьев, стало ясно, что банду придется распустить. Гнев местных жителей в сочетании с меркантильным интересом представлял собой слишком серьезную опасность.

Фрэнк и Джесс почли за лучшее вновь сменить место проживания. Из Теннесси они переехали в Канзас-Сити — этот город показался им вполне подходящим. Они были уверены, что там, где имена их овеяны громкой славой, но в лицо никто не знает, успех им обеспечен.

В Канзас-Сити никто не подозревал, что грозный Джесс Джеймс и уважаемый мистер Том Говард — одно и то же лицо. Он поселил свое маленькое семейство в доме № 1318 по Лафайет-стрит и совсем уже вознамерился начать новую жизнь, но однажды в его дверь постучал человек, вместе с которым они когда-то грабили банки в Миссури. Звали его Чарли Форд, и ему суждено было стать злым гением Джесса.

Старый разбойник был мрачным, жестоким и жадным человеком. Он часто грезил о былых подвигах братьев Джеймс и изо всех сил пытался раздуть в Джессе священное пламя, которое жалобы и слезы Зерельды медленно, но верно заставляли гаснуть. Чарли Форд уверял своего главаря, что есть еще немало солидных банков, ограбить которые можно без особой опаски.

— Но у нас больше нет людей, — возражал Джесс. — Не можем же мы взять банк вдвоем! Даже Фрэнк больше не хочет заниматься подобными вещами.

— Если ему доказать выгодность этого дела, он пойдет с нами! К тому же у меня есть младший брат Боб, который только и мечтает, как бы начать помогать нам. Вчетвером мы сможем с легкостью повернуть операцию.

Джесс согласился, и юный Боб получил стол и кров в доме на холме. Волк был запущен в овчарню...

На самом деле Боба Форда вовсе не привлекали лавры разбойника. Он мечтал прославиться, как «тот, кто убил Джесса Джеймса», а заодно и получить от Криттендена десять тысяч долларов. Именно с этой целью он и попросил брата познакомить его с бывшим главарем банды. Убедившись, что мистер Говард — тот самый, кто является его дичью, Боб Форд принялся обговаривать условия сделки с начальником полиции Канзас-Сити и губернатором. Когда его заверили, что вознаграждение от него не уйдет, гибель Джесса была предрешена. И разыгралась драма.

Вечером 3 апреля 1882 года семья Джеймс собралась в кухне, где Зерельда готовила ужин. Сидя на стуле, Джесс мирно ждал. Он только что вернулся из экспедиции по окрестным городкам, наконец отыскав объект их будущего применения сил, и чувствовал себя усталым.

Вдыхая аромат свежего кофе, Джесс внезапно заметил, что рамка с семейной фотографии,

висевшая на стене, покрылась пылью. Поднявшись, он неторопливо отстегнул кобуру и положил ее вместе с револьвером на семейный стол: из-за жары окна в доме были распахнуты, и соседи могли бы счесть странным, что мирный мистер Говард зачем-то вооружается перед ужином.

Освободившись от оружия, Джесс взял щеточку с пучком перьев на конце и встал ногами на стул. Тут Чарли и Боб, внимательно следившие за его маневрами, поняли, что судьба дает им шанс. Чарли схватил столь неосмотрительно брошенный револьвер, а Боб вытащил свой револьвер и с расстояния в полтора метра пустил Джессу пулю в голову...

Пока Зерельда с громким плачем билась над окровавленным телом супруга, оба отважных «палача» бросились бежать... в полицию, чтобы получить обещанную премию.

Джесса похоронили в саду родительской фермы, а на его могиле стойкая, как римлянка, Зерельда-старшая приказала сделать следующую надпись:

«В память о моем любимом сыне Джессе Джеймсе, умершем 3 апреля 1882 года в возрасте тридцать трех лет шести месяцев и 28 дней. Он был убит предателем и трусом, чье имя недостойно быть упомянутым здесь».

Этой эпитафией было сказано все; теперь легенда могла расправлять свои крылья...
